2/2017

THE WORLD OF WNE NEW ECONOMY

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

Дорогие друзья!

С.Н. Сильвестров,

главный редактор, д-р экон. наук, проф., действительный член (академик) Российской академии естественных наук, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности

Мир, и мир экономики не исключение, никогда не был таким, каким его хотелось бы видеть человеку: надежным и устойчивым, размеренным и прогнозируемым. Он постоянно меняется, переходя из одного состояния в другое: стагнация и кризис, возрождение и поступательное развитие — неотделимые части единого цикла. Отношения стран в мировом сообществе стали более открытыми, но и более сложными и рисковыми.

Новые технологии сжали социальное время и сократили физическое пространство, создали виртуальное общение, надстроенное над реальной средой обитания. Возникли вызовы и угрозы человеческой жизнедеятельности. Чем сложнее становится мироустройство, тем важнее предусмотреть и спрогнозировать сценарии будущих событий, определить цели, которые желательно и возможно достичь.

В последние годы развитие российской экономики сопровождается усилением влияния неблагоприятных внешних и внутренних факторов. Обеспечение безопасного развития и устойчивого роста сталкивается с воздействием чрезмерной открытости финансово-экономической системы, отсутствием целеполагания и налаженной системы стратегического планирования, высокой дифференциацией уровней социально-экономического развития регионов, слабостью финансово-банковской системы, отставанием в налаживании аналитической системы оценки и мониторинга вызовов и угроз реализации стратегических национальных приоритетов.

Многие из положений, касающихся объяснения и решения проблем безопасного и устойчивого развития, остаются дискуссионными и нуждаются в углубленных междисциплинарных исследованиях. В статьях, публикуемых в очередном номере, ищутся и обосновываются ответы на живые проблемы развития современной российской экономики.

Журнал издается при содействии: Università del Salento · Università degli Studi di Bari · Bloomsburg University · Frankfurt School of Finance & Management Bankakademie HfB

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Леочи П., д-р, профессор Университета Салентo г. Лечче (Италия);

Мазараки А., ректор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина);

Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи энд маркетинг консалтенс» (Германия)

Хан С., д-р, профессор, руководитель Департамента экономики Блумсбургского университета, (США);

Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Порфирьев Б.Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, зам. директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН;

Агеев А.И., д-р экон. наук, проф., директор Института экономических стратегий (ИНЭС);

Балацкий Е.В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Герасименко В.В., д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой «Маркетинг» МГУ;

Головнин М.Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора по научной работе Института экономики РАН;

Ершов М.В., д-р экон. наук, проф. Финуниверситета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов;

Иванов В.В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, заместитель президента РАН;

Миркин Я.М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН;

Могилевский Л.М., д-р техн. наук, проф., генеральный директор РОАО «Москва златоглавая»;

Нуреев Р.М., д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

Сорокин Д.Е., д-р экон. наук, проф., член-корр. РАН, научный руководитель Финансового университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сильвестров С.Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., действительный член (академик) Российской академии естественных наук, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности;

Казанцев С.В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН;

Подвойский Г.Л., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Юданов А.Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. Департамента экономической теории Финансового университета;

Варнавский В.Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;

Звонова Е.А., д-р экон. наук, проф., руководитель Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета;

Куприянова Л.М., канд. экон. наук, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета;

Медведева М.Б., канд. экон. наук, проф. Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета;

Сумароков В.Н., д-р экон. наук, проф., советник при ректорате Финансового университета;

Рубцов Б.Б., д-р экон. наук, проф., заместитель руководителя департамента по НИР Финансового университета;

Толкачев С.А., д-р экон. наук, проф., руководитель Департамента экономической теории Финансового университета.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the Univercity of Salento, Lecce (Italy);

Mazaraki A., Rector of Kyiv National University of Trade and Economics (Ukraine);

Simon G., Doctor, Professor, President of "Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy" (Germany);

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Deputy Director of the Institute of Economics Forecasting of RAS;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES);

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Gerasimenko V.V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair "Marketing", Lomonosov Moscow State University;

Golovnin M.Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, First Deputy Director of scientific work of the Institute of Economics of RAS;

Yershov M.V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance;

Ivanov V.V., PhD. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Vice-President of the Russian Academy of Sciences;

Ya.M. Mirkin, Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO;

Mogilevskiy L.M., Doctor of Technical Sciences, Professor, CEO of Russian public company "Moscow of Golden Domes";

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Sorokin D.E., Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of RAS, Science and Research Coordinator of the Financial University.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, full member (academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of The Institute of Economics and Industrial Engineering (Siberian Branch of RAS);

Podvoiskiy G.L., Deputy editor-in-chief, PhD in Economics, Leading Researcher of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Yudanov A.Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;

Zvonova E.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Global Finance Chair of the Financial University;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, the assistant manager of the Economy of Intellectual Property Chair of the Financial University;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor of the Global Finance Chair of the Financial University;

Sumarokov V.N., Doctor of Economics, Professor, Adviser at administration of the Financial University;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor, the deputy head of Chair on NIR of the Financial University;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Economic Theory Chair of the Financial University.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
«МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ».
Свидетельство
ПИ № ФС77-67300
от 30 сентября 2016 г.
Издается с 2007 г.
Усл. печ. л. 12,09
Учредитель: ФГОБУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

*Заведующий редакцией
научных журналов*
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютина

Корректор
С.Ф. Михайлова

Переводчик
О.Н. Ефимова

Верстка
С.М. Ветров

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **(499) 943-94-31,**
e-mail: NAGurskaya@fa.ru;
Гурская Н.А.

Адрес редакции:
123995, ГСП-5, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@mail.ru;
http://www.fa.ru.

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.
Перепечатка материалов
только с письменного
разрешения редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.
Подписано в печать:
26.05.2017
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 578
Отпечатано:
в ОПП Издательства
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Казанцев С.В.
Методика и инструментарий оценки безопасности на национальном и региональном уровнях 6

Архипова В.В.
Современный санкционный режим в отношении России: характеристика и глобальный аспект 13

Булавин А.В., Беляев И.И.
Сравнительный анализ основ стратегического планирования в области национальной безопасности: оценка достоверности результатов 20

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Котляров Н.Н.
Взаимодействие Китая с внешним миром в условиях «новой нормальности» китайской экономики 27

Кулакова Е.В.
Возможности и перспективы интеграции ЕАЭС в финансовой сфере 38

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Зубаревич Н.В.
Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики 46

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Винюков И.А., Маевский Е.В., Ягодовский П.В.
Финансовая состоятельность регионов РФ в 2010–2014 годах: продолжение классификационного анализа 58

Золотарюк А.В., Качибая П.С., Митюшенков А.Н.
Перспективы развития финансовой социальной сети в России 70

Салин В.Н., Севрук В.Т., Третьякова О.Г.
Статистические показатели оценки уровня конкуренции банковской системы 74

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Балацкий Е.В., Екимова Н.А.
Концентрическая модель российского рынка экономических исследований 82

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Нуреев Р.М.
Истоки огосударствления экономики и его последствия 93

ECONOMIC POLICY

Kazantsev S.V.
Procedure and Tools for Assessing Security at the National and Regional Levels 6

Arkhipova V. V.
Current Sanctions Regime Against Russia: Characteristics and Global Aspect 13

Bulavin A.V., Beljaev I.I.
Comparative Analysis Foundations of Strategic Planning in the Area of National Security: Assessing the Reliability of the Results 20

WORLD ECONOMY

Kotljarov N.N.
China's Interaction with the Outside World under the Conditions of the "New Normality" of the Chinese Economy 27

Kulakova E.V.
Prospects a Single Currency EEU 38

SPATIAL ECONOMICS

Zubarevich N.V.
Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy 46

FINANCIAL ANALYTICS

Vinyukov I. A., Maevsky E. V., Jagodowsky P. V.
Financial Solvency of Russian Regions in 2010–2014: Continued Classification Analysis 58

Zolotaryuk A.V., Kachibaya P.S., Mityushenkov A.N.
Development Prospects of Financial Social Network in Russia 70

Salin V.N., Sevruk V.T., Tretiakova O.G.
Statistical Measures of the Competition in the Banking System 74

EXPERT REPORT

Balatsky E. V., Ekimova N. A.
The Concentric Model of Russian Market for Economic Research 82

ECONOMIC LEGACY

Nureev R.M.
The Origins of Economic Environment and its Consequences 93

© "WORLD OF NEW ECONOMY" Journal
Certificate ПИ № ФС77-67300. of September, 30, 2016
Issued since 2007.
Relative printer's sheet 12,09
Founders: Financial University Under The Government Of The Russian Federation

Founder and editor of the magazine from 2007 to 2015 Doctor of Economics, Professor N.N. Dumnaya

Editor-in-chief
S.N. Silvestrov

Science journal editorship manager
V.A. Shadrin

Publishing editor
Yu.M. Anyutina

Proofreader
S.F. Mihaylova

Translator
O.N. Efimova

Makeup
S.M. Vetrov

Editorial office address:
123995, GSP-5, Moscow, Leningradskiy prospekt, 53, room 5.6
Tel.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@maul.ru;
http://www.fa.ru.

Editorial board opinion may differ from authors' opinion.
To republish content explicit written permission must be obtained from the editorial board.
Link to the journal is mandatory.
Signed off to printing: 26.05.2017
Format 60 × 84 1/8
Order № 578
OPP Publishing house of Financial University (Leningradskiy prospekt, 49)

УДК 332.14
JEL F52

Методика и инструментарий оценки безопасности на национальном и региональном уровнях

КАЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики, Российская академия наук, Москва, Россия
kzn-sv@yandex.ru

Аннотация. В 2015 г. принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в 2016 г.— Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. В декабре 2016 г. Д.А. Медведев дал поручение правительству РФ разработать доктрину энергетической безопасности страны. В 2017 г. президент РФ утвердил Стратегию экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. Есть еще Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. На очереди вопрос о стратегии кибернетической безопасности России и т.д. Естественно, встает вопрос о способе оценки уровней разных видов безопасности — национальной, экономической, демографической, продовольственной, экологической, кибернетической, энергетической, транспортной и т.д. В статье предлагается структура методики и рассматриваются способы оценки безопасности. Последние были проверены в практических расчетах. По мнению автора, все рассмотренные подходы могут применяться для оценки уровней экономической безопасности страны и субъектов Российской Федерации. Их сравнение позволило выделить основные этапы проведения оценки: определение набора исходных показателей, их квантификация, нормирование, расчет обобщающих индикаторов для групп нормированных показателей, субъектов Российской Федерации и страны в целом.
Ключевые слова: безопасность; защищенность: оценка уровня безопасности; обобщающий (интегральный) индикатор; субъект Российской Федерации.

Procedure and Tools for Assessing Security at the National and Regional Levels

KAZANTSEV S.V.,
Doctor of Economics, Professor, chief research fellow of the Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kzn-sv@yandex.ru

Abstract. The Strategy of the Russian Federation national security was accepted in 2015, the Doctrine of information security of the Russian Federation — in 2016. In December 2016, Prime Minister Dmitry Medvedev instructed the Russian government to work out a Doctrine of energy security of the country. In 2017, the President Vladimir Putin proved the Strategy of economic security of the Russian Federation until 2030. We also have a Food security Doctrine of the Russian Federation, a cyber security strategy of Russia is to be developed too, etc. Naturally, the question arises about the method that may be used for estimation the levels of different types of security — national, economic, demographic, food, ecological, cyber, energy, transport security, etc. A structure of the methodology and method of security assessment are considered in this paper. The later were tested in practical calculations. The author concludes, that all considered approaches can be used for estimation the levels of economic security of the country and the subjects of the Russian Federation. Their comparison

allowed to identify the main stages of the assessment. They are: determination of a set of initial indicators, their quantification, normalization, calculation of the generalizing indicators for groups of normalized indicators, the subjects of the Russian Federation, and the country as a whole.
Keywords: security; protection; assessment of the level of security; generalized (integral) indicator; subjects of the Russian Federation.

Методика оценки безопасности

Оценкой уровня безопасности объекта мы называем определение меры близости фактического состояния этого объекта к состоянию его полной защищенности. Защищенностью объекта я называю ситуацию, позволяющую лишить источник угрозы возможности полностью или частично ухудшать ситуацию на объекте (группе объектов) [1]. В данной статье слово «объект» используется как общее название того, что защищают, чья безопасность оценивается. Такими объектами в статье выступают страна и ее регионы.

Методика — это документ, предлагающий алгоритм действий (совокупность приемов, операций и последовательность их применения), пригодный для достижения установленной цели или поставленной задачи. В ее основе лежит способ достижения цели и (или) решения задачи. Методика, как представляется, должна удовлетворять следующим требованиям: быть научно обоснованной и реализуемой, содержать строгие, конкретные и ясные положения, давать возможность проверять результаты ее применения. Основные принципы разработки методики: построение на основе работающего и отлаженного алгоритма, проверка работоспособности и результативности.

Думается, что в методике оценки безопасности целесообразно иметь следующие разделы.

1. Введение, в котором указаны цели и задачи методики, ее правовая основа и объект, безопасность которого оценивается.

2. Основные понятия (состояние, оценка состояния, угроза, опасность, защищенность, безопасность).

3. Инструментарий оценки, включающий характеристику используемых показателей (перечень, кем составляется, кто утверждает, сроки разработки и обновления, точность); способы квантификации качественных показателей; принятые обозначения; математический инструментарий расчетов.

4. Информационно-статистическая база.

5. Исполнители (участники) и ответственные за проведение оценки.

6. Порядок и сроки проведения оценки.

7. Заключительные положения (кто утверждает, срок действия методики, порядок ее изменения и дополнения).

Результатом оценки должны стать:

- выявленные тенденции изменения состояния безопасности объекта в установленный отрезок времени. Такими тенденциями могут оказаться: укрепление, стабильность (неизменность, нахождение в установленных границах), ослабление, цикличность [переход от укрепления и (или) стабильности к ослаблению и обратно] уровней безопасности и защищенности;
- характеристика достигнутого состояния безопасности объекта (уровня защищенности страны, ее граждан, регионов, секторов экономики и т.д.) и тенденций его изменения;
- выводы о результативности мер по укреплению безопасности;
- рекомендации по укреплению безопасности объекта.

Результаты оценки могут стать основанием для прогноза дальнейшего изменения состояния безопасности объекта, уровня его защищенности. По мере необходимости методику следует уточнять, совершенствовать и даже заменять новой.

Простой способ нормирования показателей

Оценка уровня безопасности соотносит целевое состояние объекта с фактическим и может служить мерой выполнения поставленных целей (задач). При проведении оценки следует определить набор используемых (исходных) показателей, квантифицировать и нормировать их, задать целевое состояние объекта или критерии, отделяющие безопасное состояние от опасного. Необходимо также разработать способ обобщения (сведения к одному индикатору) нормированных показателей. Обсудим две из этих процедур: нормирование показателей и их сведение к обобщающему индикатору (понятия «показатель» и «индикатор» в данной статье используются как синонимы).

Объекты, как правило, характеризуют с помощью не одного, а нескольких показателей, отража-

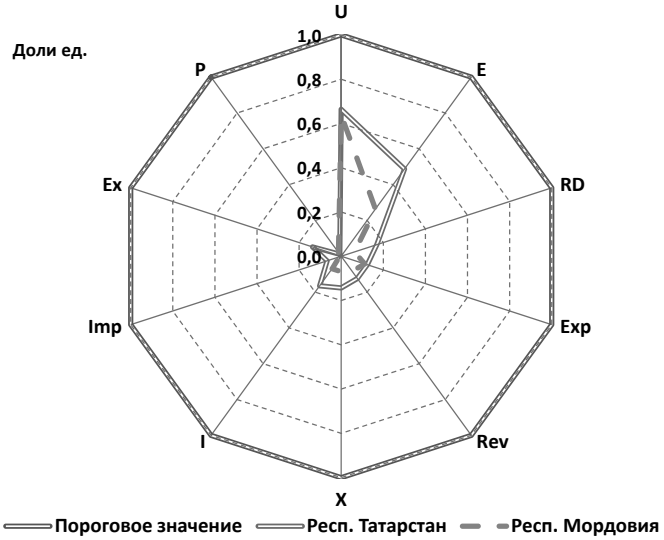

Рис. 1. **Пример представления результатов при простом нормировании по пороговому значению в виде лепестковой диаграммы: Республики Татарстан и Мордовия**

Источник: рассчитано по [3].

Примечание: U — среднегодовая численность занятых в экономике в расчете на 1000 человек населения субъекта РФ; *E* — среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц на человека; *RD* — численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчете на 1000 человек населения субъекта РФ; *Exp* — расходы консолидированного бюджета, тыс. руб. на человека; *Rev* — доходы консолидированного бюджета, тыс. руб. на человека; *X* — валовой региональный продукт, тыс. руб. на человека; *I* — объем инвестиций в основной капитал, тыс. руб. на одного занятого в экономике; *Im* — объем импорта, руб. на человека; *Ex* — объем экспорта, руб. на человека; *P* — выбросы загрязняющих веществ из стационарных источников загрязнения атмосферного воздуха, кг на человека. Эти обозначения используются на всех рисунках.

ющих его разные свойства, существенные с точки зрения его использования. Разные показатели обычно имеют различные единицы измерения. Для сведения множества (группы) показателей к одному обобщающему индикатору необходимо привести их к одинаковым единицам измерения. Такое приведение называют нормированием (отметим, что это лишь одно из возможных толкований термина «нормирование»). Кроме того, для аналитических и практических целей желательно и удобно работать с показателями, количественные значения которых находятся в фиксированном интервале.

Простым и распространенным способом нормирования является следующий. Путь есть j видов показателей объекта i в момент (или отрезок) времени t: $a(i, j, t)$, где $i = 1, 2, 3, \ldots, m$; $j = 1, 2, \ldots, n$; $t = 1, 2, 3, \ldots, T$. Каждый такой показатель делят на некоторое число $b(i, j, t)$, имеющее ту же размерность, что и сам показатель:

$$u(i, j, t) = a(i, j, t) / b(i, j, t) \text{ для всех } i, j, t. \quad (1)$$

В качестве делителя обычно принимают одно из $a(i, j, t)$ — минимальное, среднее арифметическое, максимальное и т.д. В расчетах уровней защищенности или безопасности объектов в качестве нормирующего принято брать так называемое пороговое значение показателя. Пороговыми называют предельные величины, нахождение в границах которых является безопасным. В этом случае нормируемую величину $u(i, j, t)$ рассчитывают по формулам

$$u(i, j, t) = a(i, j, t) / p(i, j, t), \quad (2)$$

если безопасной считается ситуация, при которой фактическое значение показателя $a(i, j, t)$ оказывается не ниже пороговой величины $p(i, j, t)$, и

$$u(i, j, t) = p(i, j, t) / a(\mathrm{i}, \mathrm{j}, \mathrm{t}), \quad (3)$$

если безопасной считается ситуация, при которой фактическое значение показателя $a_{i,j}(t)$ будет не выше пороговой величины $p(i, j, t)$. Такой способ нормирования использован, например, в работе Д.В. Гордиенко [2].

Величина рассчитанного таким образом показателя $u(i, j, t)$ меняется в интервале от 0 до 1.

Достоинствами данного способа нормирования выступают ясность и простота расчетов, возможность наглядного представления. Примеры графического представления результатов простого способа нормирования показаны на *рис. 1–3*.

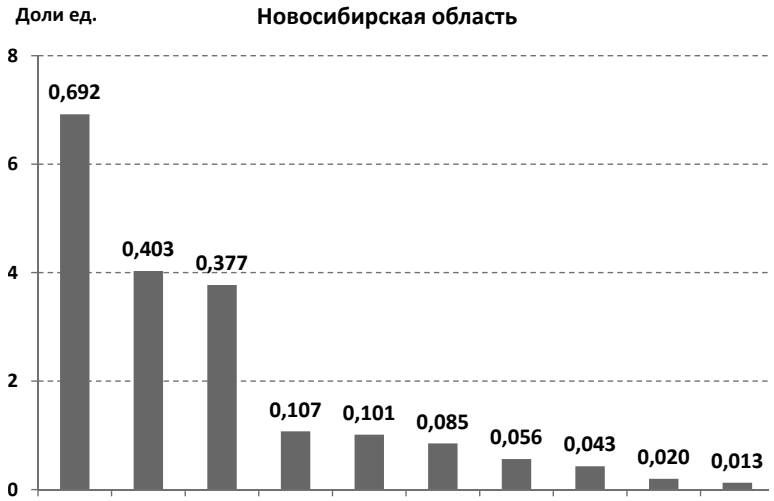

Рис. 2. **Пример представления результатов при простом нормировании по пороговому значению в виде гистограммы: Новосибирская область**

Если единицу на *рис. 1* принять за 100%, представленные области будут показывать процент защищенности объекта, оцененный по рассматриваемым показателям.

Недостаток рассматриваемого способа нормирования состоит в том, что он не работает при пороговых значениях, равных нулю. Существование таких пороговых величин нельзя исключать. Ими могут быть, например, нулевое сальдо бюджета, нулевой сальдированный финансовый результат, нулевой уровень загрязнения окружающей среды, преступности и т.д. Кроме того, применение обсуждаемого способа нормирования предполагает, что: а) для каждого показателя существует только одно пороговое значение — верхнее или нижнее; б) все исходные показатели имеют одинаковые знаки, т.е. все они положительны или отрицательны. Оба предположения не всегда справедливы.

Нормирование на величину расхождения лучшего и худшего значения показателей

В этом способе нормирования вместо понятия пороговой величины как границы, отделяющей опасное состояние от безопасного, используются показатели целевого состояния объекта, к достижению которого следует стремиться. При представлении результатов расчетов в виде лепестковой диаграммы целевое состояние выступает либо как центр диаграммы (как «яблочко» в мишени для стрельбы), в который надо попасть, либо как верхняя граница, к которой следует стремиться.

Для нормирования показателей предложено следующее выражение:

$$u(i, j, t) = [X(i, j, t) - a(i, j, t)] / [X(i, j, t) - x(i, j, t)]. \quad (4)$$

Здесь $j = 1, 2, \ldots, m$ — индекс показателя; $i = 1,2, \ldots, n$ — индекс объекта; $t \geqslant 0$ — индекс отрезков времени; $a(i, j, t)$ — значение параметра j объекта i в отрезок времени t; $X(i, j, t)$ — параметр, задающий гипотетически лучшую защищенность объекта i по параметру j в отрезок времени t; $x(i, j, t)$ — показатель, задающий худшую из существующих в отрезок времени t защищенность объекта i по параметру j, т.е. худшее с точки зрения безопасности значение параметра $a(i, j, t)$; $u(i, j, t)$ — значение нормированного параметра $a(i, j, t)$.

Значение $u(i, j, t)$ находится в закрытом интервале [0, 1]. Близость к нулю означает бóльшую защищенность объекта, а приближение к единице — его бóльшую незащищенность.

Достоинство такого способа нормирования состоит в простоте содержательной интерпретации и выполнения расчетов, возможности вычисления при любом значении исходных параметров, понятная визуализация результатов расчетов (*рис. 3–4*).

Если единицу на *рис. 3–4* принять за 100%, представленные на этих рисунках области будут показывать процент незащищенности объекта, оцененный по рассматриваемым показателям. Чем эта зона меньше, тем лучше.

Исходные показатели можно также нормировать так, что наилучшему состоянию будет соответствовать нормированное значение, равное единице:

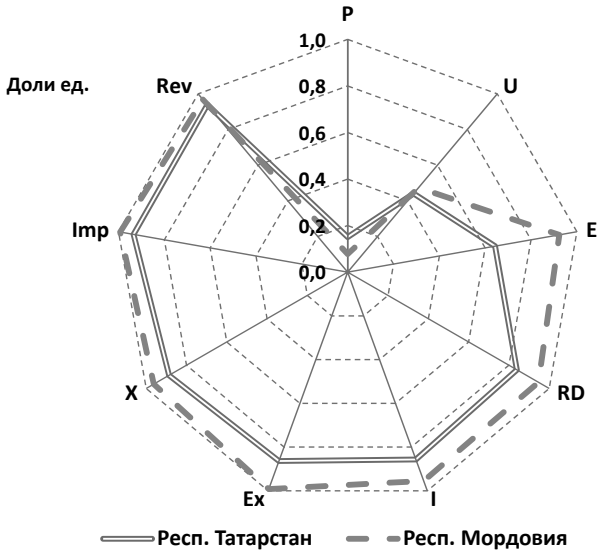

Рис. 3. **Пример представления результатов при нормировании по принципу удаления от лучшего значения, равного нулю: Республики Татарстан и Мордовия**

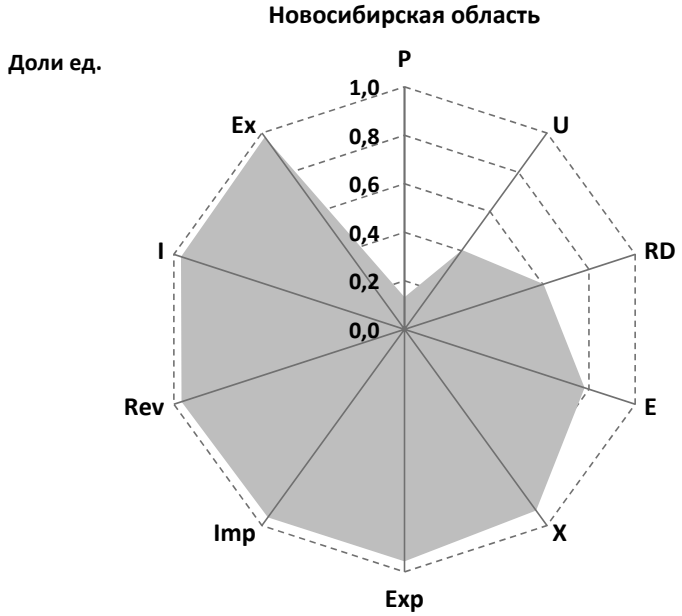

Рис. 4. **Пример представления результатов при нормировании по принципу удаления от лучшего значения, равного нулю: Новосибирская область**

$$u1(i, j, t) = [a(i, j, t) - x(i, j, t)] / [X(i.j, t) - x(i, j, t)]. \quad (5)$$

Значение $u1(i, j, t)$ по-прежнему находится в интервале [0, 1], при этом объект тем больше защищен, чем ближе значение нормированного параметра к единице. Близость же к нулю означает меньшую защищенность объекта (*рис. 5*). Площади представленных на *рис. 5* фигур можно рассматривать как меру защищенности объекта, оцененную по рассматриваемым показателям: чем эти площади больше, тем лучше, тем больше степень защищенности объекта. Расширение площади фигуры во времени означает укрепление безопасности объекта, а ее уменьшение — ослабление безопасности.

Расчет обобщающего индикатора

Есть два наиболее распространенных способа расчета индикатора, обобщающего значения всех или группы нормированных показателей: определять

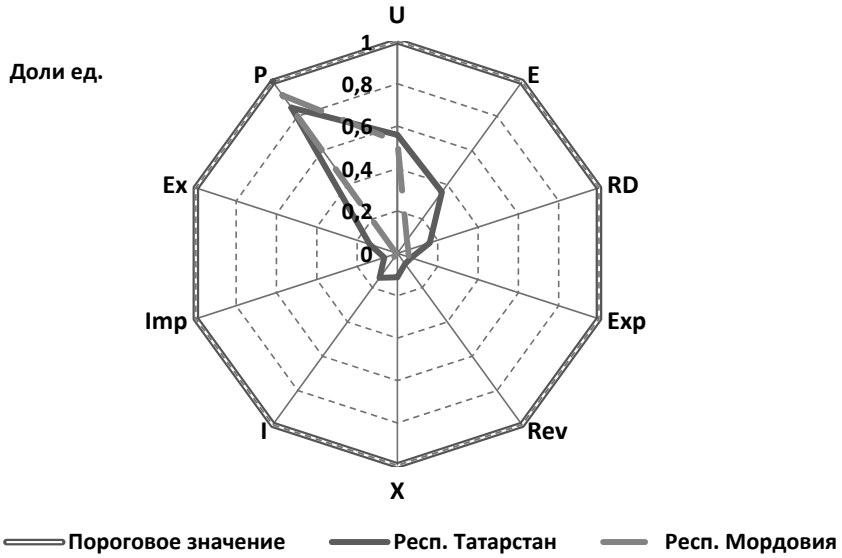

Рис. 5. **Представление результатов при нормировании по принципу удаления от лучшего значения, равного единице: Республики Татарстан и Мордовия**

Таблица

Пример расчета уровней безопасности объектов Z(*i, t*) и *Z*1(*i, t*) при известных уровнях их защищенности *Y*2(*i, t*) и *Y*3(*i, t*) и вероятностях реализации угроз p(*i, t*)

Субъект РФ	Вероятность реализации угроз	Уровень защищенности	Уровень безопасности	
		*Y*2(*i, t*) = *Y*3(*i, t*)	*Z*(*i, t*)	*Z*1(*i, t*)
Республика Татарстан	0,7	2,495	1,747	3,564
Республика Мордовия	0,2	2,760	0,552	13,800
Новосибирская область	0,5	2,584	1,292	5,167

его как произведение либо как сумму нормированных показателей:

$$Y(i, t) = \prod_j c(i, j, t) \bullet u(i, j, t); \quad (6)$$

$$Y1(i, t) = \text{sum}_j\, c(i, j, t)\, u(i, j, t), \quad (7)$$

где $c(i, j, t)$ — взвешивающие коэффициенты; $c(i, j, t)$ в интервале [0, 1], для всех i, j, t; и $\sum_j c(i, j, t) = 1$. Бывает, что $\text{sum}_j\, c(i, j, t)\, u(i, j, t)$ делят на число показателей n [4].

Неудобство применения этих способов расчета состоит в неопределенности по крайней мере одной из границ изменения обобщающего показателя. Кроме того, $Y(i, t)$ обращается в ноль, если хотя бы один из нормированных показателей $u(i, j, t)$ равен нулю.

Полагаю, что в качестве обобщающего индикатора может выступать взвешенная евклидова метрика, показывающая удаленность фактического состояния от гипотетически лучшего (такой способ представления обобщающего показателя был предложен автором в 2008 г.):

$$Y2(i, t) = [\text{sum}_j\{c(i, j, t) \bullet u(i, j, t)^2\}]^{0,5} \quad (7)$$

при нормировании по формуле (4),
или

$$Y3(i, t) = [\text{sum}_j\{[1 - c(i, j, t) \bullet u(i, j, t)]^2\}]^{0,5} \quad (8)$$

при нормировании по формуле (5).

Легко показать, что метрики Y2(*i, t*) и *Y*3(*i, t*) равны между собой для всех i и меняются в интервале от 0 до $\sqrt{n}$.

Чем ближе значение метрики к нулю, тем в большей безопасности находится объект. Наличие пределов, в которых заключено значение обобщающего

индикатора, позволяет разделять интервал его изменения на зоны или уровни безопасности или защищенности. Например, на красную, оранжевую, желтую и зеленую. Число таких зон может быть разным.

Достоинствами предложенного способа расчета обобщающего индикатора по формулам (7), (8) являются ясность и простота содержания, легкость вычисления, наличие фиксированных границ вариации индикатора, возможность наглядного представления результатов (лепестковая диаграмма, гистограмма, диаграмма с областями). Кроме того, можно рассчитывать относительную значимость («вклад») каждого показателя в близость метрики к ее наилучшему значению [1, 5]. Предложенный инструментарий позволяет вести расчеты при задании для объекта двусторонних границ его защищенности или безопасности.

Специально отметим, что до сих пор исследователи не учли, что кроме взвешивающих коэффициентов, показывающих относительную значимость (важность) группы показателей или объектов, есть еще вероятности осуществления угроз, нависших над объектом. При расчете обобщающего индикатора предлагаю учитывать их следующим образом:

$$Z(i, t) = Y2(i, t) \bullet p(i, t), \quad (9)$$

$$Z1(i, t) = Y3(i, t) / p(i, t), \quad (10)$$

где p(i, t) — вероятность реализации в отрезок времени t угроз объекту i; $p(i, t)$ в интервале (0, 1], $Z(i, t)$ и $Z1(i, t)$ можно толковать как уровни безопасности объекта i в отрезок времени t. Пример их расчета показан в *таблице*.

В соответствии со способом расчета показателей защищенности $Y2(i, t)$ и $Y3(i, t)$ уровень безопасности объекта выше при меньшем значении $Z(i, t)$ и при большей величине $Z1(i, t)$.

Общее правило корректировки обобщающих индикаторов на показатель вероятности реализации угроз следующее. Если обобщающий индикатор построен по принципу «чем больше его величина, тем выше уровень защищенности», при расчете показателя безопасности его следует делить на значение вероятности выполнения угроз; а индикатор, построенный по принципу «чем меньше его величина, тем выше защищенность»,— умножать на показатель вероятности реализации угроз.

Литература

1. Казанцев С.В. Защищенность экономики регионов России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014.
2. Гордиенко Д.В. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях кризиса: учеб. пособие. М.: «Дело» РАНХиГС, 2001.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 10.01.2017).
4. Третьяков Д.В. Организационно-методический инструментарий обеспечения экономической безопасности региона: дис. … канд. экон. наук. Тамбов, 2012.
5. Казанцев С.В. Оценка взаимного положения регионов // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 151–174.

References

1. Kazantsev S.V. Protection of economy of Russia's regions [Zashishchennost' ekonomiki regionov Rossii]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, 2014 (in Russian).
2. Gordienko D.V. Ensuring economic security of the state in crisis conditions: tutorial [Obespechenie ehkonomicheskoj bezopasnosti gosudarstva v usloviyakh krizisa: ucheb. posobie]. Moscow, «Delo» Russian Academy of national economy and public administration, 2001 (in Russian).
3. The Regions of Russia. Socio-economic indicators [Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (Accessed 10 January 2017).
4. Tret'yakov D.V. Organizational-methodical tools for maintenance an economic security of the region [Organizatsionno-metodicheskij instrumentarij obespecheniya ehko-nomicheskoj bezopasnosti regiona]. Cand. dis. (jekon). Tambov, 2012 (in Russian).
5. Kazantsev, S.V. Comparative assessment of regional ecomonies [Otsenka vzaimnogo polozheniya regionov]. *Region: jekonomika i sociologija — Region: Economics and Sociology*, 2008, no. 2, pp. 151–174 (in Russian).

УДК 338(470+571),339.9

Современный санкционный режим в отношении России: характеристика и глобальный аспект

АРХИПОВА ВИОЛЕТТА ВАЛЕРЬЕВНА,
канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей, Институт экономики РАН, Москва, Россия
q123zv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу текущего санкционного режима в отношении РФ, установленного в 2014 г. и действующего в настоящее время. Предметом исследования является содержание санкционного режима против России (национальный аспект) и состояние современной мировой финансовой системы и международных торгово-финансовых отношений в контексте развития санкций как инструмента внешней политики (глобальный аспект). Цель данной работы заключается в определении структуры и свойств санкционных мер в отношении РФ, выявлении и оценке глобальных последствий от введения антироссийских комплексных санкций. Количественные характеристики, представленные в исследовании, главным образом базируются на статистическом анализе данных Банка международных расчетов, Международного валютного фонда и Центра международной торговли преимущественно за 2011–2016 гг., а также международных прогнозных значениях развития глобальных торговых и финансовых показателей. В статье приводится детальная классификация санкционных мер против РФ. Сделан вывод о том, что анализируемый динамичный санкционный режим имеет негативные глобальные последствия: реальные (дипломатические, психологические в форме негативных ожиданий субъектов хозяйственной деятельности, потерянная торговля и побочный торговый эффект, искажение торговых и финансовых потоков через удлинение цепочек посредников, искусственное замедление восстановления глобального кредитного рынка, проблема ответственности стран-санкционеров за развитие и реформирование мировой финансовой системы) и потенциальные (возникновение новых видов эффекта «заражения», увеличение рисков концентрации капитала на глобальных некредитных финансовых рынках).
Ключевые слова: санкции; российская экономика; мировая финансовая система; глобальный кредитный рынок; торговля.

Current Sanctions Regime Against Russia: Characteristics and Global Aspect

ARKHIPOVA V.V.,
PhD in Economics, Senior Researcher at Institute of Economics (Russian Academy of Sciences), Moscow, Russia
q123zv@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of actual dynamic sanctions regime established against Russia in 2014 and lasting till nowadays. The subject matter of the research includes the contents of sanctions regime in regard to Russia (national aspect) and the current condition of world financial system and international trade in the context of developing sanctions as an instrument of foreign policy (global aspect). The object in view is to determine the structure and attributes of complex sanctions regime against Russia, identify and estimate its global consequences. In order to measure the global results of Anti-Russian sanctions and

countersanctions we implement statistical analysis using the databases of BIS, IMF and INTRACEN during 2011–2016. The detailed classification of sanctions against Russia is also offered. We came to a conclusion that analyzed sanctions regime has strictly negative global outcomes which can be combined into two groups: real (such as diplomatic, negative expectations of economic agents, "lost trade" and "collateral trade damage", distortion of trade and financial flows through incorporation of additional mediators, manufactured slowdown of global credit market, lack of responsibility for global financial development typical for sender countries) and potential (i.e. origin of new types of "contagion" effect, risks of financial concentration and "bubbles" in global non-credit markets to occur).
Keywords: sanctions; Russian economy; world inancial system; global credit market; trade.

В современном мире санкции являются одним из наиболее распространенных инструментов внешней политики преимущественно развитых стран. Так, США как самое активное государство-санкционер в период 1960–2015 гг. реализовали около 30 комплексных санкционных программ, 5 из которых включали всеобъемлющие (*comprehensive*) меры [для Кубы, Ирана, Бирмы (Мьянмы), Судана и Сирии], а остальные содержали конкретные целевые (*targeted*) ограничения (для Ирака, Зимбабве, Белоруссии, Ливана, Северной Кореи, Ливии, Украины, Венесуэлы и т.д. [1, 2]. Более того, насчитывается свыше 10 прецедентов, когда США накладывали санкции на крупных финансовых посредников из третьих стран в форме штрафов за нарушение санкционных режимов со стороны США в отношении целевых государств на сумму от 100 млн до 8,9 трлн долл. США. За 2009–2015 гг. объектами подобных мер стали *BNP Paribas* (Франция, максимальный штраф), *Standard Chartered* и *HSBC* (Великобритания), *Credit Suisse* (Швейцария) и *Bank of Tokyo — Mitsubishi* (Япония) [1]. ЕС и ООН выступали в качестве субъектов глобальных санкционных режимов более 20 и 10 раз соответственно [1, 2].

Санкционные способы воздействия применялись еще до нашей эры. Таким образом, пройдя через путь длительной поэтапной эволюции, к настоящему времени они достигли существенного прогресса, что, прежде всего, выражается в совершенствовании чисто финансовых санкций и мер «прицельного» или точечного (*smart*) экономического давления на подсанкционные страны [2, 3]. В современных условиях причины введения санкций могут быть разными. В целом к этим инструментам обращаются для выражения ответной реакции на действия любого государства, *de facto* нарушившего или *absurdum in adjecto* поступившегося мировыми принципами безопасности и нормами международного права, и невоенного принуждения к изменению неприемлемого курса его политики. Для РФ анализируемая тематика стала особенно актуальной после введения блоком западных стран в 2014 г. системных санкций вследствие обострения и развития украинского конфликта.

Вопросам рациональности использования и продуктивности санкций посвящен широкий круг научных работ. Изучение этих механизмов в связи с их ускорившейся эволюцией в середине XX — начале XXI в. существенно активизировалось и углубилось. Ряд отечественных и зарубежных исследователей указывает на необходимость регулярной систематизации знаний об институте санкций и предлагает усовершенствованные и дополненные классификации с учетом их новых подвидов [3], уровней (*tiers*) [4] и «волн» (*waves*) [5], в том числе на примере антироссийского санкционного режима. С точки зрения оценки эффективности санкционных механизмов теоретические работы можно условно разделить на блоки:

1) исходящие из анализа общего набора инструментов и наличия/отсутствия достижения поставленных политических целей [6, 7];

2) изучающие глубину воздействия на подсанкционные государства [4, 8];

3) выявляющие эффекты на стран-санкционеров [5].

Отдельные эксперты обращаются к глобальным эффектам от международных санкций — преимущественно для мировой торговли [5]. Цель данной работы состоит в систематизации и детализации классификации применяемых санкционных мер, исследовании содержания и свойств текущего санкционного режима против РФ и оценке его глобальных финансовых и общеэкономических последствий.

В результате анализа международных санкций нам удалось объединить их в 4 крупные группы по: качественным и количественным характеристикам санкционеров, сообщаемому географическому направлению (включая взаимный обмен по схеме «санкции«контрсанкции» и принудительное расширение круга санкционеров по принципу «ближайшего партнера» через производные санкции), степени

Таблица

Классификация международных санкций и структура текущего санкционного режима в отношении России

Международные санкции				
по санкционерам		**по направлению:**	**по степени охвата:**	**по сферам общественной жизни:**
по типу:	**по количеству:**			
• страновые (как правило, развитая страна или группа стран); • организационные (со стороны международных организаций и объединений)	• индивидуальные (односторонние; • коллективные	• однонаправленные (санкционер/ы → подсанкционный/е); • разнонаправленные: – ответные (санкции ↔ контрсанкции); – производные / вторичные / экстерриториальные (*extraterritorial*) / штрафные (санкционер/ы → подсанкционный/е и третьи страны)	• всеобъемлющие • точечные / целевые / конкретизированные: – персонифицированные (на физических лиц) – на юридических лиц – категориальные (товары и услуги) – отраслевые – региональные (на регион/ы внутри подсанкционной страны, в 1-й или нескольких стран подсанкционной группы)	• дипломатические • экономические: – по потокам: ✓торговые (на ввоз/вывоз, на товары/услуги); ✓финансовые – секторальные в области: ✓энергетики; ✓обороны; ✓сельского хозяйства; ✓т.п.; • искусства, культуры, спорта

Примечание: подчеркнутые меры входят в анализируемый санкционный режим.

Источник: составлено автором.

и сферам охвата (см. *таблицу*). Типологизация ограничительных мер позволяет сделать вывод, прежде всего, о том, что ***санкционный режим в отношении России является коллективным***, так как кооперирует усилия нескольких международных организаций и форумов и свыше 30 государств-санкционеров из различных регионов мира, в том числе активного «ядра» (США и стран ЕС) и поддерживающих участников (Канады, Австралии, Японии, Норвегии, Швейцарии, Новой Зеландии, Исландии, Лихтенштейна, Албании, Черногории, Молдовы и Украины).

Анализируемый санкционный режим отличается ***разнонаправленностью (обилием внутренних «векторов») и многосферностью***. Обратимся к хронологии событий 2014–2017 гг., в которой прослеживаются четкие этапы. В марте-апреле 2014 г. против РФ был включен бессрочный дипломатический «фильтр» со стороны ряда стран (ЕС — консервация процедуры упрощения визового режима и модернизации соглашения о партнерстве, ограничение дипломатического диалога; США — приостановка переговоров по двустороннему инвестиционному соглашению; Швейцария и Новая Зеландия — замедление разработки и принятия соглашения о свободной торговле с ЕАЭС) и международных организаций и объединений: приостановление вступления России в ОЭСР, практического сотрудничества с НАТО, прав голосования в ПАСЕ и сокращение формата «Большой восьмерки» до G7.

Практически параллельно с дипломатическими в марте 2014 г. со стороны США и ЕС были введены неоднократно расширяемые и продлеваемые вплоть до 2017 г. точечные санкции, такие как запреты на поездки и «заморозка» активов, распространяющиеся на конкретных физических и юридических лиц, занесенных в «черные списки». С июня 2014 г. конкретизированные ограничения пополняются региональным подвидом, т.е. приводятся в действие санкции против Крыма (сначала импортные барьеры, затем частичные экспортно-инвестиционные и полные инвестиционные ограничения). В марте 2014 г. со стороны России отмечаются первые ответные меры, выраженные в форме закрытых списков аналогичных целевых санкций в отношении субъектов хозяйственной деятельности из стран-санкционеров. С июля 2014 г. США и страны ЕС начали применение, а с сентября 2014 г. — углубление и продление экономических санкций против РФ, преимущественно финансовых (ограничение доступа на глобальные финансовые рынки крупнейших российских банков, нефтяных и оборонных

компаний, находящихся под контролем государства) и торговых, с селективными мерами, для конкретных отраслей (главным образом, ВПК и энергетики). В августе 2014 г. РФ обратилась к применению контрсанкций (преимущественно импортных барьеров) на сельскохозяйственные продукты большинства стран-санкционеров.

Исследуемый международный санкционный режим представляет собой реальную угрозу, как внешнюю для отечественной экономики, так и глобальную — для мировой финансовой и общеэкономической системы, поскольку является интегральным и практически единовременным со стороны его субъектов и комплексным, вследствие сочетания множества подвидов санкций и их неоднократной пролонгации за 2014 — начало 2017 г. При этом необходимо отметить, что, несмотря на единство решений и действий стран-санкционеров, существует ряд расхождений в используемых подходах и методах с учетом их национальных интересов. Например, под экономические санкции США подпадают нефтяные и газовые компании РФ, а ЕС избегает конфликтов с последними и всячески старается не допустить нарушения поставок российского газа в Европу. Различия также есть как в составе лиц, попавших в «черные списки», так и в отношении к применению санкций против РФ. В число активных сторонников ограничений входят Польша, Литва, Латвия, Эстония, Германия, Великобритания, Швеция. Между тем, Испания, Греция, Италия и Болгария считают их «никому не выгодными» [4, с. 5].

Обратимся к анализу глобальных последствий международного санкционного режима против России с точки зрения современного развития мировой экономики. Целесообразно выделить следующие негативные процессы и вызовы:

I. Торговые. Этот вид глобальных издержек включает в себя две составляющие: потерянную торговлю (*lost trade*) как разницу между прогнозируемыми и фактическими объемами торговли товарами стран-санкционеров с подсанкционным государством и побочный торговый эффект (*collateral trade damage*), возникающий для товаров, не попавших в «черные списки» [5]. Для измерения чистых глобальных торговых издержек от анализируемого санкционного режима (источники данных: [9–14]) мы разработали и применили *формулу 1*:

$$LT_s = \sum_{t=2014}^{2016}\left[LT_{w_t}\times\left(1-\max\left(R_{trade,oil_t};\overline{R}_{trade,cur_t}\right)\right)\right], \quad (1)$$

где LT_s — потерянная торговля от санкций за июль 2014 — сентябрь 2016 г. (период назовем «санкционным», так как до него несанкционные факторы оказывали основное влияние на торговые показатели, а после — нет данных. Во всех формулах время t в интервале 2014–2016 гг.);

LT_{w_t} — ежегодные показатели потерянной торговли, учитывающие всю совокупность причин данного эффекта (в сумме за полный санкционный период они равны 675,2 млрд долл. США) из расчета по *формуле 2*:

$$LT_{w_t} = \sum_{j=Q1}^{Q4}\left(\overline{X}_{2011-2013_j} - X_{tj}\right), \quad \text{где условие}$$

$$\left(\overline{X}_{2011-2013_j} - X_{tj}\right) \geq 0; \quad (2)$$

$\overline{X}_{2011-2013_j}$ — средние квартальные значения суммы экспорта и импорта товаров для РФ (торговый показатель) за 2011–2013 гг. в качестве ожидаемых;

X_{tj} — торговый показатель по кварталам за санкционный период;

$R_{trade,\,oil_t}$ — коэффициент корреляции Пирсона, рассчитанный для помесячных данных торгового показателя и цен на сырую нефть за санкционный период;`

$R_{trade,\,cur_t}$ — среднее значение коэффициента корреляции Пирсона за санкционный период для помесячных данных торгового показателя, с одной стороны, и расширенного реального эффективного валютного курса доллара и евро и номинального курса доллара США и евро к рублю (покомпонентно) — с другой (коэффициенты корреляции рассчитывались по модулю на прологарифмированных данных).

Выбор максимального коэффициента корреляции, принятого в качестве порогового значения и доли негативного воздействия на торговлю несанкционных факторов (преимущественно волатильности глобальных рынков валют и нефти), и «очищение» полученных ежегодных показателей потерянной торговли от них позволило получить примерную оценку глобальных санкционных торговых издержек (или верхнюю границу возможных санкционных потерь). Искомый показатель LT_s составил за вторую половину 2014 г. 29% от величины потерянной торговли соответствующего года, или 15,1 млрд долл. США, в 2015 г.— 53%, или 174,4 млрд долл. США, за 9 мес. 2016 г.— 24%, или 70,7 млрд долл. США; всего за санкционный период — 260,2 млрд долл. США (примерно 1% от объема мировой торговли за 2015 г.). Из общего объема торговых потерь от санкций, которые затрагивают преимущественно европейский регион (более 50% LT_s), на долю подсан-

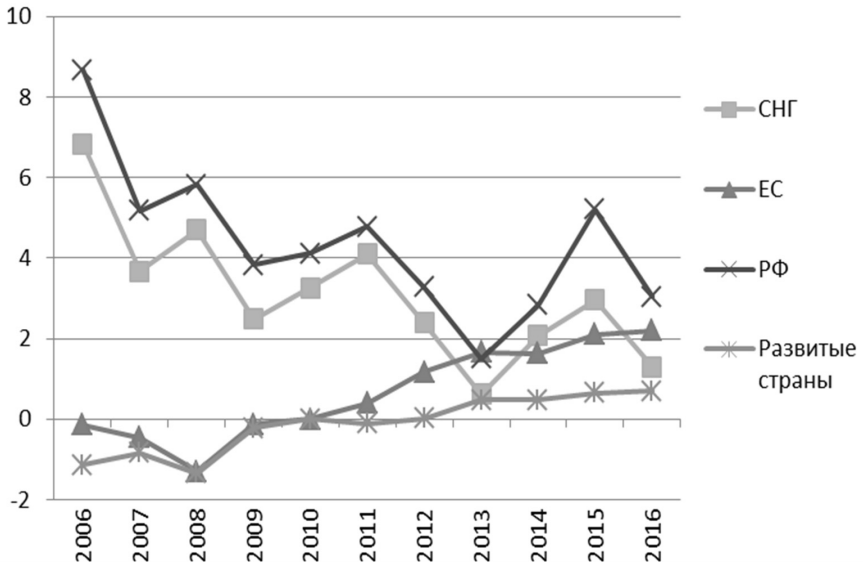

Рис. 1. **Сальдо счета текущих операций, % к ВВП**

Источник: [11].

кционных и контрсанкционных товаров приходится порядка 20%, а побочный торговый эффект оказался около 80% [5, с. 20–22].

II. Институциональные торгово-финансовые, связанные с *искусственным* изменением торгового взаимодействия России и государств-санкционеров (в совокупности составляют свыше 30% мирового ВВП 2015 г.), а также третьими странами, и с искажением торговых и финансовых потоков за счет встраивания дополнительных институтов — «цепочек» посредников, отягощающих отношения в плане сроков реализации сделок и роста цен для потребителей (*рис. 1*).

Отмечается, что активизировались такие процессы с участием РФ, как рекредитование и реэкспорт отдельных товаров, которые, однако, возникшие издержки сторон компенсируют не в полной мере. Например, в 2015–2016 гг. Газпром сумел дважды воспользоваться ресурсами глобального рынка банковских услуг в общем объеме 3,5 млрд долл. США, прибегнув к вторичному каналу привлечения кредитов со стороны Китая и группы азиатских банков [4, с. 8].

За июль 2014 — июнь 2015 г. прямой экспорт молочной продукции, выступающей объектом российских контрсанкций, из ЕС в РФ сократился на 77%, а в Беларусь — вырос на 423% за счет развития посреднической реэкспортной цепочки. Однако, по оценкам экспертов, с помощью реэкспорта по схеме «ЕС®Беларусь/Казахстан®РФ» покрывается только 2% от совокупного снижения прямого российского импорта сельскохозяйственной продукции, находящейся под бременем эмбарго [4, с. 10–11; 9].

III. Чисто финансовые, включающие в себя следующие:

1. Сжатие и искусственное замедление восстановления после кризисных событий 2008–2009 гг. глобального кредитного рынка (*рис. 2*). Ключевые страны-санкционеры, на долю которых в 2016 г. приходится свыше 60% трансграничных активов и обязательств, блокируют доступ к глобальным финансовым ресурсам для ключевых национальных игроков, контролирующих около 60% российского банковского сектора (Сбербанка, ВТБ, Газпромбанка, Внешэкономбанка и Россельхозбанка). Для РФ с преимущественно банковской (порядка 90% активов финансового сектора) и уязвимой для внешних шоков внутренней финансовой системой более доступными сохраняются краткосрочные финансовые инструменты со сроком погашения до 30 дней. «Вес» РФ в компоненте глобального рынка банковских услуг современной мировой финансовой системы сравнительно невелик (менее 1%). Но санкционный режим ограничивает возможности как подсанкционной страны и интеграционных групп, в которых она является финансовым лидером, участвовать в поддержании естественных процессов финансовой глобализации, так и кредитную активность стран-санкционеров [12]. Недополученные льготные кредиты и гранты только со стороны ЕС за 2014–2017 гг. оцениваются как минимум в 11,1 млрд долл. США [4].

2. Потенциальное возникновение и развитие нового вида финансового «заражения» — эффекта отлива

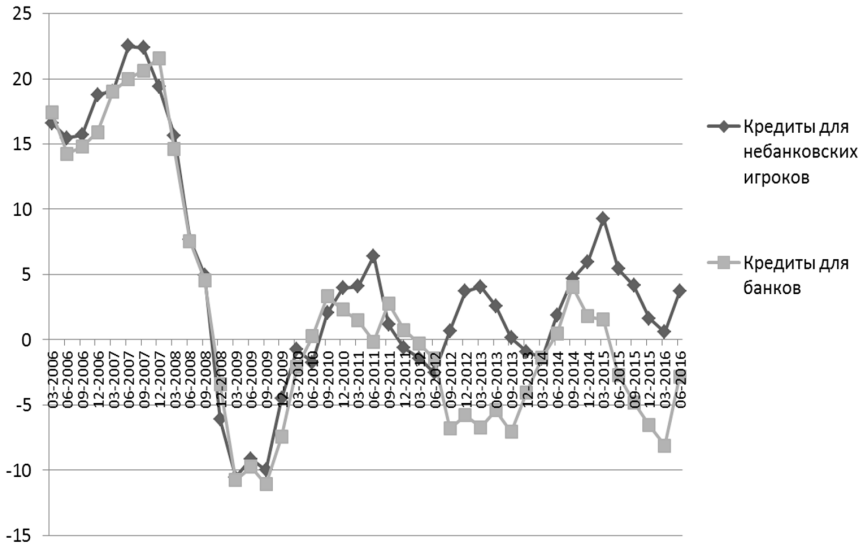

Рис. 2. **Динамика международных банковских кредитов, %**

Источник: [12].

(от менее финансово развитой страны к более развитым государствам и глобальным рынкам).

3. Санкции как искусственный барьер и причина эффекта внезапных остановок потоков капитала (*sudden stops*), оцениваемого за анализируемый санкционный период в 22,5 млрд долл. США (по 11,25 млрд долл. США, или 20 и 62% от общих показателей оттока капитала за 2014 и 2015 гг. соответственно) по формуле (3) [9–14]:

$$SS_s = \sum_{t=2014}^{2016}\left[SS_{w_t}\times\left(1-\max\left(R_{capital,oil_t};\overline{R}_{capital,cur_t}\right)\right)\right], \quad (3)$$

где SS_s — объем внезапной остановки потоков капитала от санкций; SS_{w_t} — ежегодные *sudden stops*, вызванные комплексом причин:

$$SS_{w_t} = \sum_{j=Q1}^{Q4}\left(Y_{tj}-\overline{Y}_{2011-2013_j}\right), \quad \text{где условие}$$

$$\left(Y_{tj}-\overline{Y}_{2011-2013_j}\right)\geq 0, \quad (4)$$

$\overline{Y}_{2011-2013_j}$ — средние квартальные значения объемов вывоза частного капитала из РФ за 2011–2013 гг.; Y_{tj} — отток частного капитала за санкционный период (санкционный период здесь сужается до IV квартала 2014 — II квартала 2015 г. включительно, так как до него несанкционные факторы оказывали основное влияние на финансовые показатели, а после — не выполнялось условие). Методика корреляционного анализа аналогична вышеизложенной, но вместо торговых показателей — финансовые.

4. Нарастание негативных ожиданий, финансовых рисков и кризисных явлений (совокупные общесистемные потери вследствие острой фазы глобального финансово-экономического кризиса за период с 2008 по 2012 г. оцениваются от 8,1 до 70 трлн долл. США) в глобальной экономике. Минимальное значение издержек совпадает с потерями реального сектора глобальной экономики и вычислено как сумма положительных отклонений реакционных (кризисных) показателей объемов глобальных финансовых рынков от средних значений соответствующих показателей за 2003–2007 гг. (для облигационного сегмента глобального фондового рынка — за 2008–2010 гг.). Максимальная оценка — это потери глобальной экономики от эффектов «пузыря», она рассчитана по аналогичной схеме, где средние значения соответствующих показателей заменены на «пиковые» [10–12].

5. Побочный эффект от снижения кредитной активности — рост вероятности финансовых «пузырей» на остальных глобальных финансовых рынках.

IV. Реформаторские: в период проведения глобальных реформ санкционный режим искусственно создает трудности для переговоров и координации усилий (пример России-ОЭСР), качественного отслеживания динамики глобальных рынков и выявления зарождающихся негативных финансовых эффектов от трансграничного движения капитала.

V. Системно-организационные: обостряются проблемы глобальной безопасности и ответственности стран, занимающих лидирующие позиции в глобальной экономике и одновременно коллективно выступающих в роли санкционеров, за эффективность общесистемной трансформации.

Таким образом, примерная оценка понесенных фактических глобальных потерь от текущего санкционного режима в отношении России (включая контрсанкции) составляет за среднесрочный интервал 2014–2016 гг. минимум 290 млрд долл. США

(260,2 млрд долл. США торговых потерь + 22,5 млрд долл. США финансовых потерь от «внезапной остановки» капитала + 11,1 млрд долл. США недополученных кредитов со стороны ЕС за вычетом финансовых ресурсов, полученных Газпромом со стороны азиатских банков). Основная угроза современных международных санкционных режимов состоит в комплексности и прогрессивности их инструментов, высокой частоте, масштабности и единовременности применения, коллективности решений стран-санкционеров, многократном повышении уровня нестабильности в мировой финансовой системе и вероятности глобальных кризисов, что увеличивает потенциальные санкционные издержки глобальной экономики до уровня нескольких триллионов долларов. Современные санкции — это и разновидность холодного оружия, и игра, в которой нет государств-победителей.

Литература/References

1. Masters J. What Are Economic Sanctions? Council on Foreign Relations, 2015. Available at: http://www.cfr.org/sanctions/economic-sanctions/p36259 (accessed: 16 January 2017).
2. Архипова В.В., Комолов О.О. Развитие международных санкционных режимов: исторический аспект // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 3. С. 53–69.
   Arkhipova V.V., Komolov O.O. Development of International Sanctions Regimes in a Historical Perspective [Razvitiye mezdunarodnikh sankzionnikh rezimov: istoricheskij aspekt]. *Rossiyskij vneshneekonomicheskij vestnik — The Russian Foreign Economic Bulletin.* Moscow, 2016, no. 3, pp. 53–69.
3. Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 120–143.
   Dmitrieva N.I. Economic Sanctions as a Political Pressure Instrument [Ekonomicheskiye sankzii kak instrument politicheskogo davleniya]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnij Vestnik — Public administration. Electronic Herald*, 2015, no. 52, pp. 120–143.
4. Russell M. Sanctions over Ukraine: Impact on Russia. Members' Research Service. European Parliamentary Research Service, March 2016, pp. 1–12.
5. Crozet M., Hinz J. Collateral Damage: The Impact of the Russia Sanctions on Sanctioning Countries' Exports // *Research and Expertise on the World Economy, CEPII Working Paper*, 2016, no. 16. June, pp. 3–46.
6. Drezner D.W. Sanctions sometimes smart: targeted sanctions in theory and practice // *International Studies Review*, 2011, no. 13 (1), pp. 96–108.
7. Morgan T.C., Bapat N., Krustev V. The Threat and Imposition of Economic Sanctions, 1971–2000 // *Conflict Management and Peace Science*, 2009, no. 26 (1), pp. 92–110.
8. Dreger C., Fidrmuc J., Kholodilin K., Ulbricht D. The Ruble between the Hammer and the Anvil: Oil Prices and Economic Sanctions. German Institute for Economic Research, 2015 // *Discussion Paper,* no. 1488, pp. 1–15.
9. International Trade Center: statistics of Russian sector trade performance 2011–2015. Available at: http://www.intracen.org/country/russian-federation/sector-trade-performance/ (accessed: 14 January 2017).
10. World Bank: World Development Indicators, January 2017. Available at: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators (accessed: 13 January 2017).
11. International Monetary Fund: World Economic Outlook Database, October 2016. Available at: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/weodata/index.aspx (accessed: 13 January 2017).
12. Bank for International Settlements: Global liquidity indicators Updated 11 December 2016. Available at: http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1612.htm (accessed: 07 February 2017).
13. Bank of Russia: External Sector Statistics. Available at: http://www.cbr.ru/eng/statistics/? PrtId=svs (accessed: 01 February 2017).
14. U.S. Energy Information Administration Statistics. Available at: http://www.eia.gov/dnav/pet/pet_pri_spt_s1_m.htm (accessed: 13 January 2017).

УДК 332.14

Сравнительный анализ основ стратегического планирования в области национальной безопасности: оценка достоверности результатов*

БУЛАВИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
nn-1@inbox.ru

БЕЛЯЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ,
д-р техн. наук, профессор, советник Председателя Правления АО «Россельхозбанк», Москва, Россия
ivivbe@mail.ru

Аннотация. В статье обусловлено, что ввиду динамически развивающихся процессов глобализации мирового сообщества принципиальным является выявление верифицированного перечня угроз национальной безопасности государства. Приведены ключевые положения методического аппарата сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности, развивающего сравнительный (компаративный) метод исследования в области национальной безопасности.
Ключевые слова: национальная безопасность; документ стратегического планирования в области национальной безопасности; угроза национальной безопасности; сравнительный (компаративный) метод.

Comparative Analysis Foundations of Strategic Planning in the Area of National Security: Assessing the Reliability of the Results

BULAVIN A.V.,
postgraduate student, Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow, Russia
nn-1@inbox.ru

BELJAEV I.I.,
doctor of technical Sciences, Professor, Advisor to the Chairman of the Board of JSC "Russian agricultural Bank", Moscow, Russia
ivivbe@mail.ru

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных по теме «Разработка методологических основ и методики сравнительного анализа зарубежных и отечественных документов стратегического планирования для выявления рисков и угроз экономической безопасности Российской Федерации», за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета в 2017 г.

Abstract. The article is due to that in view of the dynamically developing processes of globalization of the world community, it is vital to identify a verified list of threats to national security. Are the key provisions of the methodological apparatus of comparative analysis of strategic planning documents in the area of national security, developing comparative (comparative) research method in the field of national security.
Keywords: national security; the strategic planning document in the area of national security; a threat to national security; comparative (comparative) method.

В современном мире 193 суверенных государства являются членами ООН. Они принадлежат мировому сообществу и одновременно обладают сугубо индивидуальными параметрами, занимая свое особое место в нем. Эти государства уникальны по своим политическим характеристикам, они находятся на разных этапах социально-экономического развития и решают специфические национальные задачи [1, 2].

В контексте процессов глобализации принципиальным, как представляется, является установление верифицированного перечня угроз национальной безопасности и стратегических рисков устойчивого социально-экономического развития государства [2–4]. При этом зачастую используется эвристический подход — перечень угроз национальной безопасности устанавливается, как правило, экспертным путем, без должного применения научно обоснованного прогнозного аппарата.

Анализ проблематики в этой области показывает, что действенных научно-методических подходов и модельных представлений прикладного характера к настоящему времени в аналитической и экспертной среде в полном объеме не сложилось.

В то же время практическая потребность в верифицированном перечне угроз национальной безопасности на долгосрочную перспективу ощущается во всем диапазоне задач государственного стратегического управления — от формирования стратегического политического целеполагания до выверки переговорных позиций при выстраивании партнерских отношений.

Одним из возможных подходов может стать расширение перечня исследуемых объектов за счет включения в него документов стратегического планирования в области национальной безопасности. В документах стратегического планирования в области национальной безопасности соответствующие страны-интересанты формулируют свои оценки и приоритеты по укреплению собственной национальной безопасности.

Данное обстоятельство позволяет разработать и реализовать основные подходы к формированию верифицированного перечня угроз национальной безопасности на долгосрочную перспективу в условиях взаимозависимости и взаимообусловленности международных отношений с последующей оценкой объективность полученных результатов.

Разработка документов стратегического планирования в подавляющем большинстве ведущих зарубежных стран, как правило, осуществляется следующим образом. Вначале формируется множество вариантов различных стратегий. Затем рассматриваются альтернативы и выбирается рациональный вариант стратегии. В последующем выбранный вариант стратегии конкретизируется и разрабатываются стратегические планы и программы.

Организация процесса разработки документов стратегического планирования может заметно различаться в зависимости от соотношения вовлеченности в него государственных и негосударственных институтов.

В частности, для США основным документом стратегического планирования является ежегодно обновляемый доклад президента Конгрессу о стратегии национальной безопасности США. Стратегия национальной безопасности является связующим звеном между внешнеполитической, военной и иными стратегиями и служит их идейно-теоретической платформой.

По экспертным оценкам, культура разработки документов стратегического планирования, которая в первую очередь обусловлена влиянием процессов глобализации на масштабы и сложность решаемых органами государственного управления различных уровней задач, в ведущих иностранных государствах к настоящему времени в целом сформировалась.

В связи с этим общий замысел методологического подхода к проведению сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности может быть представлен таким образом [5]:

• во-первых, в качестве базового выбирается документ стратегического планирования в области национальной безопасности (например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, далее — СНБ-2015);

• во-вторых, выполняется декомпозиция базового документа стратегического планирования в области национальной безопасности на ключевые признаки (структурный раздел — совокупность структурных элементов, отражающая общее свойство документа стратегического планирования в области национальной безопасности) и структурные элементы (единичная, предельная по законченности смыслового содержания, характеристика, отражающая в части его касающейся, всеобщее свойство документа стратегического планирования в области национальной безопасности);

• в-третьих, производится соответствующая декомпозиция сравниваемого документа стратегического планирования в области национальной безопасности;

• в-четвертых, проводится сопоставление базовых ключевых признаков (структурных элементов) с аналогичными (либо близкими к этому) ключевыми признаками (структурными элементами) сравниваемого документа стратегического планирования в области национальной безопасности;

• в-пятых, выполняется сравнительный синтез оценок и формулируются частные и общие выводы сравнительного анализа выбранных документов стратегического планирования в области национальной безопасности в виде угроз национальной безопасности на исследуемый период;

• в-шестых, проводится оценка качества полученных результатов сравнительного анализа исследуемых документов стратегического планирования в области национальной безопасности и степени верификации перечня угроз национальной безопасности на исследуемый период.

Выявление в каждом из анализируемых документов стратегического планирования в области национальной безопасности названных параметров (ключевые признаки, структурные элементы) осуществляется с использованием методов структурно-морфологического анализа (выявления внутреннего состава документа стратегического планирования в области национальной безопасности).

Основу реализации сформулированного общего замысла методического аппарата сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности составляют следующие базовые гипотезы [1]:

• *гипотеза А* — предположим, что перечень угроз национальной безопасности, составленный для стран, имеющих аутентичный вектор устойчивого развития (под устойчивым развитием государства будем понимать рациональную и комплексную сбалансированность задач социально-экономического развития и задач укрепления национальной безопасности страны), является инвариантным по отношению к стране-аналогу, т.е. перечень угроз национальной безопасности может быть верифицирован в пределах соответствующего кластера стран;

• *гипотеза В* — предположим, что перечень угроз национальной безопасности, составленный для стран, принадлежащих разным кластерам, но имеющих в целом совпадающий вектор устойчивого развития, является для них общим, т.е. перечень угроз национальной безопасности может быть верифицирован по основанию — национальные интересы;

• *гипотеза С* — предположим, что перечень угроз национальной безопасности, составленный для стран, принадлежащих к разным кластерам и имеющих разнонаправленный вектор устойчивого развития, имеет упреждающий характер в рамках партнерских отношений, т.е. перечень угроз национальной безопасности верифицирован по основанию — геополитические интересы.

Обобщенная оценка объективности сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности заключается в определении условий достижения объективности, критериев объективности, а также математических моделей оценки объективности и оценки степени верификации угроз национальной безопасности.

Основными условиями достижения объективности сравнительного анализа документов

стратегического планирования в области национальной безопасности являются:

• *первое условие* — качественная и завершенная декомпозиция базового и сравниваемого документов стратегического планирования в области национальной безопасности;

• *второе условие* — сравнительный анализ документов стратегического планирования в области национальной безопасности проводится с учетом конкретных исторических, геополитических и социально-экономических условий развития соответствующих государств;

• *третье условие* — главная цель сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности заключается в выявлении верифицированного перечня угроз национальной безопасности путем сравнительного синтеза оценок сравнения.

Основными критериями объективности сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности являются:

• *ключевой критерий* — практическая востребованность полученных результатов в интересах организации информационно-аналитической поддержки, в первую очередь деятельности заинтересованных структур и органов исполнительной власти, входящих в систему обеспечения национальной безопасности;

• *первый дополнительный критерий* — соответствие полученных результатов исторической парадигме политического и социально-экономического развития соответствующего государства;

• *второй дополнительный критерий* — соответствие полученных результатов выбранным методическим средствам и приемам;

• *третий дополнительный критерий* — выбор и последовательность использования приемов, способов, подходов и методов определяется содержательно-сущностными параметрами сравниваемых документов стратегического планирования в области национальной безопасности.

В свою очередь, оценка объективности сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности выполняется на основании следующей математической модели с использованием морфологического подхода с выделением в сравниваемых документах стратегического планирования в области национальной безопасности следующих главных компонент [6, 7]:

1. Степень соответствия стратегической целевой установке (стратегической задаче) — частный показатель качества документов стратегического планирования в области национальной безопасности в области национальной безопасности ($S_{цу}$).

2. Степень раскрытия предметной области — частный показатель качества документа стратегического планирования в области национальной безопасности ($S_{обл.}$).

3. Степень раскрытия угроз национальной безопасности — частный показатель качества документа стратегического планирования в области национальной безопасности ($S_{уНБ}$).

Тогда обобщенный показатель качества документа стратегического планирования в области национальной безопасности ($K_{дсп}$) можно представить в виде средневзвешенной суммы показателей качества главных компонент документа стратегического планирования в области национальной безопасности:

$$K_{дсп} = \alpha 1\, S_{цу} + \alpha 2\, S_{обл} + \alpha 3\, S_{уНБ}, \qquad (1)$$

где под $K_{дсп}$ понимается $K_{дсп\ СНБ\text{-}2015}$, $K_{дсп\ А}$, $K_{дсп\ В}$, $K_{дсп\ С}$ соответственно; A, B, C — индексы соответствующих страноведческих гипотез (*гипотеза А*, *гипотеза В*, *гипотеза С*); $\alpha 1$, $\alpha 2$, $\alpha 3$ — весовые коэффициенты (определяются экспертным способом) главных компонент документа стратегического планирования в области национальной безопасности соответственно; при этом $\alpha 1, \alpha 2, \alpha 3 \leqslant 1$, $\alpha 1 + \alpha 2 + \alpha 3 = 1$.

Определим показатели качества главных компонент документа стратегического планирования в области национальной безопасности ($S_{цу}$, $S_{обл}$, $S_{уНБ}$) через частные показатели качества главных компонент документа стратегического планирования в области национальной безопасности (P_i), т.е.:

а) содержание $S_{цу}$ (степень соответствия стратегической целевой установке (стратегической задаче) определим как:

• соответствие предметной области — $P_{по}$;

• соответствие требуемой структуре документа стратегического планирования в области национальной безопасности — $P_с$;

• логичность, последовательность и полнота изложения — $P_л$;

б) содержание *S*обл (степень раскрытия предметной области) определим как:

• оценка достигнутого уровня решения стратегической задачи (проблемы) — $P_{у}$;

• наличие и формализация оценочных целевых индикаторов (основных характеристик) — $P_{ци}$;

• соответствие перечня предполагаемых к реализации мероприятий стратегическим планам и стратегическим целям (стратегическому политическому целеполаганию) — $P_{спц}$;

• соответствие перечня предполагаемых к реализации мероприятий, стратегических планов и стратегических целей (стратегического политического целеполагания) заявленному горизонту планирования — $P_{гп}$;

• уровень проработки перспектив развития предметной области — $P_{п}$;

• полнота соответствия предполагаемых к реализации мероприятий их ресурсному обеспечению (организационному, финансовому, экономическому, научно-методическому, технологическому, техническому и т.п.) — $P_{р}$;

в) содержание $S_{уНБ}$ (степень раскрытия угроз национальной безопасности) определим как:

• соответствие фундаментальному принципу взаимосвязи и взаимозависимости задач обеспечения национальной безопасности и задач устойчивого социально-экономического развития страны — $P_{фп}$;

• возможность формализации угрозы национальной безопасности — $Р_{форм}$;

• возможность парирования (минимизация последствий) угрозы национальной безопасности с уровня государства — $P_{парир}$;

• адресность угрозы национальной безопасности (личность, общество, государство) — $P_{адр}$;

• комплексность характера угрозы национальной безопасности — $P_{хар.}$

Тогда *S*цу можно определить как следующую аддитивную сумму:

$$S_{цу} = \beta_{по} P_{по} + \beta_{с} P_{с} + \beta_{л} Р_{л}, \quad (2)$$

где $\beta_{по}$, $\beta_{с}$, $\beta_{л}$ — соответствующие весовые коэффициенты.

Тогда $S_{обл}$ можно определить как следующую аддитивную сумму:

$$S_{обл} = \beta_{у} P_{у} + \beta_{ци} Рц_{и} + \beta_{спц} P_{спц} + \beta_{гп} P_{гп} + \beta_{п} P_{п} + \beta_{р} P_{р}, \quad (3)$$

где $\beta_{у}$, $\beta_{ци}$, $\beta_{спц}$, $\beta_{гп}$, $\beta_{п}$,$\beta_{р}$— соответствующие весовые коэффициенты.

Тогда $S_{уНБ}$ можно определить как следующую аддитивную сумму:

$$S_{уНБ} = \beta_{ФП} P_{ФП} + \beta_{форм} P_{форм} + \beta_{парир} P_{парир} + \beta_{адр} P_{адр} + \beta_{хар} P_{хар}, \quad (4)$$

где $\beta_{ФП}$, $\beta_{форм}$, $\beta_{парир}$, $\beta_{адр}$, $\beta_{хар}$ — соответствующие весовые коэффициенты; при этом $\beta_{j} \leqslant 1$, а $\sum_{i}^{n} \beta_{ji} = 1$.

Иным образом, показатели качества главных компонент документа стратегического планирования (S_{k}) можно определить путем аддитивной свертки:

$$S_{k} = \sum_{i}^{n} \beta_{ji} P_{ji}, \quad (5)$$

где n_{i} — число частных показателей *k*-й главной компоненты документа стратегического планирования, $i = 3$.

При этом частные показатели качества главных компонент документа стратегического планирования в области национальной безопасности (P_{i}) определяются экспертным путем, они оцениваются методом шкалирования (десятибалльная шкала) и приводятся (нормируются) к значениям от 0 до 1.

Весовые коэффициенты (β_{j}) определяются экспертным путем (балльный метод). При этом экспертные оценки по каждому частному показателю качества главных компонент документа стратегического планирования в области национальной безопасности (P_{i}) нормируются. Таким образом, весовые коэффициенты (β_{j}) получают значения от 0 до 1.

Последовательность процедур в рамках предлагаемой математической модели представлена следующим образом:

• *процедура первая* — формирование экспертной группы;

• *процедура вторая* — выбор (уточнение) и согласование перечня частных показателей качества главных компонент документа стратегического планирования в области национальной безопасности (P_{i});

• *процедура третья* — экспертная оценка частных показателей качества главных компонент ДСП в области национальной безопасности (P_{i}) по десятибалльной шкале и их нормирование относительно метрики шкалы (10); нормирование приводит их значение к диапазону от 0 до 1;

• *процедура четвертая* — определение экспертным путем весовых коэффициентов (β_j) частных показателей качества главных компонент документов стратегического планирования в области национальной безопасности (P_i);

• *процедура пятая* — расчет показателей качества (S_k) для каждой главной компоненты ДСП в области национальной безопасности по формуле (5);

• *процедура шестая* — экспертным путем определяются весовые коэффициенты α_i главных компонент документа стратегического планирования в области национальной безопасности (аналогично процедуре четвертой);

процедура седьмая — по формуле (1) рассчитывается обобщенный показатель качества документа стратегического планирования в области национальной безопасности ($K_{\text{дсп}}$).

Далее на основании полученного значения обобщенного показателя качества документа стратегического планирования в области национальной безопасности ($K_{\text{дсп СНБ-2015}}$, $K_{\text{дсп А}}$, $K_{\text{дсп В}}$, $K_{\text{дсп С}}$) принимается решение относительно качества проведенного сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности согласно следующей гипотезе.

Допустим, что качество сравнительного анализа документов стратегического планирования в области национальной безопасности отвечает сформулированным требованиям, если результат (значение $K_{\text{дсп}}$ для базового документа стратегического планирования в области национальной безопасности — $K_{\text{дсп СНБ-2015}}$ и для документа стратегического планирования в области национальной безопасности по соответствующим гипотезам А, В, С — $K_{\text{дсп А}}$, $K_{\text{дсп В}}$, $K_{\text{дсп С}}$) находится в доверительном интервале (без учета методов лингвистического анализа текстов сравниваемых документов стратегического планирования в области национальной безопасности, который может быть предусмотрен частично, например применительно к понятийному аппарату):

$$\begin{aligned} &\text{ДИ}_{\min} \leqslant K_{\text{дсп СНБ-2015}}, K_{\text{дсп А}} \leqslant \text{ДИ}_{\max}; \\ &\text{ДИ}_{\min} \leqslant K_{\text{дсп СНБ-2015}}, K_{\text{дсп В,}} \leqslant \text{ДИ}_{\max}; \\ &\text{ДИ}_{\min} \leqslant K_{\text{дсп СНБ-2015}}, K_{\text{дсп С}}, \leqslant \text{ДИ}_{\max}, \end{aligned} \qquad (6)$$

где $\text{ДИ}_{\min}$, $\text{ДИ}_{\max}$ определяются путем экспертных оценок.

Оценка степени верификации угроз национальной безопасности осуществляется в предположении, что каждому стратегическому национальному приоритету (СНП) соответствует некоторое количество угроз национальной безопасности — $U_1, U_2, \ldots, U_n$. Положим, что проявление угроз национальной безопасности (U_n) — независимые события. Обозначим вероятность проявления каждой угрозы национальной безопасности как $p_1, p_2, \ldots, p_n$.

Тогда вероятность воздействия угроз национальной безопасности на каждый СНП (P_{UB}) можно определить как:

$$P_{UB} = 1 - (1 - p_1) \times (1 - p_2) \times \ldots (1 - p_n). \qquad (7)$$

При этом будем полагать, что достаточным условием удовлетворительной степени верификации угроз национальной безопасности будет неравенство: $\text{УНБ}_{\min} \leqslant P_{UB} \leqslant \text{УНБ}_{\max}$ ($\text{УНБ}_{\min}$, $\text{УНБ}_{\max}$ определяются путем экспертных оценок).

Методический аппарат сравнительного анализа основ стратегического планирования в области национальной безопасности апробирован на примере сравнения стратегий национальной безопасности России и Японии [8].

Оценка объективности полученных результатов сравнительного анализа основ стратегического планирования согласно разработанной математической модели показала, что:

• значения обобщенного показателя качества ДСП в области национальной безопасности ($\text{К}_{\text{дсп}}$) для $\text{К}_{\text{дспСНБ}}$ (России) — 2015 составляет 0,864 и для $\text{К}_{\text{дспСНБ}}$ (Японии) — 2013 составляет 0,85; они укладываются в доверительный интервал $0{,}8 \leqslant \text{К}_{\text{дспСНБ-2015}}$, $\text{К}_{\text{дспСНБ-2013}} \leqslant 0{,}9$ (экспертные оценки без учета методов лингвистического анализа текстов сравниваемых ДСП в области национальной безопасности, за исключением понятийного аппарата);

• значения вероятности воздействия угроз национальной безопасности на каждый СНП (Р_{UB}) находятсяв диапазоне от 0,635 до 0,699, что отвечает принятому экспертным путем условию: $0{,}5 \leqslant P_{UB} \leqslant 1{,}0$.

Резюмируя, следует отметить — реализация методического аппарата сравнительного анализа основ стратегического планирования в области национальной безопасности в части оценки достоверности полученных результатов является объективным основанием для разработки Атласа верифицированных угроз национальной безопасности Российской Федерации на долгосрочную перспективу [9].

Литература

1. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: Изд-во «МГИМО–Университет», 2007.
2. Аникин В. И., Бажанов Е. П., Баклицкий А. А., Балакин Д. А., Громыко А. А., Сурма И. В. Россия и современный мир. М.: Канон+, 2016.
3. Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир, 2013.
4. Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратагемы для России / под ред. ред. А. И. Смирнова. М.: ВНИИгеосистем, 2014.
5. Кокорин А. А. Сравнительный анализ: теория, методология, методика. Изд. 2-е, дополн. и перераб. М.: Издательство МГОУ, 2009.
6. Будзко В. И. и др. Алгоритмы обработки экспертной информации // Информационные технологии. Прикладные информационные системы. 2003. № 10. С. 56–60.
7. Зацаринный А. А., Ионенков Ю. С., Кондрашев В. А. Некоторые подходы к выбору системотехнических решений построения информационно-телекоммуникационных систем // Системы и средства информатики. Вып. 16. М.: Наука, 2006. С. 65–71.
8. National Security Strategy. December 17, 2013. Available at: http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf.
9. Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации: учеб. пособие / под общ. ред. Н. П. Патрушева. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Известия», 2016.

References

1. Political atlas of the present: Experience of multivariate statistic analysis of political systems of the modern states [Politicheskij atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskih sistem sovremennyh gosudarstv]. Moscow, Izd-vo «MGIMO — Universitet», 2007 (in Russian).
2. Anikin V. I., Bazhanov E. P., Baklickij A. A., Balakin D. A., Gromyko A. A., Surma I. V. Russia and the modern world [Rossija i sovremennyj mir]. Moscow, Kanon+, 2016 (in Russian).
3. Bazhanov E. P., Bazhanova N. E. Dialog and collision of civilizations [Dialog i stolknovenie civilizacij]. Moscow, Ves' mir, 2013 (in Russian).
4. Global safety during a digital era: stratagems for Russia [Global'naja bezopasnost» v cifrovuju jepohu: stratagemy dlja Rossii] / ed. A. I. Smirnov. Moscow, VNIIgeosistem, 2014 (in Russian).
5. Kokorin A. A. Comparative analysis: theory, methodology, technique [Sravnitel'nyj analiz: teorija, metodologija, metodika]. Izd. 2-e, dopoln. i pererab. Moscow, Izdatel'stvo MGOU, 2009 (in Russian).
6. Budzko V. I. i dr. Algorithms of processing of expert information [Algoritmy obrabotki jekspertnoj informacii]. *Informacionnye tehnologii. Prikladnye informacionnye sistemy — Information technologies. Application-oriented information systems*, 2003, no. 10, pp. 56–60 (in Russian).
7. Zacarinnyj A. A., Ionenkov Ju. S., Kondrashev V. A. Some approaches to a choice sistemotekhnicheskikh of solutions of creation information and telecommunication систем [Nekotorye podhody k vyboru sistemotehnicheskih reshenij postroenija informacionno-telekommunikacionnyh system]. *Sistemy i sredstva informatiki — Systems and means of informatics*, Vyp. 16. Moscow, Nauka, 2006, pp. 65–71 (in Russian).
8. National Security Strategy. December 17, 2013. Available at: http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf.
9. Constitutional legal status of Security Council of the Russian Federation: studies. the manual [Konstitucionno-pravovoj status Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie] / ed. N. P. Patrushev, 4-e izd., ispr. i dop. Moscow, Izdatel'stvo «Izvestija», 2016 (in Russian).

УДК 339.5

Взаимодействие Китая с внешним миром в условиях «новой нормальности» китайской экономики

КОТЛЯРОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,
д-р экон. наук, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
kotlyarov_nn@mail.ru

Аннотация. В последние годы в Китае стала широко использоваться концепция «новой нормальности», которая разработана в условиях замедления динамики экономического развития страны последних лет. В основе концепции лежит положение о том, что снижение темпов экономического роста является закономерным процессом, обусловленным объективными причинами, а существующие показатели роста будут сохраняться и в обозримой перспективе. При этом подчеркивается, что экономическое развитие Китая происходит значительно более высокими темпами по сравнению с другими странами, и КНР имеет все возможности даже усилить свою роль в качестве одного из основных участников и локомотивов мирового хозяйства. В Китае подчеркивают, что за годы проведения политики реформ размер китайской экономики существенно вырос, страна вышла на 2-е, после США, место по объему ВВП в мире и существующие показатели вовсе не являются низкими. При этом «новая нормальность» (синь чантай) предполагает основной акцент в работе правительства не на ускорении темпов экономического роста, а на обеспечении качественного развития экономики.
Ключевые слова: Китай; новая нормальность; китайская экономика; инвестиции; экономическое развитие; экономический рост; российско-китайское сотрудничество.

China's Interaction with the Outside World under the Conditions of the "New Normality" of the Chinese Economy

KOTLYAROV N. N.,
PhD in Economics, Professor, Department of World Economy and World Finance, Finance University, Moscow, Russia
kotlyarov_nn@mail.ru

Abstract. In recent years, the concept of "new normality" has been widely used in China, which was developed in the context of slowing the dynamics of the country's economic development in the previous years. The concept is based on the premise that a slowdown in economic growth is a natural process, conditioned by objective reasons, and the existing growth indicators will continue in the foreseeable future. At the same time, it is stressed that China's economic development is much faster than in other countries, and the PRC has every opportunity to even strengthen its role as one of the main participants and locomotives of the world economy. In China, it is stressed that over the years of the reform policy, the size of the Chinese economy has grown significantly, the country has entered the second place after the US in terms of GDP in the world and the existing indicators are not low at all. At the same time, the "new normality" (xin changtai) presupposes the main emphasis in the work of the government not on accelerating the rates of economic growth, but on ensuring the qualitative development of the economy.
Keywords: China; new normality; Chinese economy; investments; economic development; the economic growth; Russian-Chinese cooperation.

Согласно докладу премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна о работе правительства, сделанному 5 марта 2017 г. на 5-й сессии ВСНП 12-го созыва, в Китае в настоящее время происходит усиление ведущей роли инноваций, разработан и запущен план реализации важнейших программ научно-технического развития до 2030 г., внедряется комплексная программа «Сделано в Китае-2025». Количество выданных в Китае патентов на изобретение превысило 1 млн единиц, а вклад научно-технического прогресса в экономический рост страны в 2016 г. составил 56,2%. Ли Кэцян подчеркнул, что намеченный на текущий год рост ВВП составит 6,5%, а правительство страны будет работать над улучшением результатов [1]. Согласно его докладу, поставленные цели отвечают требованиям развития экономики и существующим реалиям, благоприятствуют упорядочиванию структуры и задачам построения в Китае общества со средним достатком. По словам вице-президента Шанхайской Академии общественных наук Чжан Чжаоань, такой рост ВВП является разумным показателем, а с учетом как внутренних, так и внешних факторов развития китайской экономики такой рост представляет собой реальное воплощение провозглашенного в Китае девиза «достигать прогресса при сохранении стабильности» [2].

Совершенно очевидно, что правительству КНР необходимо объяснять происходящие в экономике страны процессы таким образом, чтобы не подорвать интереса к экономическому сотрудничеству с Китаем у зарубежных партнеров и не вызвать разочарования у населения внутри страны, поскольку снижение темпов экономического роста по сравнению с предыдущими периодами вызывает определенные опасения, и такое снижение действительно стало характерно для китайской экономики в последние пять-шесть лет. Если за период 2000–2010 гг. темпы роста ВВП КНР были впечатляющими и составляли в среднем 10,1%, то начиная с 2011 г. обозначилась тенденция их снижения. В 2011 г. рост ВВП Китая составил 9,3%, в 2012 г.— 7,8%, а за период 2013–2016 гг. снизился с 7,6 до 6,7%. Появление такой тенденции дало основание многим зарубежным экспертам говорить не только о завершении «китайского экономического чуда», но и вероятном масштабном кризисе китайской экономики в ближайшем будущем. Однако при этом следует обратить внимание на то, что, несмотря на снижение темпов роста экономики КНР, они все же остаются выше, чем темпы роста мировой экономики в целом и экономик ведущих стран мира, включая США, страны ЕС и Японии. Так, в 2016 г. показатели роста мировой экономики и международной торговли были наиболее низкими за последние семь лет, а Китаю удалось обеспечить рост экономики на уровне в 6,7%, причем объем ВВП КНР по обменному курсу превысил 10 трлн долл. США. В результате показатели роста китайской экономики за 2016 г. оказались наиболее успешными в мире.

Если рассмотреть итоги социально-экономического развития Китая за период XII пятилетки, то можно увидеть превышение итоговых показателей над индикативными целевыми установками на данный период развития китайской экономики. Причем долгосрочные показатели развития на период до 2020 г., которые были приняты еще в начале 2000-х гг., в реальной практике были перевыполнены уже в 2011 г. Так, намеченное XVI съездом КПК (2002 г.) четырехкратное увеличение размера ВВП до уровня 40 трлн юаней в 2011 г. было даже перевыполнено, и ВВП составил в 2011 г. 47,2 трлн юаней (7,3 трлн долл. США) при практически пятикратном увеличении ВВП на душу населения. В результате были существенно пересмотрены в сторону повышения показатели развития на период до 2020 г. Обращает на себя внимание и большая социальная направленность перспективных планов развития Китая, включая рост доходов населения и увеличение продолжительности жизни, сокращение разницы в доходах между городским и сельским населением. По мнению специалистов Института Дальнего Востока РАН, Китай сохраняет способность не только выполнять, но и перевыполнять устанавливаемые показатели при сохранении рациональных показателей в экономике, что позволит к 2020 г. завершить решение ключевой официально заявленной в КНР социально-экономическую задачи — построение общества «малого благоденствия» и переход к созданию общества «всеобщей зажиточности» [3].

Вместе с тем необходимо отметить, что существенные проблемы и риски в китайской экономике существуют, и они признаются руководителями страны. К числу долгосрочных ри-

сков относят экологическую проблему, нехватку энергетических ресурсов, неравномерное развитие регионов, сохраняющиеся противоречия между городом и деревней из-за разницы в доходах, растущую социальную дифференциацию населения, демографическую проблему. К числу вероятных рисков относят нестабильность развития мировой экономики, противоречия глобализации и рост протекционизма в международной торговле.

В условиях роста протекционизма в мировой экономике, оказывающего негативное влияние на экономическое положение Китая и вызывающего озабоченность руководителей КНР, власти страны предпринимают усилия для преодоления протекционистских настроений ведущих стран и активизацию торгово-экономического сотрудничества с внешним миром. Знаковым событием в этом отношении, несомненно, является визит Председателя КНР Си Цзиньпина в январе 2017 г. на Всемирный экономический форум в Давосе, который стал первым за всю историю ВЭФ случаем участия высшего руководителя КНР в данном мероприятии. Выступление Си Цзиньпина на открытии ВЭФ рассматривается многими зарубежными экспертами в качестве своего рода программного заявления относительно экономической глобализации, ее положительных аспектов и противоречий, а также планов Китая по расширению взаимодействия с внешним миром.

По словам Си Цзиньпина, существующие в мировой экономике проблемы и противоречия, обострившиеся после глобального экономического кризиса, являются, прежде всего, следствием чрезмерной погони финансового капитала за прибылями и провалами в области регулирования международного движения капитала, а вовсе не обязательным следствием экономической глобализации. По его мнению, «обвинения в адрес экономической глобализации за все существующие в мире проблемы совершенно не соответствуют реальности, и такие обвинения не способствуют решению накопившихся проблем. С точки зрения исторической перспективы экономическая глобализация возникла на основе растущей социальной производительности и является естественным результатом научно-технического прогресса. Экономическая глобализация укрепила мировой экономический рост, способствовала активизации движения товаров и капитала, достижениям в области науки, технологий и цивилизаций, а также взаимодействию между людьми» [4]. При этом китайский лидер признал, что глобализация является «обоюдоострым мечом», и когда глобальная экономика находится под давлением понижательных трендов, очень трудно сделать «пирог глобальной экономики больше», а это, в свою очередь, осложняет соотношения между ростом и распределением, капиталом и рабочей силой, эффективностью и справедливостью.

Китайский лидер выделил три ключевые проблемы, стоящие перед мировой экономикой: отсутствие мощных движущих сил, способных придать необходимый импульс устойчивому глобальному экономическому развитию; отсутствие адекватного глобального экономического управления и невозможность в условиях неустойчивого развития оправдать ожидания людей относительно улучшения качества жизни. Последнее обстоятельство таит в себе наибольшие вызовы, стоящие в нынешних условиях перед мировым сообществом. По словам Си Цзиньпина, необходимо разработать хорошо скоординированный подход по созданию модели открытой экономики, когда в выигрыше остаются все страны, что, в свою очередь, требует глубокой реформы системы глобального экономического регулирования. Подчеркивая мысль о том, что экономическое взаимодействие Китая с внешним миром принесло пользу не только китайской экономике, но и другим странам, руководитель КНР отметил, что, помимо оказания масштабной помощи развивающимся странам, с начала процесса реформ Китай вложил за рубеж свыше 1,2 трлн долл. США прямых инвестиций и привлек в свою экономику свыше 1,7 трлн долл. США иностранных инвестиций, а за период после глобального финансового кризиса вклад Китая в глобальное экономическое развитие составляет ежегодно в среднем порядка 30%, что является самым высоким показателем в мире.

Большой интерес участников форума вызвало заявление Си Цзиньпина о том, что в предстоящие пять лет Китай ввезет из-за рубежа товаров на 8 трлн долл. США, привлечет иностранных инвестиций в объеме 600 млрд долл. США и сделает за границей инвестиций в объеме 750 млрд долл. США, что, по его словам, бу-

дет способствовать развитию не только Китая, но и других стран. В контексте развития интеграционных процессов в мировой экономике Китай продолжит работу по формированию зоны свободной торговли в зоне АТР, важной составной частью которой должно стать Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), формированию которого Китай придает особо важное значение, поскольку данное партнерство позволит создать необходимую основу для дальнейшего продвижения свободной торговли. Очень большое значение в Китае придают и реализации концепции «Один пояс — один путь», в рамках которой, по словам Си Цзиньпина, китайские компании уже инвестировали в экономики зарубежных стран, участвующих в этом проекте, свыше 50 млрд долл. США, что позволило создать там производственные мощности и рабочие места. Китайский лидер призвал другие страны отказаться от протекционистской политики, отмечая, что «никто не выйдет победителем в торговых войнах».

Совершенно очевидно, что стремление Китая защитить экономическую глобализацию направлено на преодоление сложившейся в последние годы тенденции сокращения объемов торгово-экономического сотрудничества КНР с другими странами. По данным Главного таможенного управления КНР, в 2016 г. объем внешней торговли Китая сократился на 0,9% по сравнению с предыдущим 2015 г., когда падение было особенно сильным и составило 7%. В 2016 г. снижение объемов внешней торговли удалось максимально сократить, но при этом заметно сократились объемы внешнеторговых операций предприятий с иностранным участием (–2,2%), предприятий государственного сектора (–5,6%), а также внешнеторговые операции китайских компаний в рамках производства промежуточных изделий (–4,9%). Вместе с тем существенно вырос экспорт в страны, входящие в китайский инфраструктурный проект «Экономический пояс Шелкового пути»: Пакистан, Россию, Польшу и Индию. Увеличение китайского экспорта в эти страны составило по итогам 2016 г. 11, 14, 11,8 и 6,5% соответственно [5].

Сокращение объемов внешней торговли Китая в последние годы выглядит особенно существенным на фоне ее стремительного роста в начале-середине 2000-х гг. после вступления КНР в ВТО, когда динамика внешнеторгового оборота в отдельные годы достигала 20–23%. Нынешнее сокращение объемов внешней торговли Китая во многом связано со снижением спроса на китайские товары на мировых рынках в условиях низких показателей экономического развития многих стран. Как заявил пресс-секретарь Главного таможенного управления КНР Хуан Сонгпинг, во многих странах усиливается торговый протекционизм, что ведет к увеличению ограничений на импорт из Китая и вызывает растущую озабоченность китайского руководства [6].

Особую озабоченность властей Китая в последнее время вызывали перспективы сокращения торгово-экономических связей с США в условиях прихода к власти нового президента Д. Трампа и его заявлений о необходимости введения ограничений на импорт целого ряда наименований китайских товаров из-за растущего торгового дефицита США и недобросовестной конкуренцией со стороны Китая. Следует при этом отметить, что, несмотря на возросшие в Китае опасения относительно возможных ограничительным мер со стороны новой американской администрации, ретроспективный анализ показывает, что подобная риторика применялась в США практически с момента установления двусторонних торговых отношений в 1980 г., когда американские власти под давлением местных производителей обещали ввести жесткие ограничения на китайские товары. Использование «торговых войн», под которыми понимались, главным образом, односторонние меры по ограничению китайского импорта, было характерно для американской стороны еще с начала президентства Р. Рейгана. Такие меры традиционно используются в качестве рычага давления на Китай. Вместе с тем реальная практика показывала, что сторонам в процессе длительных переговоров всегда удавалось достичь компромиссов. Как отмечали отечественные специалисты еще тридцать лет назад, уже к середине 80-х гг. прошлого века отдельные области торгово-экономических связей США и Китая достигли такого уровня, когда их дестабилизация затрагивала существенные экономические и политические интересы обеих сторон. Это привело к известному росту независимости таких связей от зиг-

загов в политическом взаимодействии и определенному росту влияния этих связей на общий ход отношений между двумя государствами [7]. За прошедшие годы, несмотря на наличие существенных противоречий, экономические связи остаются важным фактором в общем комплексе двусторонних отношений.

Вместе с тем в настоящее время озабоченность вызывают перспективы вероятного усиления геополитического противостояния между Китаем и США, особенно в зоне АТР. Это обусловлено как реализацией США политики «поворота в Азию», предполагающей усиление американского военно-политического и экономического присутствия в зоне АТР, так и возрастающим амбициями Китая, последовательно преодолевающего внешнеполитическое сознание развивающейся страны и расширяющего свои глобальные интересы. В результате отношения между двумя странами постоянно балансируют между партнерством и противостоянием. При этом нельзя не отметить, что, несмотря на все более активный характер внешней политики Китая, ее особенностью, как и политического процесса в целом, остается отказ от резких шагов, что предполагает гибкое и прагматичное поведение на международной арене, особенно в отношениях с США. Со своей стороны, как пишет журнал “Fortune”, новая администрация Д. Трампа стремится вернуться в нормальное русло двусторонних отношений, чтобы работать с Китаем над решением существующих проблем [8].

Подтверждением такого подхода служит состоявшийся в конце марта 2017 г. первый визит нового госсекретаря США Рекса Тиллерсона в Китай. Выступая на пресс-конференции по итогам переговоров, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что китайско-американские отношения постепенно переходят в позитивное русло своего развития. Подчеркнув, что в основе двусторонних торгово-экономических отношений лежит принцип взаимной выгоды, Ван И призвал активно расширять торговое и инвестиционное сотрудничество, надлежащим образом разрешать имеющиеся противоречия. Стороны договорились активизировать усилия по сближению позиций в рамках ООН, Группы-20 и форума АТЭС [9]. По словам Ван И, некоторые представители американской политической элиты привыкли обвинять Китай в «краже» рабочих мест, хотя в действительности хорошие экономические связи с Китаем выгодны американским рабочим, экспортерам и экономике в целом. В 2015 г. эти связи, по оценкам Американо-китайского делового совета, обеспечили США 2,6 млн рабочих мест. Товарооборот между КНР и США с момента установления дипломатических отношений в 1979 г. вырос с 2,5 до 520 млрд долл. США в 2016 г. Несмотря на обвинения Китая в создании половины размера торгового дефицита США, реальные оценки, проведенные независимыми институтами, включая Банк Германии, показывают, что, принимая во внимание размеры добавленной стоимости, производимой на территории КНР, на долю Китая приходится всего 16% дефицита торгового баланса США. Это не намного выше доли Японии, на которую приходится 13% данного показателя. При этом для китайско-американской торговли услугами характерен существенный профицит в пользу США [10]. Все это свидетельствует о том, что экономические соображения и расчеты с учетом «американского фактора» имеют большое значение в политике Китая.

Стремясь обеспечить своим компаниям доступ к внешним рынкам сбыта и источникам сырья, Китай на протяжении последних лет осуществляет стратегию выхода за рубеж. Данная стратегия направлена на укрепление его инвестиционных позиций за рубежом и характеризуется ежегодным ростом объемов вывоза капитала. Зарубежные инвестиции КНР особенно заметно стали возрастать после глобального экономического кризиса, когда подешевели иностранные активы и возникли финансовые затруднения у компаний в других странах. На общем фоне спада масштабов трансграничного перемещения капиталов в мире Китай последовательно наращивал вывоз своих инвестиций. Базой для наращивания инвестиций послужил быстрый рост профицита торгового баланса после вступления в ВТО, колоссальные валютные резервы и огромные внутренние накопления. Важным фактором наращивания ПЗИ стал дорожающий юань, курс которого в период с 2005 по 2015 г. неуклонно возрастал по отношению к доллару (всего более чем на 20%). Поскольку резервы КНР состояли в основном из номинированных в долларах долговых обязательств США, что представляло собой ситуацию стратегической уязвимости, была поставлена задача

Таблица

Объемы вывоза и ввоза в КНР прямых инвестиций (2005–2016 гг.), млрд долл. США

Год	Накопленный объем инвестиций из КНР	Прямые иностранные инвестиции из КНР за рубеж	Прямые иностранные инвестиции в КНР
2005	–	12,3	60,33
2006	75,03	17,6	63,02
2007	117,91	26,5	74,77
2008	–	55,9	92,40
2009	245,76	56,5	90,03
2010	317,21	68,8	105,73
2011	–	74,7	116,0
2012	–	87,8	111,7
2013	660,5	107,8	117,6
2014	882,6	123,1	123,3
2015	1064,9	128,3	126,1
2016	1239,1	174,2	126,2

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь (Статистический ежегодник Китая) за соответствующие годы, Пекин, ГСУ КНР, данные Министерства Коммерции КНР.

их диверсификации, включая вложения в зарубежные инвестиционные проекты. В 2016 г. китайские прямые зарубежные инвестиции выросли особенно заметно и составили 174,2 млрд долл. США, что на 36% выше показателя 2015 г. и почти в 2 раза превышает показатель 2012 г., а также ставит Китай на 2-е место после США в качестве ведущего глобального инвестора.

Являясь одним из крупнейших участников международного движения капитала, Китай стремится обеспечить защиту своих зарубежных инвестиций. Быстрое увеличение зарубежных инвестиций Китая порождает представление о скупке китайскими инвесторами всей мировой экономики. В действительности, роль Китая как глобального инвестора, хотя и увеличивается, но остается относительно скромной, в 2015 г. на него пришлось порядка 4% мирового показателя. Однако в ежегодных потоках капитала его позиции значительны. Все это порождает стремление принимающих стран ограничить приток китайских инвестиций в свои экономики. Со своей стороны, в целях обеспечения защиты собственных зарубежных инвестиций Китай в последние годы старается использовать механизмы многосторонних институтов. Так, будучи организатором форума Большой двадцатки в 2016 г., Китай инициировал разработку «Базовых принципов глобальной инвестиционной политики», которые должны дополнить правовые нормы ВТО и создать необходимый для правовой защиты прямых зарубежных вложений многосторонний юридический механизм. Китай инициировал увязку международного инвестиционного сотрудничества с задачами устойчивого развития глобальной экономики, что, по мнению зарубежных экспертов, должно обеспечить Китаю более действенную защиту его зарубежных капиталовложений [11].

Следует отметить, что на состоявшемся в ноябре 2012 г. XVIII съезде КПК была поставлена задача — добиться к концу 2016 г. баланса в соотношении ввоза и вывоза прямых инвестиций. Как видно из приведенной выше *таблицы*, вывоз прямых инвестиций за границу превосходил показатели импорта предпринимательского капитала, что привело, по итогам 2016 г., к превышению объемов вывоза инвестиций. По прогнозам, сделанным Министерством коммерции КНР, в ближайшие 10 лет китайские капиталовложения за границей будут расти в сред-

нем на уровне выше 10% и предполагается, что к 2020 г. годовой объем достигнет 200 млрд долл. США. Росту объемов внешних инвестиций способствует политика правительства КНР, направленная на поощрение вывоза капитала. Китайское правительство создает благоприятные условий для вывоза капитала: разрабатывается и совершенствуется соответствующая юридическая база, допускается все большее число участников, стимулируется активность их деятельности.

Предварительное утверждение зарубежных инвестиций для китайских компаний осуществляется Государственным комитетом по развитию и реформе КНР и Министерством коммерции КНР. Получив разрешение на реализацию инвестиционного проекта за рубежом, китайский инвестор также должен пройти оформление в Государственном управлении по валютному контролю КНР (для получения разрешения вывоза средств в иностранной валюте). Инвестиционные проекты государственных предприятий утверждаются Комитетом по управлению государственным имуществом. Основные изменения законодательной базы КНР в области вывоза предпринимательского капитала направлены на упрощение правил регистрации проектов, они также последовательно упрощают порядок осуществления инвестиционной деятельности за рубежом китайскими предприятиями (включая САР Гонконг, САР Макао и Тайвань). Важные изменения в правовой базе были приняты в 2014–2015 гг. Так, в мае 2014 г. вступили в силу «Правила регулирования разрешительной и уведомительной регистрации зарубежных инвестиционных проектов» (приказ Государственного комитета по развитию и реформе КНР № 9–2014), а в октябре 2014 г. — «Правила регулирования зарубежных инвестиций» (приказ Министерства коммерции КНР № 3–2014). По измененным «Правилам» наряду с разрешительным впервые стал возможен уведомительный характер регистрации инвестиционных проектов за рубежом [12]. При этом следует отметить, что возрастающие объемы вывоза капитала в последние годы стали вызывать обеспокоенность властей КНР, и в 2016 г. в связи с резко возросшими объемами вывоза капитала китайское правительство ввело временные ограничения на вывоз капиталов в объемах свыше 5 млн долл. США.

В России крупных китайских проектов пока не так много, что объясняется небольшими объемами китайских прямых инвестиций. Вместе с тем следует отметить, что объем китайских инвестиций в последние годы вырос. Если в 2013 г. он составил лишь 1 млрд долл. США, то в 2015 г. этот показатель достиг 2,9 млрд долл. США. Общий объем накопленных прямых инвестиций в России на начало 2016 г. составил 14,1 млрд долл. США. [13]. Объемы инвестиционного сотрудничества рассматриваются сторонами как не вполне удовлетворительные. В качестве причин такой ситуации можно назвать следующие:

- неблагоприятный с точки зрения зарубежных инвесторов (в том числе — китайских), нынешний инвестиционный климат в России;
- недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, в особенности в восточных регионах страны, что препятствует созданию совместных инновационных проектов и производств;
- риски из-за санкций со стороны стран Запада;
- низкое качество продукции ряда отраслей российской обрабатывающей промышленности;
- социокультурные различия двух стран;
- отсутствие зачастую взаимного доверия и заинтересованности в развитии партнерских отношений со стороны официальных лиц и предпринимателей двух стран (следствием чего является целый ряд несостоявшихся проектов);
- недостаточная информированность деловых кругов двух стран о возможностях инвестиционного сотрудничества [14].

В настоящее время главными направлениями инвестиционной деятельности КНР в России по-прежнему являются проекты, связанные с добычей полезных ископаемых и сырья. Помимо них действуют проекты в лесном хозяйстве, энергетике, торговле, бытовой электротехнике, связи, строительстве и сфере услуг.

В современных условиях, когда в отношении РФ со стороны государств Запада активно используются санкции и развиваются системные дисбалансы в мировой экономике, принципиальную значимость приобретает необходимость дальнейшего укрепления российско-китайского стратегического партнерства. В сфере поли-

тического сотрудничества визиты президента России В. В. Путина в Китай в 2014–2016 гг. и встречные визиты председателя КНР Си Цзиньпина в Москву, включая его присутствие в мае 2015 г. на Параде Победы, подтверждают высокий статус двустороннего взаимодействия. Подписанные на высшем уровне в Пекине и в Москве пакеты документов, а также активизация российско-китайского взаимодействия в рамках многосторонних форматов (БРИКС, ШОС, АТЭС) выводят отношения между Россией и Китаем на принципиально новый уровень.

Объективной основой для поступательного развития двусторонних экономических отношений служит высокий уровень политического взаимодействия, взаимная дополняемость национальных экономик России и Китая, близость их территорий, наличие ресурсного потенциала, схожесть задач модернизации. С середины 2000-х гг. товарооборот между Россией и Китаем увеличился более чем в три раза и составил 95,6 млрд долл. США в 2014 г. [15]. Китай превратился в крупнейшего торгового партнера России. Несмотря на сокращение стоимости товарооборота в 2015 г., связанное с падением мировых цен на энергоносители и девальвацией рубля, физический объем товарообмена между нашими странами по ряду позиций вырос. В 2016 г. товарооборот вновь возрос на 4,1% по сравнению с предыдущим годом. При этом в прошлом году Россия впервые обошла Саудовскую Аравию, став крупнейшим экспортером нефти в КНР. В перспективе планируется нарастить поставки и других товаров, включая машинотехническую продукцию. Между руководителями России и Китая достигнута договоренность о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с крупномасштабным проектом Китая «Экономический пояс Шелкового пути». Состыковка этих двух проектов позволит существенно расширить возможности в области транспортной инфраструктуры, регулирования трансграничного движения товаров и услуг, а также придать серьезный импульс интеграции в регионе Евразии.

Важно отметить, что в Китае реализация концепции строительства «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) вступила в этап практической реализации, что находит свое отражение в плане развития на XIII пятилетку (2016–2020 гг.). Российское участие в ЭПШП позволит укрепить не только двустороннее российско-китайское сотрудничество, но и многостороннее сотрудничество в рамках ШОС, БРИКС и ЕАЭС.

Перед Россией и Китаем стоят задачи совместного скоординированного развития приграничных регионов двух стран. В последнее десятилетие предпринимаются конкретные шаги по активизации двустороннего инвестиционного сотрудничества. В 2004 г. создана межправительственная российско-китайская Постоянная рабочая группа по инвестиционному сотрудничеству, задачей которой является отбор пилотных инвестиционных проектов. Под эгидой Министерства экономического развития России и Государственного комитета по реформе и развитию Китая проводятся регулярные российско-китайские экономические и инвестиционные форумы, где представители органов государственной власти, деловых и экспертных сообществ двух стран проводят обсуждения приоритетов и проблем двустороннего сотрудничества. В 2014 г. создана Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству. В рамках заседаний Комиссии, проведенных в период 2014–2016 гг., были выработаны договоренности относительно путей дальнейшего развития сотрудничества, решения стоящих на этом пути проблем. Одновременно создан Консультативный совет предпринимателей из числа представителей крупного бизнеса России и Китая, который отбирает приоритетные проекты инвестиционного сотрудничества. Эти проекты получают государственную финансовую поддержку.

В 2015 г. Китай привлек в свою экономику 126 млрд долл. США прямых иностранных инвестиций. Крупнейшими инвесторами традиционно являются Япония, Сингапур, Республика Корея, США, Германия. Что касается российских инвестиций, направляемых в Китай, то они выглядят весьма скромно. В 2015 г. их объем по официальным китайским данным составил 13,1 млн долл. США, что составляет менее 1% иностранных инвестиций в Китай за этот год [13]. В экономическом обзоре Министерства экономического развития РФ «Основные направления и итоги инвестиционного сотрудничества России и Китая» констатируется, что «уровень развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества в настоя-

щее время не в полной мере отвечает уровню сложившихся политических и торговых отношений двух стран». Правда, следует добавить, что низкие показатели суммарных вложений российского капитала в экономику Китая связаны еще и с тем, что зачастую российские инвестиции поступают в континентальный Китай не напрямую, а посредством аффилированных компаний, зарегистрированных в Гонконге или других юрисдикциях с льготным налогообложением.

В российском бизнес-сообществе понимают, что для российских компаний найти перспективные проекты в экономике Китая, которая насыщена собственными и зарубежными капиталами, в принципе достаточно сложно. В условиях постоянно возрастающей внутренней и внешней конкуренции внутри Китая все более жестко регулируется отраслевая структура иностранных вложений. Поэтому российским инвесторам в Китае приходится работать в очень конкурентной среде. Помимо этого, стоимость рабочей силы в крупных городах Китая уже вполне сопоставима с уровнем заработной платы в российской промышленности, а с учетом резкой девальвации рубля по отношению к китайскому юаню в 2014–2015 гг. средние зарплаты в Китае во многих случаях стали превышать российские. Стоимость энергоснабжения и водоснабжения в Китае также постоянно повышается и в настоящее время вполне сопоставима с российскими тарифами. В связи с этим не только крупные европейские и американские компании, но и сами китайские предприятия стали переносить свои производства из Китая в страны Юго-Восточной Азии.

Однако, несмотря на существующие сложности, можно говорить и о существенных факторах, определяющих в перспективе рост масштабов сотрудничества между Россией и Китаем. Прежде всего, энергетическое сотрудничество двух стран способно существенно активизировать двустороннюю торговлю и инвестиции, причем не только в рамках проектов, связанных с поставками российских энергоносителей в КНР, но и в области совместной разработки нефтегазовых месторождений в Китае, развитии на китайской территории газотранспортных и газораспределительных систем. Важным аспектом развития двустороннего сотрудничества в области транспортной инфраструктуры является развитие погранпереходов и создание приграничных зон свободной торговли. В настоящее время с китайской стороны почти во всех пограничных с Россией городах (Хэйхэ, Суйфэньхэ, Маньчжурия, Дуннин) уже имеются зоны приграничной свободной торговли с консигнационными складами, услугами которых активно пользуются российские предприятия и граждане. Перспективным направлением является участие России в отмеченном выше китайском мегапроекте «Экономический пояс Шелкового пути».

Вместе с тем угрозы и вызовы устойчивому развитию экономики Китая сохраняются, и они способны оказать негативное влияние на его внешнеэкономические связи. Замедление темпов экономического роста КНР и снижение промышленного производства сужают возможности расширения зарубежного, в том числе российского, экспорта на китайский рынок. Ускоренное старение китайского населения вследствие политики ограничения рождаемости ведет к постепенной потере главного конкурентного преимущества Китая — дешевой рабочей силы, что увеличивает издержки производства, снижает конкурентоспособность китайского экспорта и в перспективе может существенно отразиться на возможностях его импортных программ.

На развитие китайской экономики будут оказывать влияние и внешние факторы. В 2016 г. рост мировой экономики замедлился до уровня в 2,9%, и в ближайшие годы динамика ее роста будет умеренной. По прогнозам МВФ и ОЭСР, глобальный экономический рост в среднесрочной перспективе будет весьма низким. При этом фондовые индексы ведущих стран достигли исторических максимумов, хотя рост инвестиций, динамика производительности труда и промышленного роста снижаются, что создает риски для мировой экономики и национальных хозяйств. Происходит снижение роста мировой торговли, что демонстрирует снижение спроса, отражает протекционистские настроения и оказывает негативное влияние на внешнюю торговлю Китая.

В прогнозе Минэкономразвития России отмечается, что в среднесрочной перспективе темпы роста экономики Китая продолжат снижение, что может оказать дестабилизирующее влияние на мировую экономику, объемы ме-

ждународной торговли и цены на сырьевых рынках, особенно в условиях существующих рисков более сильного падения динамики ВВП КНР. В Минэкономразвития России считают, что темпы роста экономики Китая снизятся с 6,9% в 2015 г. до 5,9% в 2019 г., что будет представлять собой минимальные показатели с 1990 г. При этом отмечается, что возможности стимулирования роста китайской экономики в среднесрочной перспективе будут ограничены из-за существенного ухудшения балансов крупных банков и провинций и снижения эффективности инвестиций [16].

Осуществляемые в Китае структурные реформы в ряде отраслей промышленности, направленные на сокращение низкоэффективных производственных мощностей и перевод промышленности на более высокую технологическую базу, будут иметь следствием сокращение потребностей в сырье. Вместе с тем в условиях низких цен на сырьевые ресурсы на мировых рынках Китай последовательно увеличивает закупки и наращивает свои товарные запасы цветных металлов. Обращает на себя внимание и быстрое развитие сектора услуг Китая, доля которого в ВВП страны составляет свыше 50% и за последние годы выросла почти на 10%. Этот сектор постепенно должен стать локомотивом экономики, заменив в этом отношении промышленность. Именно сектор услуг обеспечил в 2016 г. рост экономики Китая на 6,7%. Согласно докладу компании KPMG устойчивость, которую сектор услуг продемонстрировал на фоне общемирового спада и спада на внутреннем рынке Китая, способствовала тому, что значение этого сектора для долгосрочного роста страны выросло, а его развитие вошло в список ключевых приоритетов китайского правительства. Иностранным компаниям не следует недооценивать бизнес-возможности, связанные с новыми реалиями. Переход Китая на более инновационную экономику, ориентированную на сектор услуг, способствует развитию таких секторов, как высокотехнологичное производство, электронная торговля и логистика, сельское хозяйство, финансовые услуги, экологические и медицинские услуги, социальные услуги [17]. Власти Китая рассчитывают, что рост сектора услуг будет способствовать структурной перестройке и инновационному развитию экономики, компенсировать негативно отражающееся на ее росте сокращение экспорта, повышать конкурентоспособность Китая на мировых рынках товаров и услуг.

Литература

1. Синьхуа Новости [Электронный ресурс]. URL: russian.news.cn/2017–03/05/c_136104224.htm (дата обращения: 21.03.2017).
2. Синьхуа Новости [Электронный ресурс]. URL: russian.news.cn/2017–03/06/c_136107259.htm (дата обращения: 21.03.2017).
3. Китай на новом этапе экономической реформы / под ред. А.В. Островского. М.: Ленанд, 2016.
4. World Economic Forum. Available at: www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum (Accessed: 21 March 2017).
5. Review of China's Foreign trade in 2016/ General Administration of Customs People's Republic of China. Available at: http://english.customs.gov.cn/statics/6cd634d6-e8f2–4aa3–80d6–2eb2b97199d3.html (Accessed: 21 March 2017).
6. China daily. Available at: www.chinadaily.com.cn/business/ (Accessed: 21 March 2017).
7. Место Китая в глобальной политике США / под ред. А.П. Лукина. М.: Наука, 1987.
8. Fortune. Available at: www.fortune.com/2017/02/19/rex-tillerson-china visit/ (Accessed: 21 March 2017).
9. Синьхуа Новости [Электронный ресурс]. URL: russian.news.cn/2017–03/18/c_136139268.htm (дата обращения: 22.03.2017).
10. Синьхуа Новости [Электронный ресурс]. URL: russian.news.cn/2017–03/09/c_136115505.htm (дата обращения: 22.03.2017).
11. Karl P. Sauvant China moves the G20 toward an international investment framework and investment facilitation // *Cambridge University Press*, 2017, p. 3.
12. Блог о законодательстве Китая [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnlegal.ru/china_economiclow/Chineseforeign_investents_regulations_2014 (дата обращения: 15.02.2017).

13. Китайский статистический ежегодник 2016. Пекин: Китайское статистическое издательство.
14. Афанасьев Д. Деловой климат России глазами китайских инвесторов // Ведомости. 25.06.2014. № 3616.
15. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. URL: www.economy.gov.ru (дата обращения: 15.02.2017).
16. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/2016241101 (дата обращения: 12.03.2017).
17. KPMG Global China Practice 2016. Available at: https://home.kpmg.com/xx/en/home/insights/2016/03/china-outlook-2016.html (Accessed: 21 March 2017).

References

1. Xinhua News [Sin'hua Novosti]. Available at: russian.news.cn/2017–03/05/c_136104224.htm (Accessed: 21 March 2017) (in Russian).
2. Xinhua News [Sin'hua Novosti]. Available at: russian.news.cn/2017–03/06/c_136107259.htm (Accessed: 21 March 2017) (in Russian).
3. China at a new stage of an economic reform [Kitaj na novom jetape jekonomicheskoj reform] / ed. A.V. Ostrovskiy. Moscow, Lenand, 2016 (in Russian).
4. World Economic Forum. Available at: www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum (Accessed: 21 March 2017).
5. Review of China's Foreign trade in 2016 / General Administration of Customs People's Republic of China. Available at: http://english.customs.gov.cn/statics/6cd634d6-e8f2–4aa3–80d6–2eb2b97199d3.html (Accessed: 21 March 2017).
6. China daily. Available at: www.chinadaily.com.cn/business/ (Accessed: 21 March 2017).
7. The place of China in global policy of the USA [Mesto Kitaja v global'noj politike SShA] / ed. A.P. Lukin. Moscow, Nauka, 1987.
8. Fortune. Available at: www.fortune.com/2017/02/19/rex-tillerson-china visit/ (Accessed: 21 March 2017) (in Russian).
9. Xinhua News [Sin'hua Novosti]. Available at: russian.news.cn/2017–03/18/c_136139268.htm (Accessed: 22 March 2017) (in Russian).
10. Xinhua News [Sin'hua Novosti]. Available at: russian.news.cn/2017–03/09/c_136115505.htm (Accessed: 22 March 2017) (in Russian).
11. Karl P. Sauvant China moves the G20 toward an international investment framework and investment facilitation. *Cambridge University Pr*ess, 2017, p. 3.
12. Blog about the legislation of China [Blog o zakonodatel'stve Kitaja]. Available at: www.cnlegal.ru/china_economiclow/Chineseforeign_investents_regulations_2014 (Accessed: 15 February 2017) (in Russian).
13. Chinese Statistical Yearbook 2016 [Kitajskij statisticheskij ezhegodnik 2016]. Pekin: Kitajskoe statisticheskoe izdatel'stvo.
14. Afanas'ev D. Business climate of Russia through the eyes of Chinese investors [Delovoj klimat Rossii glazami kitajskih investorov]. *Vedomosti — Statements*, 25.06.2014, № 3616 (in Russian).
15. Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Portal of foreign economic information [Oficial'nyj sajt Ministerstva jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii. Portal vneshnejekonomicheskoj informacii]. Available at: www.economy.gov.ru (Accessed: 15 February 2017) (in Russian).
16. The forecast of social and economic development of the Russian Federation for 2017 and for the planning period 2018 and 2019 [Prognoz social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na 2017 god i na planovyj period 2018 i 2019 godov]. Available at: economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/2016241101 (Accessed: 12 March 2017) (in Russian).
17. KPMG Global China Practice 2016. Available at: https://home.kpmg.com/xx/en/home/insights/2016/03/china-outlook-2016.html (Accessed: 21 March 2017).

УДК 339.7;339.9

Возможности и перспективы интеграции ЕАЭС в финансовой сфере

КУЛАКОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,
аспирант департамента «Мировая экономика и мировые финансы», Финансовый университет, Москва, Россия
kulakova_e@rambler.ru

Аннотация. Вопрос интеграции банковских рынков особенно остро стоит перед странами Евразийского экономического союза в период кризисных явлений в экономике. В статье рассмотрена текущая ситуация, барьеры, препятствующие банковской интеграции и перспектива интеграции банков на финансовом рынке ЕАЭС. Предложены основные мероприятия в области гармонизации правовых основ в банковской сфере и создания единого рынка банковских услуг ЕАЭС. Рассмотрены основные показатели развития рынков ценных бумаг и проблемы интеграции фондовых рынков стран — участниц ЕАЭС. Выявлена асимметрия развития и обусловленные ею сложности интеграции. Сформулированы задачи, решение которых является первостепенным для эффективной интеграции в финансовой сфере ЕАЭС.
Ключевые слова: валютно-финансовая интеграция; Евразийский экономический союз; финансовый рынок; интеграция банковских рынков.

Prospects a Single Currency EEU

KULAKOVA E. V.,
Postgraduate student of the World Finance,
the Financial University, Moscow, Russia
kulakova_e@rambler.ru

Abstract. An issue of banks market integration is being extremely vital for the economies of the Eurasian Economic Community (EEU) while the economy crisis is on. The article observes the current situation, describes special issues of financial integration within EEU, mentions the barriers which the banks' integration faces and the future perspective of banks integration into the financial market of the EEU. It proposes some main measures to be taken for further harmonisation of the legal framework in the banking sector and for establishing a unified market of banking services within EEU. Moreover it describes the main indicators for securities market development and also mentions the problems of stock markets integration for the EEU states. The article identifies the complications of overall development and it states the out-coming complexity of integration. Finally the article sets the list of tasks initially to be solved for an efficient integration into the EEU financial sector.
Keywords: monetary and financial integration; Eurasian Economic Union; financial market; integration of banking markets.

Интеграция в финансовом секторе стран ЕАЭС развивается медленно и значительно отстает от интеграционных процессов в торгово-экономической сфере. Договор о ЕАЭС предусматривает создание общего финансового рынка. Финансовый сектор является важным пунктом интеграции, который открывает перед участниками ЕАЭС новые возможности использования капитала. После распада СССР превалирующая часть банков работала на территории национальных рынков. В настоящее время около десятка крупнейших национальных кредитных институтов работают одновременно в нескольких государствах ЕАЭС.

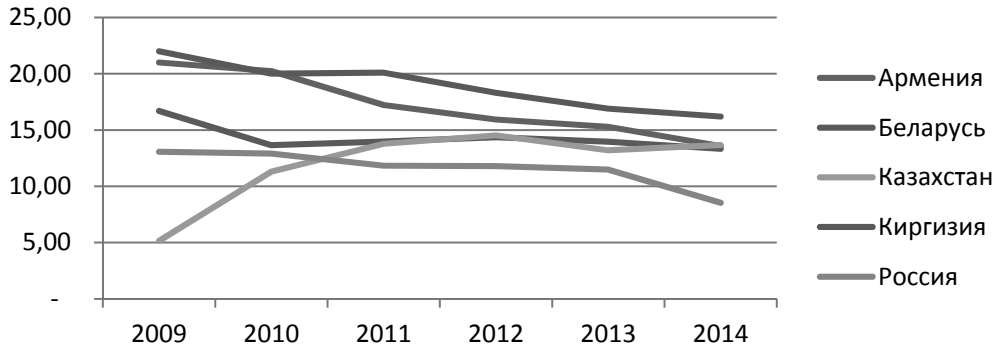

Рис. 1. **Достаточность банковского капитала, %**

Источник: Базы данных ЦБ РФ, МВФ, МБ.

Формирование условий для сотрудничества банковских систем стран ЕАЭС является основополагающим фактором при создании интегрированного финансового рынка [1]. На наш взгляд, в связи со сложившейся ситуацией будет актуальным представить анализ банковского взаимодействия стран — членов ЕАЭС и выявить предпосылки для создания единого рынка финансово-банковских услуг, предполагающего ликвидацию ограничений движения капитала, а также либерализацию рынка банковских услуг.

В условиях усиления тенденций интеграции национальных финансовых систем в мировую возрастает необходимость гармонизации национальных норм регулирования в соответствии с международными стандартами. Следуя базельским требованиям, необходимо увеличить размер минимального уставного капитала для увеличения капитализации кредитных организаций Союза [2]. Но в последние годы у таких стран, как Россия, Армения и Киргизия наблюдается тенденция к уменьшению банковского капитала (*рис. 1*).

Банковские системы стран ЕАЭС имеют существенные различия по структуре и объемам проводимых операций (*табл. 1*).

У таких стран, как Армения и Киргизия уровень финансового посредничества (отношение активов к ВВП) значительно ниже, чем у других стран ЕАЭС. У стран ЕС это соотношение в среднем не менее 200%, а у ряда стран (Ирландия, Кипр, Исландия) — существенно больше — 300%. В нормальной экономической ситуации это очень позитивный фактор, говорящий о развитости банковской системы, ее инвестиционной привлекательности и надежности. Банки же стран — членов ЕАЭС зависят от международного капитала, так как кредитные организации в их экономиках играют несущественную роль.

Банковские системы стран ЕАЭС несопоставимы друг с другом, так как существенно различаются по масштабам, структуре и объему проводимых операций. Доминирующее положение в ЕАЭС занимают банковские системы России и Казахстана, они выделяются своей финансовой мощью среди других и тем самым выступают движущей силой интеграции банковского сектора стран ЕАЭС. Россия выступает как ядро, формирующее евразийскую интеграцию, превалируя в количественных объемах банковского сектора, а ее доля сохраняется на уровне 90% от общего числа кредитных организаций стран ЕАЭС (*табл. 2*).

Одним из условий интеграции рынка банковских услуг является гармонизированная цена на кредитные ресурсы, которая складывается благодаря конкуренции на внутренних и региональных рынках (*рис. 2*).

Из графика видно, что процентные ставки по кредитам нестабильные: в 2013 г. произошло их снижение, чему способствовал финансовый кризис, связанный с понижением цены на нефть и санкциями по отношению к России.

Оценить ценовую дифференциацию среди стран ЕАЭС можно с помощью еще одного показателя — динамики банковской маржи, которая определяется как разница между процентными ставками по кредитам и депозитам (*табл. 3*).

Из таблицы видно, что сближение уровней банковской маржи незначительное. У Киргизии и Армении маржа значительно выше, чем у остальных стран, что является признаком низкого уровня развития банковского сектора.

Между странами ЕАЭС уровень взаимодействия в банковской сфере невысокий. В отличие от ЕС, где банки стран активно работают на рынках друг друга, на территории ЕАЭС экспансию осуществляют лишь

Таблица 1

Показатели банковских систем ЕАЭС, 2009–2014 гг., в % к ВВП

Страна	Годы					
	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Армения						
Активы	0,50	0,60	0,55	0,58	0,65	0,70
Обязательства	0,40	0,49	0,45	0,49	0,55	0,61
Капитал	0,10	0,10	0,09	0,09	0,10	0,10
Беларусь						
Активы	0,61	0,78	0,87	0,60	0,60	0,64
Обязательства	0,52	0,67	0,75	0,51	0,52	0,55
Капитал	0,10	0,11	0,12	0,09	0,08	0,08
Казахстан						
Активы	0,68	0,55	0,46	0,46	0,44	0,47
Обязательства	0,74	0,49	0,42	0,39	0,38	0,41
Капитал	–0,06	0,06	0,05	0,07	0,06	0,06
Киргизия						
Активы	0,37	0,28	0,24	0,28	0,31	0,35
Обязательства	0,30	0,22	0,19	0,23	0,26	0,29
Капитал	0,07	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05
Россия						
Активы	0,76	0,73	0,74	0,80	0,87	1,09
Обязательства	0,64	0,63	0,65	0,70	0,76	0,98
Капитал	0,12	0,10	0,09	0,10	0,11	0,11

Источник: ЕЭК. URL: http://eec.eaeunion.org/.

Таблица 2

Состояние банковских систем стран ЕАЭС, 2014 г.

Страна / Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Банки, единиц	22	31	38	24	834
в том числе с участием иностранного капитала	20	26	–	16	225
из них под иностранным контролем	14	20	16	11	113
Филиалы банков, единиц	509	65	395	293	1714
Представительства банков за рубежом, единиц	3	9	11	–	42

Источник: Базы данных ЦБ РФ, МВФ, МБ.

банки России и Казахстана. Показатель проникновения региональных банков (доля имеющихся у них в регионе зарубежных активов в совокупных активах региональной банковской системы) на рынки стран участниц ЕАЭС — менее 3%, в то время как в ЕС он составляет 17% [3]. Причиной такого низкого показателя является нехватка и недостаточность у банков финансовых ресурсов для расширения их деятельности на рынках стран ЕАЭС. Экспансия банков замедляется и в связи с отсутствием правовых механизмов, поощряющих их выход на рынки друг друга, таких, например, как механизмы защи-

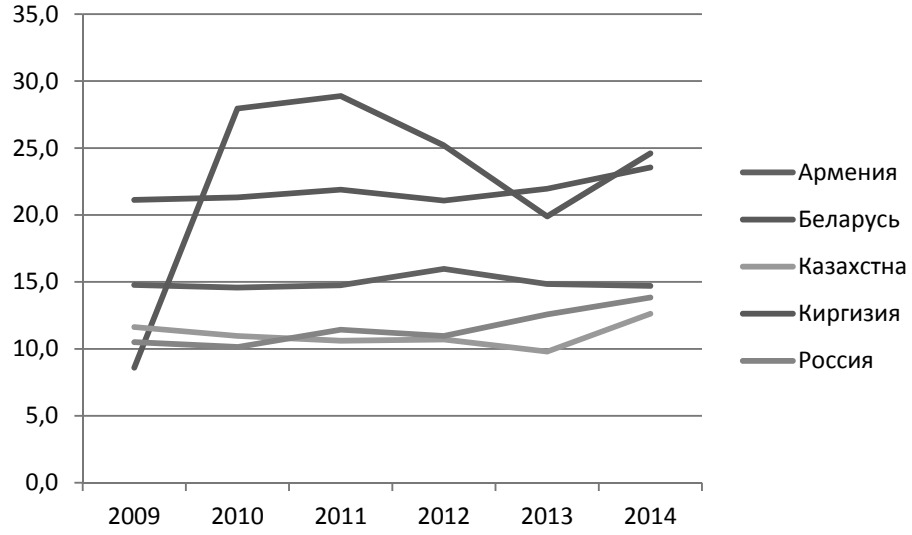

Рис. 2. **Средние процентные ставки по кредитам юридическим лицам**

Источник: составлено автором на основе базы данных ЕЭК.

Таблица 3

Показатели банковской маржи в странах ЕАЭС по годам, в %

Страна	Годы					
	2014	2013	2012	2011	2010	2009
Армения	5,98	5,83	7,66	8,51	10,25	10,11
Беларусь	0,16	–1,13	–2,81	0,27	0,13	0,99
Россия	5,1	3,88	3,57	4,02	4,81	6,73
Киргизия	19,65	19,48	21,35	23,02	21,1	23,19

Источник: базы данных ЦБ РФ.

ты их прямых зарубежных инвестиций от политических рисков. Таким образом, на данный момент существующая интеграция банковской сферы носит индивидуальный характер, не трансформирующийся в форму единого регионального рынка банковских услуг.

Основным барьером, препятствующим банковской интеграции ЕАЭС, является отсутствие гармонизированного законодательства в банковской сфере. Регулирование банковской деятельности осуществляется в соответствие с национальным законодательством, при этом имеется ряд различий в части полномочий надзорных органов (как правило, осуществляют центральные банки, исключение Казахстан, где регулирование и надзор осуществляют Национальный банк Республики Казахстан и Комитет по контролю и надзору финансового рынка и финансовых организаций Национального банка Республики Казахстан), порядка регистрации и лицензирования деятельности кредитных организаций, осуществления надзора за ними. Кроме того, существуют различия по предъявляемым требованиям к капиталу кредитных организаций. Сопоставление надзорной практики показывает наличие разных подходов к вопросам формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам.

Существенным барьером для осуществления банковской деятельности на территории ЕАЭС является отсутствие признания национальных банковских лицензий.

До настоящего времени в каждой отдельной стране ЕАЭС существует собственная система лицензирования банков, которая не действует на территории других стран — участниц ЕАЭС. Для создания единого финансового пространства необходимо первоначально внедрить принцип наднациональных банковских лицензий.

Наиболее целесообразными мероприятиями в области гармонизации правовых основ в банков-

ской сфере и создания единого рынка банковских услуг ЕАЭС можно считать следующие:

1. Анализ и рассмотрение возможности внесения изменений в национальные требования с учетом базельских норм и международного опыта. При этом положительный зарубежный опыт стран Европейского союза в законодательном регулировании банковской сферы должен быть не перенесен путем копирования и императивной имплементации, а тщательно адаптирован к национальным особенностям стран ЕАЭС и их банковского законодательства.

2. Унификация терминологического аппарата, включающая такие базовые понятия, как «банковское регулирование», «банковский контроль», «банковский надзор», разработка модельного понятия «кредитная организация» и определение ее статуса, определение понятия обособленного подразделения кредитной организации, понятия «денежно-кредитная политика», гармонизация перечня инструментов денежно-кредитной политики, особый характер которых закреплен в национальном законодательстве.

3. Унификация процедуры государственной регистрации кредитной организации и выдачи ей лицензии, правовое закрепление единых требований к обязательному лицензированию банковской деятельности, вводимых стандартов лицензирования банковской деятельности, разработка общего перечня видов деятельности (услуг) кредитных организаций, подлежащих взаимному признанию в государствах — участниках ЕАЭС.

4. Скорейшее закрепление правила признания национальных банковских лицензий государств — членов ЕАЭС на всей территории ЕАЭС, унификация вопросов, касающихся размера участия иностранного капитала. В результате банки, лицензированные в стране своего изначального нахождения, получат возможность беспрепятственно осуществлять все виды деятельности, определенные содержанием лицензий в других государствах — участниках ЕАЭС. При этом обязанность контроля над кредитными организациями может быть делегирована надзорным органам стран, на территории которых зарегистрированы данные организации. На сегодняшний день создание филиалов иностранных банков в Российской Федерации запрещено, также законодательно не закреплена возможная доля участия иностранного капитала в банковском секторе. Аналогичная ситуация наблюдается и в Республике Беларусь, в то время как законодательство Республики Казахстан допускает такое участие в размере не более 50%.

5. Установление единого подхода в вопросе гарантирования вкладов населения и установления единой суммы возмещения на всей территории ЕАЭС с имплементацией нормы в национальные законодательства стран — участниц Союза. В странах — членах ЕАЭС нет унифицированного подхода к сумме выплат по денежным депозитам населения, например в Российской Федерации систему страхования вкладов физических лиц в банках регулирует Федеральный закон № 177-ФЗ92, согласно которому максимальная сумма страхового обеспечения составляет 1,4 млн руб. В Республике Беларусь государством гарантируется возмещение вкладов в полном объеме, в то время как в Республике Казахстан сумма страхового возмещения составляет приблизительно 17 500 евро. Защита национальных интересов банков требует выработать единый подход к суммам страховых возмещений вкладов на всей территории ЕАЭС и имплементировать его в национальные законодательства, что позволит построить единый рынок банковских услуг. Возможно, за основу надо взять сумму возмещения, установленную в России, с ее последующим увеличением.

6. Повышение системности банковского законодательства ЕАЭС (издание наднациональных единых правил). В частности, систематизация положений национального права государств — участников ЕАЭС, регулирующих деятельность кредитных организаций, и кодификация таких положений в рамках единого правового акта, регулирующего единый порядок создания и деятельности кредитных организаций.

У ЕАЭС в планах уже есть создание наднационального регулятивного органа, но в целях повышения сотрудничества в банковской сфере необходимо на текущий момент гармонизировать банковское законодательство в каждой стране Союза.

Структура институтов финансового рынка создавались с нуля, но с разными последующими моделями экономического развития, и в странах, таких как Казахстан и Россия, сформировалась развитая институциональная структура рынка, тогда как в некоторых государствах ЕАЭС, например в Киргизии, она находится на низком уровне [4].

Проанализируем состояние рынков ценных бумаг стран — членов Союза для понимания проблематики интеграционного процесса. Первая причина заключалась в диспропорции развития рынков ценных бумаг стран — членов ЕАЭС. Сравнение уровней торгов их фондовых рынков показывает асимметрию их развития: Россия — 37,9% к ВВП, Ка-

Таблица 4

Показатели фондовых рынков стран ЕАЭС, 2014 г.

Показатель	Россия	Казахстан	Беларусь	Армения	Кыргызстан
Объем фондового рынка, млрд долл. США	754,0	88,3	5,7	2,1	1,77
Общая капитализация внутреннего фондового рынка (к ВВП), %	37,8	28,9	21,1	5,5%	6,4%
Доля в фондовом рынке пяти стран, %	88,3	10,6	0,7	0,2	0,2

Источник: ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/.

захстан — 28,7%, Беларусь — 21,2%, Армения — 5,5%, Киргизия — 6,4%. Это свидетельствует о наличии различного потенциала развития и конкурентоспособности по отношению к другим странам.

Бесспорно, рынок ценных бумаг России является наиболее развитым и по объему превосходит рынок Казахстана в 8,4 раза, а Беларусь — в 133 раза. Итак, рынки Беларуси, Армении и Киргизии значительно отстают от рынков России и Казахстана. По уровню капитализации к ВВП Россия и Казахстан относительно близки друг другу. Развитию белорусского рынка ценных бумаг мешает структура собственности в экономике. Более 80% эмитированных акций находятся в собственности у государства. Такая ситуация сложилась благодаря сдерживающей политике государства по отношению к приватизации и разделу собственности с внешними инвесторами, отсутствию корпоративной культуры и дивидендной политики в организациях. Рынок акций за счет низкой дивидендной политики находится на низком уровне ликвидности и доходности. Акционеры выплачивают невысокие дивиденды по сравнению с размером депозитных ставок. Тем самым объясняется низкая заинтересованность инвесторов в белорусских акциях.

Показатель среднедневных биржевых торгов у всех стран — членов Союза значительно ниже, чем у России. Таким образом, процесс сближения фондовых рынков приведет к поглощению российским рынком ценных бумаг рынков Беларуси, Армении и Киргизии, а не к их интеграции.

Вторым ограничивающим фактором интеграции фондовых рынков является отсутствие конкурентной среды. В Республике Беларусь нет конкурентной среды как таковой, это своего рода защитный механизм от оттока капитала через биржевые механизмы. Большие дивиденды выплачиваются только государственными предприятиями, которые, в свою очередь, направлены в бюджет [5].

В Казахстане — нерыночное ценообразование и низкая ликвидность финансовых инструментов. Местные инвесторы предпочитают покупать и накапливать ценные бумаги — так сложилось из-за дефицита акций на рынке. К тому же инвесторы скептически относятся к национальному фондовому рынку, так как не доверяют раскрытой информации о коммерческой деятельности предприятий.

В Беларуси пока отсутствуют портфельные инвесторы, так как нет предметов торговли и отсутствует необходимая институциональная среда. В России и Казахстане, наоборот, на фондовом рынке присутствуют не только коммерческие банки, но и страховые, пенсионные фонды и инвестиционные компании [5].

Российский рынок ценных бумаг, в отличие от рынков других стран ЕАЭС, является динамично развивающимся, конкурентным рынком, имеет быстрый рост торговых сделок с ценными бумагами и постоянно расширяет ассортимент финансовых инструментов. При таких условиях фондовым рынкам других стран ЕАЭС будет трудно выдержать конкуренцию, так как возникают риски перелива инвесторов и эмитентов на российский рынок.

Третьим сдерживающим фактором интеграции фондовых рынков являются ограничения в законодательной базе по деятельности финансовых институтов в других странах, которые препятствуют недискриминационному допуску национальных ценных бумаг и профессиональных участников на фондовые рынки стран-партнеров. Инвестиционное сотрудничество между странами ЕАЭС на очень низком уровне. На начало 2015 г. доля белорусских инвестиций в Казахстан составляла 0,06%, а казахских инвестиций в Беларусь — 0,025%. Доля российских портфельных инвестиций в Казахстан составляет 4,4%, а казахских инвестиций в Россию — всего 0,3%. Одной из причин такой ситуации являются ограничения в законодательной базе стран ЕАЭС.

Таблица 5

Показатели развития финансово-банковской системы в странах ЕАЭС, 2014 г.

Показатель	Страна				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Активы банков, привлекающих депозиты, в % к ВВП	34,1	47,2	40,0	22,2	45,6
Активы 5 крупнейших банков, в% к активам банков	61,5	94,5	72,4	79,0	41,1
Депозиты банков, в % к ВВП	18,1	24,1	27,5	10,5	37,5
Кредиты банков частному сектору, в % к ВВП	29,9	33,2	34,9	12,1	40,8
Капитализация фондового рынка, в % к ВВП	0,35	6,7	28,5	2,1	50,3
ВВП на душу населения, в долл. США	3305	5820	11357	1124	12995

Источник: [6], сайты центральных банков.

Финансовые системы в государствах — участниках ЕАЭС в сфере финансового посредничества в основном являются ориентированными на банки и в меньшей степени — на фондовый рынок. Как видно из *табл. 5*, в экономиках стран ЕАЭС отношение активов банковского сектора к ВВП превышает уровень капитализации фондового рынка. Исключение составляет только Российская Федерация.

Из вышеприведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Интеграционный процесс финансовых рынков стран ЕАЭС имеет ряд особенностей:

1. У стран ЕАЭС общее историческое прошлое, а также в той или иной степени — социальная и культурная общность [7]. Данные условия являются важными, но не единственно необходимыми для эффективного развития интеграции рынков ценных бумаг. В первую очередь речь должна идти об уровне открытости национальных экономик, наличии интереса в сближении, схожести финансовых систем, росте взаимодействия и взаимопроникновения институтов фондовой инфраструктуры и других факторов, определяющих исходные условия развития процесса интеграции.

2. Все страны ЕАЭС имеют схожесть экономической модели и финансовой системы, что упрощает процесс консолидации их фондовых рынков. Схожесть состоит в том, что государство играет большую роль в качестве экономического агента и регулятора экономической политики страны. Она также проявляется в высокой концентрации активов в собственности узкого круга лиц. Банковские организации этих стран являются основными владельцами финансовых активов (от 78% — в Казахстане, до 98% — в Беларуси) и основными инвесторами в ценные бумаги (например, в России они обеспечивают 95% всех инвестиций в ценные бумаги) [1].

3. У стран ЕАЭС общие экономические интересы, что является одним из наиболее важных условий развития интеграционного процесса. Формирование общего фондового рынка отвечает интересам всех стран-участниц, так как будет способствовать повышению устойчивости рынков, в том числе за счет увеличения их объемов и ликвидности. Все это поможет укреплению экономических позиций стран в мире, где стремительно набирает ход процесс глобализации, повысит конкурентоспособность на мировых рынках и сделает их интеграцию в мировую финансовую систему более эффективной.

Интеграция даст возможность избежать риска потери самостоятельности национальных рынков и превращения их в периферийный сектор развитых фондовых рынков. Кроме того, интеграция окажет помощь национальным рынкам в их стремлении занять собственную нишу.

Единый рынок ценных бумаг ЕАЭС будет способствовать формированию необходимых условий для эффективного перераспределения финансовых ресурсов между странами и отраслями, увеличению инвестиционной активности и стимулированию экономического роста посредством трансформации сбережений в инвестиции. Для расширения сотруд-

ничества в финансовой сфере стран ЕАЭС необходимо в первую очередь добиться финансовой стабильности национальных валют, снизить уровень инфляции, увеличить долю использования в расчетах национальные валюты стран ЕАЭС, тем самым снизить роль доллара США в экономиках стран, перевести валютно-финансовый сектор стран ЕАЭС на внутренние источники кредитования, ввести валютные ограничения на приток спекулятивного капитала.

Итак, проведенный анализ показал, что существуют географические, исторические и иные предпосылки для проведения финансовой интеграции стран ЕАЭС, и результаты экономического развития этих стран вследствие финансовой интеграции могут быть достаточно показательными для сотрудничества в рамках ЕАЭС. Реализация перечисленных мер позволит расширить межгосударственное взаимодействие в банковской сфере и, учитывая тот факт, что данная сфера занимает центральное место в финансовых системах, это даст сильный толчок к развитию сотрудничества стран — участниц ЕАЭС во всех сегментах финансовой сферы. Интеграция в банковской и финансовой сфере будет способствовать укреплению экономических связей между странами, что, в свою очередь, приведет к росту экономических показателей всех стран — участниц ЕАЭС.

Литература

1. Жукова Т.В. Структура собственности на финансовом рынке в странах с неоконтинентальной моделью (страны — члены ЕАЭС) // Финансы и кредит. 2015. № 35. С. 3.
2. Кондратов Д.И. Перспективы интеграции кредитно-финансовых систем // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 2 (23).
3. Петров М., Плисецкий Д. Возможности и перспективы интеграции стран СНГ в финансовой сфере // Финансы и кредит. 2011. № 8 (440). С. 38–48.
4. Чигринская А.П. Интеграция рынков ценных бумаг России и стран СНГ: дис. … канд. экон. наук. М., 2011. С. 113.
5. Головин М.Ю. Перспективы совместного развития инфраструктуры фондовых рынков в странах ЕврАзЭС // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 1 (2). С. 47.
6. Global Financial Development, The World Bank. Available at: http://siteresources.worldbank.org/EXTGLOBALFINREPORT/Resources/8816096–1361888425203/9062080–1364927957721/GFDR-2014_Complete_Report.pdf.
7. Буторина О. Закономерности валютно-финансовой интеграции: мировой опыт и СНГ // Деньги и кредит. 2005. № 8. С. 42–50.

References

1. Jukova T.V. Ownership structure in the financial market in countries with a non-continental model (the countries-members of the EAPS) [Struktura sobstvennosti na finansovom rinke v stranah s neokontinentalnoi modelyu (strani chleni EAES)]. *Finansi i kredit — Finance and credit*, 2015, no. 35, pp. 3.
2. Kondratov D.I. Prospects of integration of credit and financial systems [Perspektivi integracii kreditno_finansovih system]. *Evraziiskaya ekonomicheskaya integraciya — Eurasian economic integration*, 2014, no. 23.
3. Petrov M., Pliseckii D. Opportunities and prospects of integration of the CIS countries in the financial sphere [Vozmojnosti i perspektivi integraciistran SNG v finansovoi sfere]. *Finansi i kredit — Finance and credit*, 2011, no. 8 (440), pp. 38–48.
4. Chigrinskaya A.P. Integration of the securities markets of Russia and CIS countries [Integraciya rinkov cennih bumag Rossii i stran SNG]. Cand. dis. (Econ.). Moscow, 2011, p. 113.
5. Golovin M. Yu. Perspectives of joint development of the infrastructure of stock markets in EurAsEC countries [Perspektivi sovmestnogo razvitiya infrastrukturi fondovih rinkov vstranah EvrAzES]. *Evraziiskaya ekonomicheskaya integraciya — Eurasian economic integration*, 2009, no. 1 (2), pp. 47.
6. Global Financial Development, The World Bank. Available at: http://siteresources.worldbank.org/EXTGLOBALFINREPORT/Resources/8816096–1361888425203/9062080–1364927957721/GFDR-2014_Complete_Report.pdf.
7. Butorina O. Laws of monetary and financial integration: world experience and the CIS [Zakonomernosti valyutno finansovoi integracii mirovoi opit i SNG]. *Dengi i kredit — Money and credit*, 2005, no. 8, pp. 42–50.

УДК 332.1

Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики

ЗУБАРЕВИЧ НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА,
профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, директор региональной программы Независимого института социальной политики, Москва, Россия
nzubarevich@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные концепции пространственного развития. Оно, в принципе, не может быть равномерным, что подтверждается центро-периферийной теорией и исследованиями процессов пространственной концентрации экономики, в том числе, в рамках «новой экономической географии» середины и конца XX в. В условиях сверхцентрализованной системы управления и огромной инерционности российского пространства особую роль играют институты (политические, финансовые и другие), которые позволяют снижать объективные барьеры развития регионов и городов, максимально использовать их конкурентные преимущества. Автор подробно анализирует барьеры пространственного развития России, а также опыт проведения стимулирующей и выравнивающей региональной политики. При общей оценке проблемы регионального неравенства выделены наиболее важные аспекты, необходимые для понимания «коридора возможностей» модернизации и развития России. В заключение кратко сформулированы шесть основных векторов пространственной стратегии, основанные на оценке трендов развития не только в кризис, но и в более длительной ретроспективе.
Ключевые слова: пространственное развитие; центро-периферийная теория; «новая экономическая география»; эффективные институты; стимулирующая и выравнивающая региональная политика; геополитические приоритеты; «Стратегия 2020».

Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy

ZUBAREVICH N.V.,
Professor of the Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Director of the Regional Program of the Independent Institute for Social Policy, Moscow, Russia
nzubarevich@gmail.com

Abstract. The article considers main concepts of spatial development. It, in principle, cannot be uniform, which is confirmed by the central-peripheral theory and studies of processes of spatial concentration of the economy, including within the framework of the “new economic geography” of the middle and the end of the 20th century. In the conditions of a super-centralized management system and the huge inertia of the Russian space, institutions (political, financial, etc.) play a special role, which allow reducing the objective barriers to the development of regions and cities, making maximum use of their competitive advantages. The author analyzes in detail the barriers to Russia’s spatial development, as well as the experience of carrying out an incentive and equalizing regional policy. With a general assessment of the problem of regional

inequality, highlighted are the most important aspects that are necessary to understand the “corridor of opportunities” for Russia’s modernization and development. In conclusion, six main vectors of spatial strategy are briefly formulated, based on the evaluation of development trends not only in a crisis, but also in a longer retrospective.
Keywords: spatial development; central-peripheral theory; “new economic geography”; effective institutions; stimulating and leveling regional policy; geopolitical priorities; “Strategy 2020”.

Пространство России: страх и гордость

Многообразие регионов и их особенностей, видимое невооруженным глазом, одних восхищает, других пугает, третьих оставляет равнодушными, а кого-то вдохновляет на исследование общих закономерностей и трендов пространственного развития.

Сакрализация огромного пространства России стала национальной традицией в истории и экономической политике. Известный историк В. О. Ключевский писал: «В России историю заменила география», а философ Н. А. Бердяев считал главным фактором русской истории пространство: «Русская душа ушиблена ширью; она находится под своеобразным гипнозом безграничности русских полей и русского государства».

История показывает, что все попытки модернизации России упирались в барьеры, обусловленные ее огромной территорией. По оценке А. И. Трейвиша, «реформаторы пытались опередить время, но увязли в пространстве» [1].

Мощь обширных просторов страны служит важным компонентом самоидентификации не только власть имущих, но и всех россиян. Сочетание двух контрастных ощущений — страха и гордости за страну и ее «просторы» — носит в чем-то психологически нерациональный, истерический или восторженный характер.

Эта ситуация создает значимый ментальный барьер против принятия адекватных управленческих решений, и с ним нельзя не считаться при оценке институциональных возможностей модернизации.

Снизить барьер можно только с помощью лучшего понимания пространственного развития России. Второй шаг — выделение объективных и субъективных ограничений и «коридора возможностей» модернизации российского пространства. Третий — оценка опыта других стран и его применимости для России. И наконец, четвертый — что делать в существующих условиях, чтобы ускорить модернизацию в территориальном ракурсе.

Закономерности и тенденции

В региональной науке со второй половины XX в. сложился устойчивый консенсус в понимании пространственного развития: оно не может быть равномерным. Это объясняется двумя основными концепциями, выдержавшими проверку временем.

Во-первых, это **центро-периферийная теория** (модель) пространственного развития, созданная Дж. Фридманом: центры разного уровня, всегда стягивающие ресурсы (человеческие, финансовые, природные) со своей периферии. Именно концентрация ресурсов создает возможности для инновационных изменений самих центров, а затем эти инновации транслируются на периферию с лагом во времени, зависящим от величины барьеров на пути движения инноваций [2].

Между центрами и периферией существует подвижная зона полупериферии, которая более активна и при резком изменении условий развития может перехватить функции центра. Эта модель работает на всех уровнях — от мировых городов и крупных агломераций до региональных и местных центров.

Диффузия инноваций от центров их создания на периферию происходит эволюционно двумя путями: по сложившейся иерархической системе городов-центров (от наиболее крупных городов к меньшим по размеру и статусу), т. е. в пространстве всей страны, и в пригороды, прилегающие к центрам, «растекаясь» на соседние территории, что особенно интенсивно происходит в пределах крупнейших агломераций.

Центро-периферийная модель показывает, насколько важную роль в развитии страны играют города: это не только «опорный каркас» расселения, но и главные «моторы» трансляции импульсов модернизации на окружающую периферию. Слаборазвитые и ограниченные в ресурсах города неизбежно становятся тормозом диффузии инноваций.

Во-вторых, это **исследования процессов пространственной концентрации экономики**, в том

числе в рамках «новой экономической географии» середины и конца XX в., за которую П. Кругман в 2008 г. получил Нобелевскую премию [3].

Фундаментальной причиной экономического неравенства является давно изученный в региональной науке процесс концентрации экономической деятельности в тех местах, которые обладают сравнительными преимуществами, что позволяет снижать издержки бизнеса.

Среди таких преимуществ П. Кругман выделяет факторы «первой природы» (обеспеченность природными ресурсами, выгодное географическое положение), мало зависящие от человека, и факторы «второй природы» (агломерационный эффект, человеческий капитал, институциональная среда), в наибольшей степени связанные с деятельностью государства и общества. Именно они играют ключевую роль в модернизации, в то время как опора развития регионов на ресурсные преимущества ее замедляет [4].

Преимущества, особенно «первой природы», не являются вечными. В раннеиндустриальную эпоху важнейшими факторами развития были обеспеченность минеральными ресурсами и географическое положение, а в постиндустриальную — человеческий капитал и институты.

В Докладе о мировом развитии за 2009 г. показано, что пространственное неравенство, а следовательно, и условия для модернизации в современном мире формируют три базовых фактора:

- density — пространственная концентрация населения и эффект масштаба (развитие городских агломераций);
- distance — экономическое расстояние, обусловленное не только внутриматериковым положением, удаленностью от глобальных и внутристрановых рынков, транспортными и транзакционными издержками в целом, но и слаборазвитой инфраструктурой;
- division — институциональные барьеры в широком смысле, в том числе барьеры границ (национальных, региональных, локальных), препятствующие проникновению товаров, услуг, инноваций; к ним можно добавить институциональные барьеры территориальной мобильности, социальных лифтов и доступности качественных социальных услуг, повышающих человеческий капитал.

Модернизация быстрее идет там, где лучше условия для диффузии инноваций, — выше концентрация населения и его качество, более развита инфраструктура и меньше экономическое расстояние, ниже институциональные барьеры. Необходимость снижения всех трех барьеров пространственного развития очевидна, но они долгосрочны и устойчивы по своему характеру. Пространство очень инерционно, поэтому выбор направлений, стимулирующих модернизацию, ограничен для России достаточно узким «коридором возможностей», особенно в условиях ухудшения мировой конъюнктуры и роста проблем в экономике.

Пространственная поляризация усиливает риски перенапряжения и приводит к срывам модернизаций, преследующим Россию на протяжении веков. Безусловно, менее развитым регионам нужно помогать, но следует четко понимать границы возможностей и правильно выбирать механизмы, даже если в стране есть финансовые ресурсы для масштабного перераспределения.

Современная региональная наука доказывает, что в контексте модернизации важнейшими направлениями пространственного развития являются те, которые улучшают условия для распространения инноваций в пространстве:

- поддержка городов-центров, создающих инновации и транслирующих их на периферию;
- развитие инфраструктуры, позволяющее сократить экономическое расстояние;
- улучшение факторов «второй природы» — человеческого капитала и институтов.

Все это во власти государства и общества, но требует огромных ресурсов и длительных усилий.

Роль институтов

В условиях ограниченности финансовых и человеческих ресурсов и огромной инерционности российского пространства особую роль играют институты.

Именно **эффективные институты** — (политические, финансовые и др.) позволяют снижать объективные барьеры развития регионов и городов и максимально использовать имеющиеся конкурентные преимущества. Для эффективного управления пространственным развитием важен принцип субсидиарности: если два иерархических уровня управления могут выполнять одну и ту же функцию, она передается на более низкий уровень, т.е. более близкий к населению. Это позволяет учитывать потребности жителей, а они могут контролировать качество управления через демократические процедуры. Регионализм и развитие локальных сообществ стали мейнстримом

в странах ЕС, возник новый термин — «глокализация» (глобализация и локализация одновременно).

Институты пространственного развития — часть институциональной системы страны, они зависят от общего ее устройства и от унаследованных факторов (path dependence). В России на протяжении почти всей ее истории воспроизводилась жесткая сверхцентрализованная система управления, которая казалась оптимальной для сохранения территориальной целостности огромной страны. Но сейчас все более очевидно, что сверхцентрализация становится институциональным барьером развития.

Выравнивать или стимулировать?

Еще один ракурс региональной политики — соотношение стимулирующего и выравнивающего приоритетов. Стимулирующая политика нацелена в первую очередь на снижение институциональных барьеров для развития территорий с конкурентными преимуществами, чтобы за счет их ускоренного роста быстрее развивалась вся страна. Стимулирующая региональная политика доминирует в странах догоняющего развития.

Политика смягчения пространственного социального неравенства более типична для развитых стран, особенно для ЕС. Такая политика преобладает и в России, не относящейся к развитым странам. Она унаследована из прошлого и, кроме того, нацелена на снижение рисков социально-политической нестабильности в условиях поляризации пространства. Безусловно, менее развитым регионам нужно помогать, но при четком понимании границ возможностей и с помощью адекватных механизмов [5].

Помимо стимулирующего и выравнивающего приоритетов региональной политики есть и третий — геополитический. В данной статье он понимается как приоритет сохранения целостности страны и усиления контроля за стратегически важными территориями. Этот приоритет родом из геополитики XIX в., но для современной России он оказался важнейшим. Для реализации геополитических приоритетов могут использоваться инструменты как выравнивающей, так и стимулирующей политики, однако если во главу угла ставится геополитика, ни поддержка слабых, ни стимулирование конкурентоспособных не являются самоцелью: решения принимаются на иных основаниях — ради снижения рисков дезинтеграции страны и удержания контроля над территорией. Для достижения этих целей государство инвестирует в развитие приграничных или стратегически значимых для страны территорий.

Такую политику проводит, например, Китай в отношении Тибета и Синцзян-Уйгурского автономного округа. На этих слаборазвитых территориях с преобладанием некитайских этносов развивается транспортная инфраструктура, созданы крупные города, стимулируется переселение китайских мигрантов. Также геополитическим приоритетом было создание новой столицы Казахстана Астаны — в стране с большой и слабозаселенной территорией этот шаг был призван «сшить» северные и южные регионы. По разным оценкам, на развитие новой столицы было израсходовано 8–10% ВВП Казахстана в течение почти десятка лет.

Для региональной политики развитых стран геополитические приоритеты нетипичны, поскольку там доминируют задачи социально-экономического развития, а уровень территориальных угроз невелик. Даже в развитых странах с рисками сецессионизма (дезинтеграции) современные отношения с такими регионами (например, в Испании со Страной Басков или во Франции с Корсикой) выстраиваются иначе — через политику децентрализации, которая институционально обеспечивает прежде всего права меньшинств, а не особую поддержку развития этих регионов.

Важно отметить, что выравнивающий и геополитический приоритеты наиболее затратны для государства, они требуют больших финансовых ресурсов для поддержки развития территорий, не обладающих, как правило, конкурентными преимуществами. Это значит, что выбор таких приоритетов несет в себе риски истощения финансовых ресурсов государства при относительно невысокой вероятности достижения заявленных целей.

В 1990-х гг. и начале 2000-х гг. важнейшим приоритетом в России считалась **выравнивающая политика,** но бюджетных денег для перераспределения было мало. Увеличение доходов федерального бюджета в период экономического роста, во многом обеспеченное быстрым ростом цен на нефть, позволило усилить перераспределительную политику: объем трансфертов регионам вырос за 2004–2011 гг. с 387 до 1768 млрд руб. Со второй половины 2000-х гг. выравнивающая политика уже не декларировалась как основная, но фактически

оставалась главным приоритетом — у государства были на это средства благодаря резко возросшей нефтяной ренте.

В кризисном 2009 г. доля трансфертов достигала максимума — 27% доходов консолидированных бюджетов регионов. Получив объем трансфертов на треть больше, бюджеты регионов пережили кризис 2009 г. относительно безболезненно. Разбухшие трансферты были сохранены и в 2010 г., а в 2011 г. достигли максимума. Однако с 2012 г. стали сокращаться и объемы федеральной помощи, и ее доля в доходах консолидированных бюджетов регионов.

В результате за 2001–2012 гг. экономическое неравенство регионов России по душевому ВРП в целом выросло; его удалось немного сократить только в период перераспределения максимальных доходов от нефтегазовой ренты — с 2005 по 2011 г. Более устойчиво сокращалось межрегиональное неравенство по доходам населения — с 2002 по 2013 г. [6].

Еще один фактор, позволяющий смягчать территориальное неравенство в доходах населения, — это кризисные спады экономики. В России они сильнее затрагивают развитые промышленные регионы, поскольку слаборазвитые субъекты РФ получают большие и стабильные трансферты из федерального бюджета. Но если кризис длительный, «запас прочности» федерального бюджета снижается, и ресурсы для перераспределения сокращаются. Именно такой кризис начался в России в 2014 г.

Таким образом, масштабное перераспределение сырьевой ренты, проводимое в условиях сверхцентрализованной системы управления, обеспечило выравнивающий эффект на относительно коротком временно́м отрезке. Данная модель в принципе не может быть эффективной в долгосрочной перспективе, а теперь для нее нет необходимых ресурсов. Их не хватало уже в 2012–2014 гг.: для реализации указов президента от 2012 г. о повышении заработной платы занятым в социальной сфере регионам пришлось не только мобилизовать на эти цели финансовые ресурсы своих бюджетов, но и много занимать, поскольку помощь из федерального бюджета была недостаточной.

Результатом стала дестабилизация региональных бюджетов: в 2013 г. их дефицит вырос в три раза, 77 регионов имели дефицитный бюджет. В 2014 г. таких регионов стало 75. Долг регионов и муниципалитетов достиг 2,4 трлн руб. на начало 2015 г., что составляло треть собственных доходов их бюджетов (без учета трансфертов). При этом более чем в половине регионов долг был значительно выше — 50–125% от собственных доходов. Попытка заставить регионы оплатить лояльность базового электората (бюджетников) привела к тяжелым последствиям; в результате регионы вступили в новый кризис с разбалансированными бюджетами.

На 1 января 2017 г. суммарный долг регионов и муниципалитетов увеличился и составил 2,6 трлн руб. Итак, выравнивающая политика, призванная обеспечить смягчение межрегиональных различий по доходам населения, не имеет перспектив, поскольку экономическая ситуация в России ухудшилась, а значит, сократились финансовые ресурсы для перераспределения. Выравнивающая политика за счет перераспределения ренты в прежних объемах невозможна, а переходу на адресную поддержку малоимущих препятствуют институциональные барьеры [7].

В 2015 г. российские власти пошли по привычному пути фискальной оптимизации: начали «резать» социальные расходы, не меняя неэффективные институты. В 2016 г. этот курс был продолжен.

Финансовая помощь регионам обеспечивает реализацию социальных обязательств государства: развитие социальных услуг, выплату заработной платы бюджетникам и социальных трансфертов населению. Однако и в этом направлении, важнейшем для модернизации человеческого капитала, есть подводные камни. Масштабная финансовая помощь слаборазвитым республикам формирует зависимую дотационную экономику, представленную в основном сектором бюджетных услуг, растет коррупционное перераспределение бюджетных средств.

Тем не менее смягчение социального неравенства регионов — важнейшая задача. Оно способствует росту человеческого капитала, социальной и территориальной мобильности, модернизации ценностей и образа жизни. Помогать нужно людям, а не регионам, поэтому выравнивающая политика — в первую очередь социальная, а не региональная. Приоритетами являются инвестиции государства в человеческий капитал и адресная поддержка уязвимых групп населения.

Опыт стимулирующей политики в России можно разделить на два этапа. Первый — кризи-

сный период 1990-х гг. и начало 2000-х гг., когда некоторые регионы получали статус особых зон (Калининградская область, Республика Ингушетия, Алтай), а в отдельных регионах (Калмыкия, Чукотский АО и др.) были фактически созданы внутренние оффшоры. Такая политика «стимулирования» использовалась бизнесом для масштабной налоговой оптимизации и привела к созданию «черных дыр» для бюджета.

В период экономического роста были сделаны новые попытки реализовать стимулирующую политику. В середине 2000-х гг. тогдашнее министерство регионального развития (упразднено в сентябре 2014 г.) разработало концепцию регионов-«локомотивов роста»; их отбирали с помощью административных методов, но дальше бумажной концепции дело не пошло. Ту же судьбу имела заявленная политика создания территориальных кластеров. До стадии реализации дошла только концепция небольших особых зон с разной специализацией — технико-внедренческих, промышленно-производственных, туристско-рекреационных, портовых.

Однако созданные в 2007–2008 гг. зоны не дали заметного результата, за исключением особой промышленно-производственной зоны «Алабуга» в Татарстане, на которую приходится 75% всего промышленного производства зон этого типа. Успешной считается также особая промышленно-производственная зона в Липецкой области, но все остальные были малозаметны в экономике страны. Скромные стимулы, предложенные законом об особых зонах, не позволили преодолеть барьеры неблагоприятной институциональной среды. В результате робкая и малоэффективная стимулирующая политика в виде зон, кластеров и др. слабо повлияла на развитие регионов.

Фактически главным направлением стимулирующей региональной политики стали «большие проекты» с масштабным финансированием из федерального бюджета — Универсиада в Казани, саммит АТЭС во Владивостоке, Олимпиада в Сочи. В Татарстане при подготовке к тысячелетию Казани и затем к Универсиаде доля трансфертов из федерального бюджета достигала в 2009–2010 гг. 35–37% от всех доходов бюджета республики. Приморский край в рамках подготовки к саммиту АТЭС получил в 2011 г. 12% всех инвестиций из федерального бюджета, направленных в регионы, а Краснодарский край в период подготовки Олимпиады в Сочи в 2013 г.— 13% всех инвестиций из федерального бюджета. Однако после бума инвестиций неизбежно следовал инвестиционный спад, особенно сильный — в Приморском крае. Это означает, что «потемкинские деревни» не обладают инвестиционной привлекательностью: «большие проекты» не способны быть драйверами развития, притягивать следом инвестиции частного бизнеса.

Инвестиции государства в экономику чаще всего неэффективны, чиновник не может оценивать риски развития тех или иных отраслей и производств в регионе лучше, чем бизнес. Более эффективны совместные инфраструктурные проекты государства и бизнеса (например, в форме государственно-частного партнерства), но только в том случае, если бизнес имеет в них свой интерес, а не участвует «из-под палки» под лозунгом необходимости развития периферийного или политически проблемного региона.

Инвестиции государства в инфраструктуру крайне необходимы для развития регионов, но важно определить, где они нужнее в первую очередь, а это всегда конфликт интересов и возможность лоббизма нерациональных решений. Кроме того, инфраструктурные инвестиции не гарантируют выравнивающего эффекта. Строительство новых транспортных коммуникаций может ускорить отток населения, поскольку экономическое расстояние сокращается не только для бизнеса, но и для местных работников, получающих выход на рынки с лучшими условиями оплаты труда. Как правило, это самые мобильные и квалифицированные работники, их миграционный отток снижает человеческий капитал проблемных регионов.

Попытки реализации **геополитических приоритетов** в 1990-е гг. были редкими и малоуспешными, а число таких приоритетов — минимальным. Например, для снижения рисков дезинтеграции тогда была создана особая экономическая зона в эксклавной Калининградской области. Однако предоставленные льготы привели к росту теневого импорта в Россию из стран Евросоюза, и чтобы сократить его масштабы и стимулировать реальных инвесторов в экономику региона, в 2006 г. закон об особой экономической зоне в Калининградской области был переписан. Отчасти благодаря внесенным изменениям удалось добиться указанных целей, и в области было осуществлено несколько проектов частных инвесторов. С 1990-х гг. реализуется госпрограмма развития Курильских островов (конфликт за 4 южных острова с Японией), но

финансирование ее невелико и результаты более чем скромные.

Со второй половины 2000-х гг. российские власти определили геополитические приоритеты гораздо шире. К ним были отнесены Дальний Восток (китайская угроза) и республики Северного Кавказа (угроза исламского терроризма). Эти приоритеты были оформлены административно, путем создания территориальных министерств (впервые после хрущевских совнархозов), первым из которых стало созданное в 2012 г. министерство по развитию Дальнего Востока, а в 2014 г. — аналогичные министерства по делам Северного Кавказа и Крыма.

Для противодействия угрозам использовались инструменты как выравнивающей, так и стимулирующей региональной политики, причем последняя оказалась не слишком эффективной. В 2005–2007 гг. были разработаны амбициозные программы развития слабозаселенного Дальнего Востока, граничащего с быстро растущим Китаем, обладающим гигантским по численности населением. Эти программы предусматривали огромные инвестиции, но в основном остались на бумаге.

Геополитические приоритеты реализуются за счет бюджета, средств ВЭБа или инвестиций госкомпаний. Из-за слабости стимулирующей политики и не слишком удачного осуществления инвестиционных проектов они реализуются в основном с помощью мер выравнивающей политики, т.е. перераспределения бюджетных средств в виде трансфертов.

Барьеры и коридор возможностей

Барьеры пространственного развития России очевидны, — к ним относятся гигантские расстояния, обширность территорий с неблагоприятными условиями жизни и слаборазвитой инфраструктурой, низкая плотность населения и редкая сеть городов. Схожие барьеры существуют и в некоторых других странах, тем не менее эти страны успешно развиваются.

Помимо «вечных» проблем, существуют пространственные ограничения, обусловленные современным уровнем развития, это и есть стартовые условия для модернизации. Важно понять, каково соотношение регионов с разными экономическими и человеческими ресурсами, каков баланс развивающихся и стагнирующих поселений, как влияют на возможности модернизации объективные пространственные тренды экономического и социального развития, а также политика властей.

Оценим эти стартовые условия, как объективные, так и субъективные:

- в регионах, обладающих значительными экономическими ресурсами для модернизации, живет четверть населения, в аморфных «серединках» — почти 2/3, в слаборазвитых регионах — 10–15% населения страны;
- Россия недоурбанизирована, слаба городская (достижительная) культура: 38% населения живет в городах с населением свыше 250 тыс. чел., которые оказались наиболее адаптивными и жизнеспособными в переходный период, 36% — в сельской местности, поселках и малых городах с минимальными ресурсами для модернизации;
- в стране сформировалась иерархическая система городов-центров, способных транслировать импульс модернизации на менее крупные города и окружающую периферию, однако зоны их модернизирующего влияния не способны охватить всю страну; в России очень мало городов, особенно крупных;
- велика и усиливается пространственная и поселенческая поляризация человеческого капитала в виде зон модернизации и деградации;
- региональная политика государства слаба и не системна, лишена обоснованных приоритетов, власти не понимают законов пространственного развития, поэтому дух Госплана восстанавливается быстрее и сильнее, чем в других сферах госрегулирования.

Коридор возможностей задается не только стартовыми условиями, но и объективными тенденциями развития, которые очень трудно переломить. К ним придется адаптироваться и эффективно использовать для ускорения модернизации пространства.

Экономическое неравенство регионов очень велико, в России оно усилено дробной административно-территориальной структурой страны, при которой пространственные ареалы с максимальными конкурентными преимуществами и территории с их отсутствием совпадают с границами того или иного субъекта РФ. Попытки укрупнения слаборазвитых регионов способны только «спрятать» проблему, переведя ее на внутрирегиональный уровень.

Ключ к решению проблемы экономической поляризации — в поиске и развитии конкурентных преимуществ средне- и слаборазвитых регионов страны в сочетании с поддержкой мерами вы-

равнивающей региональной политики. В общей проблеме регионального неравенства есть несколько аспектов, важных для понимания «коридора возможностей» модернизации и развития.

Во-первых, сохраняется сверхконцентрация экономики страны в столичной агломерации, несмотря на все попытки стимулирования развития второго федерального города как сопоставимого экономического центра. Стягивание экономической активности ускоряет развитие агломерации, если «мотором» является конкурентное преимущество эффекта масштаба, а не фактор административно-статусной ренты (концентрация госуправления и штаб-квартир крупных компаний). В Москве роль административного фактора слишком велика, что искажает условия региональной конкуренции.

Проблема гиперконцентрации отчасти смягчается тем, что влияние мощной столичной агломерации территориально «растекается» и начинает стимулировать экономический рост в прилегающих областях Центрального макрорегиона. Для расширения влияния столицы на развитие прилегающих регионов необходимо развивать транспортную инфраструктуру растущей агломерации и сопредельных территорий.

Во-вторых, замедлена модернизация других крупных агломераций страны из-за дефицита инвестиций, ограниченности бюджетных ресурсов и невысокой миграционной привлекательности. Ускоренный рост торговли и жилищного строительства, концентрация занятых в пределах своих регионов не сопровождаются адекватным ростом инвестиций и внешнего миграционного притока. Городам-миллионникам необходимо в первую очередь снятие институциональных барьеров на рынке земли и в распределении налоговых поступлений в их бюджеты, остальное экономика сделает сама за счет агломерационных преимуществ.

В-третьих, зоны ускоренного роста медленно расширяются вглубь страны. Большинство развитых промышленных регионов Поволжья, Урала и Сибири с городами-миллионниками пока не стали новыми «точками роста». Это следствие и объективных проблем развития (внутриматериковое положение усиливает барьеры расстояния), и сверхцентрализации управления с чрезмерным изъятием финансовых ресурсов регионов-«доноров». Только Татарстану, благодаря особой поддержке, и Свердловской области в последние докризисные годы удалось ускорить экономический рост, опираясь на собственный промышленный потенциал и используя преимущества развития сервисной экономики в крупных агломерациях. Потенциал остальных регионов-лидеров «второго эшелона» может быть реализован при большей финансовой и управленческой самостоятельности (внешний фактор) и активизации конкуренции за инвестиционные ресурсы, которая способствует модернизации институтов (внутренний фактор). Развитые регионы — главный «плацдарм» модернизации.

В-четвертых, медленно модернизируются многочисленные «срединные» регионы, в которых живет 2/3 населения страны. Их собственные экономические возможности недостаточны для устойчивого развития, а федеральных ресурсов на такое количество регионов не хватит никогда. Именно в «срединных» регионах «вязнут» федеральные реформы, не способные преодолеть барьеры российского пространства. Такие регионы более всего нуждаются в улучшении институциональной среды, активизации местного сообщества, а также оптимальном сочетании стимулирующей и выравнивающей региональной политики (пока плохо работают оба направления). Слабость институтов и дефицит социального капитала, низкокачественное управление во многом объясняют трудности модернизации всей страны, но особенно — «срединных» регионов.

В них есть потенциал роста, но он локализован в крупных городах-центрах и пригородных зонах, отдельных промышленных городах. Одним из лучших решений в этой патовой ситуации может быть упор на формирование дееспособных управленческих кадров на региональном и муниципальном уровнях, способных активизировать имеющиеся ресурсы модернизации. Но при существующей системе рекрутинга управленческих кадров это сделать сложно.

В-пятых, несмотря на значительное сокращение числа депрессивных регионов в годы экономического роста, сохранилась депрессивность на муниципальном уровне. Новый кризис обострил проблемы монопрофильных городов с неконкурентоспособными активами, таких городов в России много (по разным оценкам, от 150 до более чем 300). Помимо депрессивности промышленных городов, сформировались зоны социальной и экономической деградации в многочисленных периферийных сельских районах и малых городах Нечерноземья, Урала и востока страны. В Евро-

пейской России 40% сельских районов относятся к таким «черным дырам». Депрессивные муниципалитеты — труднейшая зона для модернизации, они отличаются низким человеческим капиталом, требуют огромных ресурсов и длительного времени для санации. Проблема трудноразрешима из-за дефицита человеческих ресурсов и инфраструктурных барьеров. Вымирание сельских периферий и старых монопрофильных городов с последующей сменой функций — один из самых жестких вариантов санации, и такая вероятность существует.

В-шестых, число слаборазвитых республик не сокращается, они не смогли преодолеть барьеры развития и снизить зависимость от федеральной помощи. В большинстве слаборазвитых республик Юга и Сибири сохраняется минимальная обеспеченность бюджетов собственными доходами и иждивенчество на федеральных трансфертах. Единственный позитивный тренд — сокращение отставания в доходах населения благодаря масштабной федеральной помощи и росту зарплат бюджетников. Ключевыми задачами являются улучшение институтов для того, чтобы использовать те немногие конкурентные преимущества, которыми обладают эти регионы (аграрно-климатические, рекреационные, обеспеченность трудовыми ресурсами), социальная модернизация (образование) и рост территориальной мобильности населения.

В-седьмых, восток страны отстает в экономическом развитии. Более низкие темпы роста экономики восточных регионов обусловлены объективными барьерами удаленности и слаборазвитой инфраструктуры, незначительными инвестициями, миграционным оттоком населения. Группа относительно развитых регионов на востоке страны мала и развивается с опорой на сырьевые отрасли и отрасли первого передела, что не обеспечивает перехода к более инновационному развитию.

В то же время на востоке есть города с более высоким качеством населения и развитой высшей школой (Новосибирск, Томск и др.), они способны стать центрами несырьевого роста. Депопуляция, стягивание населения в обжитые регионы страны и в крупнейшие агломерации, нехватка человеческих и финансовых ресурсов для экстенсивного «освоенческого» типа пространственного развития заставляют жестко фокусировать приоритеты. Стратегия государственной поддержки наиболее эффективных проектов бизнеса по освоению природных ресурсов востока страны только формируется. О масштабном развитии восточных регионов и переселении туда мигрантов говорить бессмысленно, время нельзя повернуть вспять, как будто ресурсных ограничений не существует. На востоке и севере страны жизнь заставит ориентироваться на точечное развитие крупных городов-центров, портов и инфраструктурных коридоров, которые позволяют «держать» слабозаселенную территорию. Точечной должна быть и инфраструктурная поддержка государством наиболее эффективных ресурсных проектов, финансируемых бизнесом.

Территориальные контрасты развития усиливаются депопуляцией и миграциями, пространственной поляризацией человеческого капитала.

Демографические ресурсы страны сильнее всего сокращаются в наиболее постаревших регионах Европейского Центра и Северо-Запада, за исключением двух столичных агломераций. На среднесрочную перспективу не более чем в четверти регионов России сохранится естественный прирост населения. Меры по стимулированию рождаемости не способны решить проблему депопуляции, поскольку ее масштабы крайне велики. Демографические процессы инерционны, поэтому естественная убыль будет и дальше «сжимать» обжитое пространство, особенно быстро — в постаревших регионах Европейской России. Демографические ресурсы республик Юга с растущим населением остались последним резервом в стране, который иссякнет в течение жизни одного-двух поколений.

Кроме того, в стране восстановился центро-периферийный вектор внутренних миграций, типичный для предыдущих десятилетий: население покидает периферийные и менее развитые регионы и концентрируется в крупнейших агломерациях. Возврат к долговременному тренду XX в. означает, что современные направления миграций устойчивы и сохранятся на перспективу.

Для снижения негативного воздействия дефицита рабочей силы необходимо выстраивать разные стратегии для демографически депопулирующих регионов Европейской России и северо-восточных регионов с миграционным оттоком населения. Первые нуждаются в притоке мигрантов с разным уровнем квалификации для компенсации демографических потерь. На севере и востоке страны в первую очередь необходимо закрепить местное население, стимулируя создание новых

рабочих мест с привлекательным уровнем оплаты труда, а миграционная политика может служить дополнительным фактором для привлечения занятых в менее конкурентные сектора экономики. Политика замещения уезжающего местного населения мигрантами из ближнего зарубежья не только затратна, но и не обеспечивает закрепления новых жителей — они достаточно быстро включатся в возвратную миграцию в освоенную часть страны и в крупные города вслед за местным населением.

Усиливается **пространственная поляризация человеческого капитала** и качества жизни: в крупнейших агломерациях и ведущих регионах нефтегазодобычи с наиболее высокими доходами населения и бюджетов более заметны позитивные тенденции роста человеческого потенциала (улучшение состояние здоровья населения, социальной мобильности и уровня образования населения), а в периферийных сельских районах и большинстве малых городов и поселков вне агломераций человеческий потенциал снижается, усиливается маргинализация и деградация социума. В России острота пространственной социальной поляризации беспрецедентна для относительно развитой страны. Во многом она обусловлена особенностями советского периода развития, но немалый вклад вносит и современная деградация социальной инфраструктуры.

Очевидных рецептов для решения этой проблемы не существует, особенно с учетом размеров территории России и гигантского объема необходимых средств на модернизацию ее социальной инфраструктуры. Инерция процесса очень велика, вымирание и маргинализация обширной периферии будут продолжаться. В этих условиях важнейшими для государства становятся две задачи: создание социальных лифтов для молодежи (образование, рост мобильности), чтобы не воспроизводить маргинализацию периферии в будущем и обеспечение достойного социального минимума для пожилого населения таких регионов (социальная защита, жизненно важные услуги и базовая инфраструктура). Еще одно направление региональной политики — содействие «переформатированию» экономических функций депрессивных периферийных территорий, особенно в Нечерноземье, — с аграрных на преимущественно рекреационные и природоохранные, с соответствующим изменением структуры рабочих мест и ростом самозанятости.

Слабость горизонтальных связей регионов препятствует социально-экономической интеграции пространства страны, а чрезмерная централизация управления усугубляет эту проблему.

В большинстве федеральных округов низка внутренняя интегрированность и межрегиональные экономические и человеческие контакты, за исключением Центра и Северо-Запада, в которых связующими являются две крупнейшие агломерации страны. Остается низкой эффективность интеграционных программ, навязываемых сверху административными методами; слабо стимулируется разработка и реализация межрегиональных программ развития транспортной и энергетической инфраструктуры. Эффективная интеграция «снизу» возможна только при понимании регионами получаемых выгод и при создании необходимых механизмов, стимулирующих эти процессы.

Сложившиеся тренды усиливают объективные барьеры пространственного развития, но их можно преодолеть с помощью целенаправленной государственной политики. Цель такой политики — ускорить трансляцию импульса роста от уже сформировавшихся центров на более широкий круг регионов, стимулируя использование конкурентных преимуществ, модернизацию институтов и конкуренцию за инвестиции.

Приоритеты на будущее

Можно кратко сформулировать **шесть основных векторов пространственной стратегии**, основанных на оценке трендов развития не только в кризис, но и в более длительной ретроспективе. Часть из них была сформулирована рабочей группой «Реальный федерализм, местное самоуправление и межбюджетная политика» при подготовке «Стратегии 2020». Данный раздел «Стратегии-2020» подготовлен И. В. Стародубровской, В. С. Назаровым, Г. В. Курляндской, Н. В. Зубаревич под руководством И. В. Стародубровской и В. Л. Глазычева [8, 9].

1. Необходим отказ от сверхзатратных геополитических приоритетов пространственного развития в ущерб рациональным экономическим. Поддержка менее развитых регионов, а также регионов со сложными условиями развития является неотъемлемой частью региональной политики, главная проблема — в пропорциях. Сейчас они чрезмерно смещены в сторону трех групп регионов — Крыма, Дальнего Востока и республик Северного Кавказа, объем помощи которым

многократно превышает дотацию на выравнивание бюджетной обеспеченности и расходуется неэффективно. Сочетание двух самых затратных приоритетов региональной политики — геополитического и выравнивающего создает большие риски в бюджетной сфере и, что не менее важно, не стимулирует регионы наращивать собственные ресурсы развития.

2. Россия еще долго будет жить на нефтегазовую ренту, даже если ее масштабы сократятся. Межбюджетное перераспределение рентных доходов — основной инструмент поддержки менее развитых регионов. Стратегически важно сделать перераспределительную политику прозрачной, направить ее на стимулирующее развитие, а не на лоббизм регионов с целью выбивания денег. Для этого необходимо упростить систему федеральной поддержки, резко сократив число трансфертов, особенно субсидий, и повысить долю транспарентной (формульной) дотации, направленной на выравнивание бюджетной обеспеченности.

3. Нужен поиск эффективного баланса выравнивающей и стимулирующей региональной политики. Сильная территориальная дифференциация развития в России — объективная реальность; это следствие локализации конкурентных преимуществ. Бессмысленно ставить вопрос, делать ставку на сильные регионы или подтягивать слабые. Важны обе составляющие — и стимулирующая, и выравнивающая политика; задача — найти их оптимальные пропорции. Основой стимулирующей политики должны стать не преференции, а снижение барьеров развития сильных регионов, рост которых ускоряет развитие всей страны. Нужно передать регионам часть полномочий, в том числе в сфере лицензирования, контроля и надзора, а также часть налоговых доходов (федеральную часть налога на прибыль, акцизы и др.).

Социальное неравенство необходимо смягчать, чтобы обеспечить доступность общественных благ для жителей разных территорий и воспроизводство человеческого капитала. Трансферты менее развитым регионам должны направляться прежде всего на социальные цели, а не на поддержку экономики с помощью государственных инвестиций, которые выделяются даже на строительство животноводческих комплексов, рыборазводных прудов и курортных объектов. Их эффективность крайне низкая, а возможности коррупции — максимальные!

4. У России не так много конкурентных преимуществ: помимо высокой сырьевой обеспеченности преимуществом является агломерационный эффект. Каждый пятый россиянин живет в крупнейших городах-миллионниках, это — наиболее образованное, мобильное и активное население. Более высокий человеческий капитал крупнейших и крупных городов пока не стал движущей силой модернизации из-за множества барьеров — инфраструктурных, экономических, политических. Преодолевать их придется долго, но начинать следует с политических барьеров. Необходима двухшаговая децентрализация (центр — регионы, регионы — муниципалитеты), возвращающая крупным городам те ресурсы и полномочия, которые у них сейчас изъяты. Без опережающего развития крупных городов Россия не сможет модернизироваться. Но для этого нужен отказ от политики тотальной вертикализации управления.

5. В рыночной экономике, в отличие от плановой или мобилизационной, территориальные пропорции развития невозможно определить директивным способом — сдвиг на Восток или освоение Севера. Стимулирование развития восточных регионов должно опираться на их конкурентные преимущества. Во-первых, должна сработать их обеспеченность ресурсами. Для реализации этого преимущества нужна поддержка всех инвесторов с обеспечением прозрачных правил игры, а не директивное назначение зон опережающего развития с предписанным профилем экономики. Во-вторых, должен проявиться агломерационный эффект: все региональные центры восточных регионов стягивают население, и численность их жителей растет. Города-центры сохраняют функции опорных точек территориального развития, но для развития этих функций нужны инвестиции государства в городскую и транспортную инфраструктуру.

6. Рост мобильности населения — один из ключевых факторов пространственного развития. Российские миграции, в том числе трудовые, направлены из села, малых и средних городов в крупные города-центры. Попытки государства стимулировать переезд в восточные регионы, в малые города и в сельскую местность вряд ли будут успешными — население голосует ногами в обратном направлении. Будет гораздо эффективней, если государство начнет встраиваться в объективные тренды: стимулировать центростремительные миграции внутри восточных регионов для развития региональных центров как

опорных точек и инвестировать в инфраструктуру агломераций, что стимулирует концентрацию населения вблизи крупных рынков труда.

К сожалению, вместо этого была просто расширена территория Москвы, что еще более усилило концентрацию населения в столице. Для сельских периферий важнейшим инструментом развития должны стать меры социальной поддержки. Вместо этого происходит оптимизация бюджетных расходов, сокращающая доступность социальных услуг для населения, особенно на периферии.

Возможности реализации этих предложений выглядят сейчас минимальными. Но история свидетельствует о том, что написанное в стол иногда становится востребованным. Время покажет…

Литература

1. Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / под ред. С.С. Артоболевского и А.И. Трейвиша. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Friedmann J. Regional development policy. Boston, Mass. Inst. Techn, 1966.
3. Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge, MIT Press, 1991.
4. World development report 2009: Reshaping economic geography. Washington, D.C.: World Bank, 2009.
5. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011.
6. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
7. Долг регионов и муниципалитетов [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/ekonomika/4021560.
8. Стратегии 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://2020strategy.ru.
9. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 226–230.

References

1. Regionalization in development of Russia: geographical processes and problems [Regionalizacija v razvitii Rossii: geograficheskie processy i problem] / ed. S.S. Artobolevskiy i A.I. Trejvish. Moscow, Jeditorial URSS, 2001.
2. Friedmann J. Regional development policy. Boston, Mass. Inst. Techn. 1966.
3. Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge, MIT Press, 1991.
4. World development report 2009: Reshaping economic geography. Washington, D.C.: World Bank, 2009.
5. Russian regions: an economic crisis and problems of modernization [Rossijskie regiony: jekonomicheskij krizis i problemy moder-nizacii] / ed. L.M. Grigor'ev, N.V. Zubarevich, G.R. Hasaev. Moscow, TEIS, 2011.
6. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Inequality of social and economic development of regions and cities of Russia of the 2000th years: growth or decrease? [Neravenstvo social'no-jekonomicheskogo razvitija regionov i gorodov Rossii 2000-h godov: rost ili snizhenie?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' — Social sciences and present*, 2013, no. 6, pp. 15–26.
7. Debt of regions and municipalities [Dolg regionov i municipalitetov]. Available at: http://tass.ru/ekonomika/4021560.
8. Strategy 2020 [Strategii 2020]. Available at: http://2020strategy.ru.
9. Zubarevich N.V. The strategy of spatial development after crisis: from big projects to institutional modernization [Strategija prostranstvennogo razvitija posle krizisa: ot bol'shih proektov k institucional'noj modernizacii]. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoj associacii — the Magazine of New economic association*, 2015, no. 2 (26), pp. 226–230.

УДК 332.122
JEL C02; C18; G39; R58

Финансовая состоятельность регионов РФ в 2010–2014 годах: продолжение классификационного анализа

ВИНЮКОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
канд. экон. наук, доцент Департамента анализа данных, Финансовый университет, Москва, Россия
ivinukov@fa.ru
МАЕВСКИЙ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ,
канд. физ-мат. наук, доцент Департамента анализа данных, Финансовый университет, Москва, Россия
EMaevskiy@fa.ru
ЯГОДОВСКИЙ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ,
канд. физ-мат. наук, доцент Департамента анализа данных, Финансовый университет, Москва, Россия
PVYagodovskii@fa.ru

Аннотация. Настоящая статья является продолжением первой работы, выполненной по Государственному заданию Финансового университета 2013 г. [1–3], в которой была предложена классификация регионов РФ по данным государственной статистики за 2005–2011 гг. За истекший период актуальность проблематики не снизилась, а отрыв России по числу субъектов федерации от ближайших «преследователей» (США, Бразилии, Германии, Канады) с добавлением Крыма лишь увеличился. Классификационный анализ российских регионов остается трудоемкой задачей, поскольку каждый регион в чем-то уникален и достаточно сложно найти в них нечто общее.
Мы продолжили анализ данных периода с 2005 по 2011 г. (до кризиса, кризис и начальная стадия выхода из него), а также дополнили его данными 2012–2014 гг. о новом кризисе. Нам хотелось продвинуться в получении инструмента для мониторинга финансовой состоятельности регионов и испытать его в реальных и меняющихся условиях. Продолжилась также и работа по оценке качества статистических данных, содержащихся в базе данных Росстата, предваряющая собственно классификационный анализ.
Ключевые слова: классификация субъектов РФ; финансовые показатели; главные компоненты; робастная нормировка; опорные регионы; бюджетная обеспеченность; рейтинг.

Financial Solvency of Russian Regions in 2010–2014: Continued Classification Analysis

VINYUKOV I.A.,
PhD in Economics sciences, Associate Professor, Data analysis Department, Financial University, Moscow, Russia
ivinukov@fa.ru
MAEVSKY E.V.,
PhD in physico-mathematical sciences, Associate Professor, Data analysis Department, Financial University, Moscow, Russia
EMaevskiy@fa.ru
JAGODOWSKY P.V.,
PhD in physico-mathematical sciences, Associate Professor, Data analysis Department, Financial University, Moscow, Russia
PVYagodovskii@fa.ru

Abstract. This article is a continuation of the first work done on the State task of the Financial University of 2013 [1–3], in which the classification of the regions of the Russian Federation according to the state statistics for 2005–2011 was proposed. Over the past period, the relevance of the issues has not decreased, and Russia's gap in the number of subjects of the federation from the nearest "pursuers" (USA, Brazil, Germany, Canada) with the addition of the Crimea has only increased. Classification analysis of Russian regions remains a time-consuming task, as each region is unique in something and it is difficult to find something in common.

We continued the analysis of the period data from 2005 to 2011 (before the crisis, the crisis and the initial stage of recovery), and also supplemented it with data from 2012–2014 about a new crisis. We wanted to advance in obtaining a tool for monitoring the financial viability of the regions and to test it in real and changing conditions. Work is continued also to assess the quality of statistical data contained in the Rosstat database, which precedes the classification analysis itself.

Keywords: classification of territorial entities of the Russia; financial indicators number; principal component; robust normalization; abutment regions; rating.

Формирование рабочих данных

Первая задача статистического исследования — сбор данных. В нашем случае — это выбор *показателей* за 2005–2014 гг., имеющихся в БД Росстата, из которых можно скомпоновать набор *финансовых индикаторов*. В качестве такого набора могут выступать и *отдельный показатель*, и *числовая функция* от нескольких показателей (*табл. 1*).

Естественно, эти показатели нельзя использовать непосредственно для сравнения регионов: из них необходимо сформировать индикаторы, инвариантные к масштабам регионов, — будь это население, ВРП или иная характеристика размера. Например, показатель X1 вполне можно нормировать показателем X2, поэтому, взяв их процентное отношение, получим величину «Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций в процентах от дохода консолидированного бюджета субъекта РФ», или (для краткости) «Сальдо в процентах от дохода».

На первый взгляд, все финансовые показатели можно нормировать численностью населения (*тысячи человек*) и результат измерять в *тысячах рублей* на душу населения (X6 будет в тех же единицах, если его заменить на X6/1000), но не все так просто.

Во-первых, задолженность по налогам и сборам (X13) больше соотносится с произведенным валовым региональным продуктом (ВРП), а не с числом жителей, так что разумней, на наш взгляд, взять XI3 как долю ВРП в качестве соответствующего финансового индикатора. Далее рублевые и долларовые кредиты сильно коррелированы, поэтому можно обойтись их суммарной величиной, нормированной численностью населения. Это будет индикатор «Кредиты, предоставленные физическим лицам, в расчете на душу населения».

Для построения индикатора прямых иностранных инвестиций следует учесть, что инвестиции обладают продленным действием, они обычно запланированы не на один год и работают в среднем три-четыре года. Поэтому информацию о них следует суммировать: мы определяем уровень инвестиций в некоем регионе в 2007 г. (для примера) как взвешенное среднее поступлений прямых инвестиций в 2005, 2006 и 2007 гг. по формуле

$$I_{СР}(2007) = (2 \times I(2005) + 3 \times I(2006) + 5 \times I(2007)) / 10, \quad (1)$$

где I — прямые инвестиции, полученные, по данным Росстата, за указанные в скобках года (млн долл. США). Для пересчета долларов в рубли мы использовали среднегодовой курс доллара, который легко вычисляется по данным ЦБ РФ. Если среднегодовой курс доллара обозначить через R, то индикатор «Уровень иностранных инвестиций на душу населения» вычисляется по формуле

$$w7 = I_{СР}(*) \times R(*) / X14, \quad (2)$$

где вместо символа «*» ставится номер года, $w7$ — искомый индикатор (*табл. 2*).

Индикаторы экспорта и импорта (на душу населения) формируются с учетом значений среднегодового курса доллара суммарно по СНГ и дальнему зарубежью, поскольку все платежи происходят в долларах, а связи между регионами и разными странами во многом зависят от расстояний (Ки-

тай и Япония гораздо ближе к Приморскому краю, чем Украина, а для Мурманской области Казахстан гораздо дальше Финляндии).

Доход консолидированного бюджета мы предлагаем нормировать среднегодовой численностью населения, занятого в экономике, поскольку такой индикатор точнее соотносится с производством бюджета, чем доход на душу населения.

Поступление налогов, сборов и т.п. в бюджет РФ будем измерять в % от дохода, который создается, по сути, сбором всяких налогов и сборов.

В итоге мы сформировали 11 финансовых индикаторов, которые, на наш взгляд, сравнительно полно характеризуют финансовую деятельность регионов (их администраций); они инварианты к размеру региона, численности его населению и ВРП, так что вполне пригодны для сравнительного анализа и больших, и маленьких субъектов РФ.

Среди сформированных *финансовых* индикаторов сильно и устойчиво коррелированы между собой лишь доход и расходы бюджета *w*3: коэффициент корреляции между ними варьирует в интервале от 0, 961 до 0, 968.

Следующей задачей после сбора данных является оценка качества этих данных, их пригодность для классификационного анализа. С этой точки зрения, мы в первую очередь должны разобраться с экстремальными регионами, которые портят выборку. На наш взгляд, по разным причинам из общего ряда выпадают 11 регионов.

Во-первых, Московская агломерация (г. Москва и Московская область), в которой проживают, по разным оценкам, 15–17 млн жителей (9–16-е место в мире). К подобным образованиям можно отнести и г. Санкт-Петербург. С несколько иной позиции к этому списку примыкает Тюменская область — «нефтяная столица». Эти четыре субъекта РФ обеспечивают свыше 40% ВВП страны (*табл. 3*). Вот, например, данные за 2009 г.:

Во-вторых, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, входящие в Тюменскую область, но имеющие (каждый) равный с ней статус субъекта РФ.

Особое место в ряду регионов РФ занимают два маленьких по количеству населения и весьма крупных по территории автономных округа: Ненецкий и Чукотский — примерно по 50 тыс. жителей в каждом. Но эти регионы богаты полезными ископаемыми, добыча которых в значительной степени производится приезжими, вахтовым методом, так что стандартные показатели оказываются малопригодными. Например, для них расчет ВРП на душу населения не производится из-за несопоставимости данных о среднегодовом постоянном населении и результатов экономической деятельности, осуществляемой на этих территориях.

Другую крайность представляют три северокавказских территории: Чеченская Республика, Ингушетия и Дагестан. Это сравнительно бедные регионы с неустоявшейся экономикой и в значительной степени дотационной финансовой системой. Их благополучие во многом поддерживается федеральными целевыми программами социально-эконо-

Таблица 1

Список показателей для формирования финансовых индикаторов

Код	Показатель
X1	Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млн руб.
X2	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ (всего), млн руб.
X3	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ (всего), млн руб.
X4	Кредиты, предоставленные физическим лицам в рублях, млн руб.
X5	Кредиты, предоставленные физическим лицам в валюте, млн руб.
X6	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.
X7	Прямые иностранные инвестиции, млн долл. США
X8	Экспорт в страны СНГ, млн долл. США
X9	Экспорт вне СНГ, млн долл. США
X10	Импорт в страны СНГ, млн долл. США
X11	Импорт вне СНГ, млн долл. США
X12	Поступление налогов, сборов и обязат. платежей в бюджет РФ, млн руб.
X13	Задолженность по налогам и сборам в бюджет РФ, млн руб.
X14	Численность населения на конец года, тыс. человек
X15	ВРП — Валовой региональный продукт на душу населения, руб.
X16	Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. человек

Источник: сборник «Финансы России».

мического развития и федеральных средств, выделяемых на развитие транспорта, инфраструктуры, здравоохранения и т.п. Однако в данных Росстата разделить федеральные и внутренние финансовые потоки практически невозможно. Также мы не рассматривали Республику Крым и город Севастополь, которые лишь недавно вошли в РФ.

В итоге у нас остается 72 региона, которые поставляют для каждого индикатора и каждого года свою статистическую выборку.

Мы не пытались проверять их распределения на нормальность или логарифмическую нормальность по формальным критериям, нам было важнее установить общие характеристики, указывающие на отклонения от нормальности.

Известно, что логнормальные распределения имеют, как правило, тяжелый правый хвост и вследствие этого — правую асимметрию. Одной из характеристик того, сколь сильно выражен правый уклон, является отношение

$$\Delta = \frac{Q_U - Q_M}{Q_M - Q_L}, \qquad (3)$$

где Q_M — медиана; Q_U и Q_L — верхний и нижний квартили соответственно. По этому критерию примерно 2/3 выборок имеют явно выраженную правую асимметрию. Правда, из этого нельзя выводить логарифмическую нормальность, но анализ выборок показал, что вполне приемлемую аппроксимацию дают логнормальные распределения *со сдвигом*. А именно: для индикатора *w* можно подобрать такую величину сдвига θ и такие *a* и σ, что закон распределения величины $\xi = \frac{\ln(w-\theta)-a}{\sigma}$ будет хорошо описывать стандартное нормальное распределение. Это позволяет нам сделать общий вывод не только о характере распределений, но и о том, что оставленные нами в списке 72 региона укладываются во вполне разумную статистическую модель и не разрушают неких общих закономерностей. Это косвенно подтверждает и наш подробный анализ исходных статистических показателей Росстата, из которого мы сделали вывод, что индикаторы *w*1 — *w*11 основаны на показателях, сбор которых хорошо отработан Федеральной службой статистики, а потому они могут служить основой для классификации субъектов РФ и разработки измерителей (индексов) их финансовой состоятельности.

Таблица 2

Список сформированных индикаторов (их кодовые обозначения и смысл)

Код	Определение индикаторов через показатель
w1	Сальдо деятельности организаций в % от дохода консолидированного бюджета
w2	Доходы консолидированного бюджета на одного занятого в экономике человека
w3	Расходы консолидированного бюджета на душу населения
w4	Превышение доходов над расходами в % к доходу (консолидированного) бюджета
w5	Задолженность по кредитам в расчете на одного человека
w6	Инвестиции в основной капитал на душу населения
w7	Уровень иностранных инвестиций на душу населения
w8	Экспорт в расчете на душу населения
w9	Импорт в расчете на душу населения
w10	Поступление налогов и других платежей в бюджет РФ в % от доходов бюджета
w11	Задолженность по налогам и сборам в бюджет РФ в% от ВРП

Робастная нормировка индикаторов

Необходимость нормировки чаще всего возникает из-за различных масштабов, используемых для измерения индикаторов (в нашем случае — это проценты и тысячи рублей на одного человека или на душу населения, или на одного занятого в экономике). Но будь это только проценты, проблема нормировки все равно остается из-за разной вариабельности разных характеристик. Так, например, индикатор w1 варьирует от 65 до 280%, тогда как w11 — меняется в диапазоне от 0 до 12%.

Второй причиной являются выбросы: указывая интервал варьирования w1, мы исключили Псковскую область, у которой *w*1 в 2005 г. равен 684,4%! Этот страшный выброс из общего множества значений w1 можно объяснить лишь ошибкой набора статистических данных в БД Росстата. Есть выбросы и другого рода. Но, по нашим наблюдениям, выбросы являются,

Таблица 3

Четыре крупнейших по ВВП региона России

Регион (2009)	ВВП, млн руб.	Доля в РФ,%
г. Москва	1 685 488, 5	4, 91
Московская область	8 441 206, 2	24, 6
г. Санкт-Петербург	1 420 830, 2	4, 14
Тюменская область	3 143 606, 8	9, 16
Российская Федерация	34 320 376, 5	100

Источник: данные Росстата.

Таблица 4

Параметры нормировки в целом и без Сахалина для экспорта на душу населения

Условия вычисления параметров нормировки	Среднее значение	Среднеквадратичное отклонение
По всем 72 регионам	49,5	108,2
По всем регионам без Сахалина	37,8	43,9

как правило, следствием объективных процессов, а потому их следует не отбрасывать, а изучать. Однако они создают серьезные трудности для многомерных методов статистического анализа. Например, Сахалин в 2011 г. более чем в шесть раз превысил уровень экспорта любого другого региона из принятых к анализу, т.е. масштаб разброса в данных во многом зависит даже от одного выброса (*табл. 4*).

Разница в «сигмах» — почти в два с половиной раза (108,2/43,9 = 2,465), а это указывает на неравноправное положение того или иного индикатора в ряду других или его же в другом году, например при вычислении эвклидовых расстояний между регионами. Действительно, если регион т характеризуется n показателями $x_1(т), \ldots, x_n(т)$, а $\overline{x}_1, \ldots, \overline{x}_n$ и $\sigma_1^2, \ldots, \sigma_n^2$ — их средние значения и дисперсии, то квадрат расстояния между регионами k и т после нормировки, привязанной к среднему и дисперсии, будет отражать формула

$$d^2(k,m) = \frac{\left(x_1(k) - x_1(m)\right)^2}{\sigma_1^2} + \ldots + \frac{\left(x_n(k) - x_n(m)\right)^2}{\sigma_n^2}. \quad (4)$$

Представим теперь, что в списке региона появился еще один, который по первому показателю имеет огромный выброс и из-за которого дисперсия возросла в L раз, тогда мы получим

$$\tilde{d}^2(k,m) = \frac{1}{L} \times \frac{\left(x_1(k) - x_1(m)\right)^2}{\sigma_1^2} + \ldots + \frac{\left(x_n(k) - x_n(m)\right)^2}{\sigma_n^2}, \quad (5)$$

т.е. первый показатель будет входить в формулу расстояния $d^2(k,m)$ с существенно меньшим весом, чем остальные показатели, нарушая исходные соотношения.

Еще хуже дело обстоит в случае, когда нормировку производят, выбирая нуль в точке минимума, а масштаб — чтобы максимум попал точно в единицу (в 100, в 10 — это неважно). Мы полагаем, что для выборок логнормального типа хорошим компромиссным решением является нормировка с заменой среднего на медиану, а среднеквадратичного отклонения — на половину расстояния между верхним и нижним децилями. Эту, уже робастную, нормировку мы и будем использовать в наших дальнейших исследованиях.

Метод опорных регионов

Среди достаточно большого числа работ, посвященных проблемам классификации субъектов РФ — разделению их на небольшое число типов, можно обнаружить различные целевые установки и различные привязки к моментам времени, однако устройство почти всех классификаций в некотором смысле одинаковое. А именно: из множества линейных функций от имеющихся в наличии статистических показателей выбирают одну, две или более и рассматривают их как измерительные шкалы того или иного качества. В результате вместо большого числа показателей каждый регион характеризует существенно меньший набор чисел, а именно — значения индексов, поставляемых выбранными измерительными шкалами.

После этого регионы классифицируются по тому, как сочетаются в них эти новые измерения. Например, если имеется две шкалы и на каждой из них выделяются зоны «плохих», «средних» и «хороших» регионов, то потенциально все регионы разделятся на девять классов (все парные сочетания). Но в реальности их может быть и меньше, если, например, сочетания «хороший» — «плохой» и «плохой» — «хороший» окажутся пустыми.

Этот подход применяется практически во всех известных нам классификациях субъектов РФ, различия же обнаруживаются лишь в способе построения таких шкал и в выборе классификационных процедур в созданном этими шкалами пространстве.

Формально, с математической точки зрения, всякая измерительная шкала такого рода является линейной комбинацией выбранных нами индикаторов, выбор шкалы (и соответствующего ей индекса) сводится к выбору прямой линии в многомерном пространстве (в нашем случае — в 11-мерном) значений показателей.

Один из возможных подходов к выбору шкал дает метод главных компонент. Суть его заключается в том, что сначала выбирается прямая с максимальным разбросом спроецированных на нее наблюдений (максимум дисперсии). Затем эта же процедура повторяется в ортогональном к этой прямой пространстве и т.д. Математические основы этого подхода подробно изложены в [4]. Своеобразный вариант метода главных компонент для построения синтетических переменных (индексов) содержится в [5].

Для той же цели был разработан метод опорных регионов, который базируется на экспертно-статистическом отборе двух групп из нескольких регионов — одна из них содержит регионы, по которым конструируется лидер, а другая — регионы, по которым конструируется аутсайдер [6]. Эти два объекта, лидер и аутсайдер, могут совпадать с какими-нибудь субъектами РФ или быть виртуальными, имеющими вычисляемые значения индикаторов (например, средние по регионам из соответствующих групп).

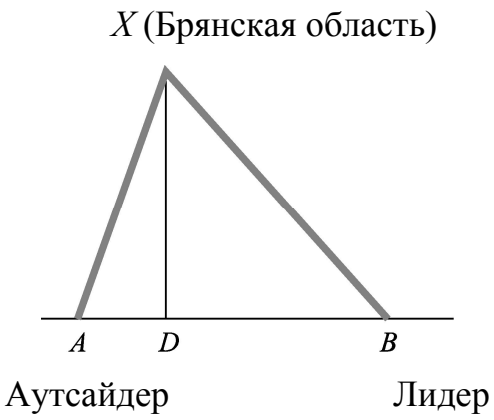

Рис. 1. **Геометрическая иллюстрация метода опорных регионов**

Прямая, которая определяет выбор индекса, проводится через те точки в пространстве наблюдений, которые соответствуют двум опорным регионам — лидеру и аутсайдеру (*рис. 1*): точка X (например, Брянская область), проецируется в точку D на прямой, проходящей через A (аутсайдер) и B (лидер). Значение индекса — отношение длин $AD : AB$, причем, значение положительное, если D лежит правее A, и отрицательное, если — левее).

Наша ситуация принципиально отличается от вышеописанной, поскольку нам нужно сочетать между собой группы кандидатов в лидеры и аутсайдеры сразу для всех лет рассматриваемого промежутка. Требуется, чтобы выбранные для индексов шкалы были сопоставимы по годам, измеряли бы *одно и то же* свойство, что никак не получится при *непосредственном* следовании описанному выше методу опорных регионов.

И все же идею выбора шкал как прямых, соединяющих лидера и аутсайдера, мы посчитали плодотворной и не стали от нее отказываться, но вместо разных пар опорных регионов для разных индексов решили получить разные индексы за счет выбора разных *функций расстояний* в 11-мерном пространстве значений 11 финансовых показателей. Каждому региону в каждый год в пространстве

соответствует точка. Квадрат расстояния между точками-регионами в пространстве может быть определен формулой

$$d^2\left(R_i, R_j\right) = \sum_{k=1}^{11}\left(\mu_k\left(w_k\left(R_i\right) - w_k\left(R_j\right)\right)\right)^2, \qquad (6)$$

где $w_k\left(R_i\right)$ — значение показателя *wk* у региона R_i в год *y*; μ_k — вес показателя *wk*. Веса неотрицательные, сумма их равна единице. Результат проецирования точки *X* на прямую *L(A, B),* проходящую через *A* и *B,* зависит от выбора функции расстояния, т.е. зависит от выбора набора весов $\{\mu_k\}$. В итоге значение индекса для региона *R* определяется выражением

$$I\left(R\right) = \frac{d^2\left(A,R\right) + d^2\left(A,B\right) - d_y^2\left(B,R\right)}{2d^2\left(A,B\right)}. \qquad (7)$$

Очевидно, что, варьируя весами, мы можем работать в любом подпространстве индикаторов. Другими словами, создавая *m* индексов, где *m* невелико (порядка 3–5), мы хотим варьировать наборами весов, а не парами опорных регионов. Более того, смысловая концепция каждого индекса будет определяться вкладом в него того или иного индикатора, т.е. составом весов $\{\mu_k\}$.

Таким образом, наш подход подразумевает наличие всего одной пары опорных регионов. Для их построения в предыдущей работе экспертным путем были отобраны пять регионов-лидеров и пять регионов-аутсайдеров, одни и те же на все годы рассматриваемого интервала 2005–2011 гг. Опорные регионы были получены как средние в соответствующей пятерке регионов.

В ходе новой работы оказалось, что указать такие группы регионов, которые можно было бы признать образцовыми лидерами и аутсайдерами на протяжении всего периода 2005–2014 гг., затруднительно, а процедура их выбора плохо алгоритмизуема. (Вычисление на интервале 2005–2011 гг. повторялось с целью оценить, насколько изменились результаты вследствие коррекции алгоритма). Поэтому был применен другой подход к формированию опорных регионов: в каждый год и для каждого *k* значение показателя *wk* с рангом 18 было принято в качестве *k*-й координаты региона-лидера *B*. Аналогично координаты аутсайдера A были составлены из значений показателей с рангом 54.

Для построения индексов для каждого года *y* были рассмотрены функции квадратов расстояний вида

$$d_y^2\left(R_i, R_j\right) = \sum_{k=1}^{11}\left(\frac{v_k\left(w_k\left(R_i^y\right) - w_k\left(R_j^y\right)\right)}{2M_k^y}\right)^2, \qquad (8)$$

где $w_k\left(R_i^y\right)$ — значение показателя *wk* у региона R_i в год *y*; M_k^y — междециль, т.е. полуразность значений показателя *wk* с рангами 65 и 7 в год *y*; v_k — вес показателя *wk*.

С целью определить систему весов $\{v_k\}$ отдельно для каждого года были вычислены матрицы корреляций показателей *w*1, *w*2,..., *w*11 и найдены их собственные векторы и собственные значения. Оказалось, что три самых больших собственных значения в каждый год интервала 2005–2014 гг. превосходят единицу, а четвертое по величине собственное значение превосходит единицу в каждой год, за исключением 2008 г. (значение, равно 0,968), 2010 г. (0,906), 2011 г. (0,957), 2013 г. (0,923). Все остальные собственные значения меньше единицы. Поэтому оказалось возможным ограничиться четырьмя главными компонентами. Из главных четырех компонент для 2013 и 2014 гг. были методом факторного анализа построены четыре набора весов $\{v_k^I\}$, $\{v_k^{II}\}$, $\{v_k^{III}\}$, $\{v_k^{IV}\}$, так, чтобы первая система «отвечала» за общее состояние финансового благополучия; вторая — за бюджетную обеспеченность; третья — за экспортно-инвестиционное благополучие; четвертая — за импортную составляющую в экономике. Таким образом, пространство *W* оказывалось оснащенным четырьмя метриками $d_y^I, d_y^{II}, d_y^{III}, d_y^{IV}$ — соответствующими построенным наборам весов, которые, в свою очередь, привели к четырем индексам.

Поскольку каждый из построенных индексов растет, если регион движется из окружения аутсайдера в сторону лидера, то от значений индексов логично перейти к рангам: каждый субъект РФ получил четыре порядковых номера $r^I\left(R_i^y\right)$, $r^{II}\left(R_i^y\right)$, $r^{III}\left(R_i^y\right)$, $r^{IV}\left(R_i^y\right)$ — согласно тому месту, которое он занимает при упорядочивании по убыванию соответствующего индекса.

Для построения классификации регионов был построен средний взвешенный ранг региона

$$r_{\text{ср}}\left(R_i^y\right) = \frac{\begin{array}{c}4r^I\left(R_i^y\right) + 2r^{II}\left(R_i^y\right) + \\ + \ 3r^{III}\left(R_i^y\right) + r^{IV}\left(R_i^y\right)\end{array}}{10}. \qquad (9)$$

Эта формула получена в первой работе, а здесь оставлена без изменений.

Веса в этой формуле примерно соответствуют вкладу в общую дисперсию каждой из первых четырех компонент, на основе которых были построены индексы, с некоторым завышением веса третьего индекса.

Наконец, были определены две вспомогательные величины для сравнения 2005 и 2011 гг.:

$$V_n\left(R_i\right)=\max\left(\frac{r_{\text{ср}}\left(R_i^{2005}\right)+r_{\text{ср}}\left(R_i^{2011}\right)}{2},\ r_{\text{ср}}\left(R_i^{2011}\right)\right) \qquad (10)$$

• показатель хороших рейтингов в начале периода и в его конце, с приоритетом в конце и

$$\Delta_n\left(R_i\right)=r_{\text{ср}}\left(R_i^{2005}\right)-r_{\text{ср}}\left(R_i^{2011}\right) \qquad (11)$$

• показатель динамики: чем больше Δ_n, тем лучше оценка региона в конце периода по сравнению с началом.

Для сравнения 2010 и 2014 гг. были использованы аналогичные вспомогательные величины:

$$V_n\left(R_i\right)=\max\left(\frac{r_{\text{ср}}\left(R_i^{2010}\right)+r_{\text{ср}}\left(R_i^{2014}\right)}{2},\ r_{\text{ср}}\left(R_i^{2014}\right)\right) \qquad (12)$$

и

$$\Delta_n\left(R_i\right)=r_{\text{ср}}\left(R_i^{2010}\right)-r_{\text{ср}}\left(R_i^{2014}\right). \qquad (13)$$

Регионы с $V_n<30$ были отнесены к *сильным*, регионы с $30\le V_n<60$ — к *средним*, прочие — к *слабым по существу*. Совокупность средних регионов была дополнительно разбита на разряды, в зависимости от динамики: регионы с $8\le\Delta_n$ были отнесены к *динамичной середине*, регионы с $\Delta_n<-8$ — к *тормозящей середине*, прочие регионы были названы *среднеслабыми*.

В итоге, на основе сравнения 2005 и 2011 гг. была получена приведенная ниже классификация. После названий регионов, которые в первой работе были отнесены в иной класс, указано сокращенное название соответствующего класса.

1. *Сильные регионы* (С): Амурская область (ДС), Архангельская область (ТС), Белгородская область, Вологодская область (СрС), Иркутская область, Калининградская область, Калужская область (ДС), Камчатский край, Кемеровская область, Красноярский край, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Мурманская область, Новгородская область, Оренбургская область, Пермский край, Приморский край (ДС), Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Самарская область, Сахалинская область, Свердловская область, Томская область, Хабаровский край.

Множество сильных регионов в первой работе было поделено на «стандартно сильные» и «нестандартно сильные» регионы. Деление это было проведено экспертным путем и в настоящей работе не повторено.

2. *Динамичная середина* (ДС): Брянская область, Владимирская область, Забайкальский край (СрС), Краснодарский край, Республика Бурятия (СрС).

3. *Тормозящая середина* (ТС): Омская область, Орловская область, Псковская область, Республика Алтай, Республика Башкортостан (С), Республика Мордовия, Республика Хакасия (С), Смоленская область (СрС), Удмуртская Республика (СрС), Челябинская область, Ярославская область (СрС).

4. *Среднеслабые* (СрС): Алтайский край (СпС), Астраханская область (ТС), Волгоградская область (С), Воронежская область, Еврейская автономная область, Кировская область, Курганская область (СпС), Курская область (ДС), Нижегородская область (С), Новосибирская область, Республика Тыва, Ростовская область, Рязанская область, Саратовская область, Ставропольский край, Тамбовская область (СпС), Тверская область, Тульская область, Ульяновская область (ДС), Чувашская Республика.

5. *Слабые по существу* (СпС): Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Костромская область, Пензенская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия — Алания.

На первый взгляд, расхождений между данной классификацией и классификацией из первой работы немало. Однако все они малосущественные, поскольку всякий раз речь идет о переходе региона через границу между классами, рядом с которой он находился.

Сравнение 2010 и 2014 гг. привело к нижеследующей классификации. После названий регионов,

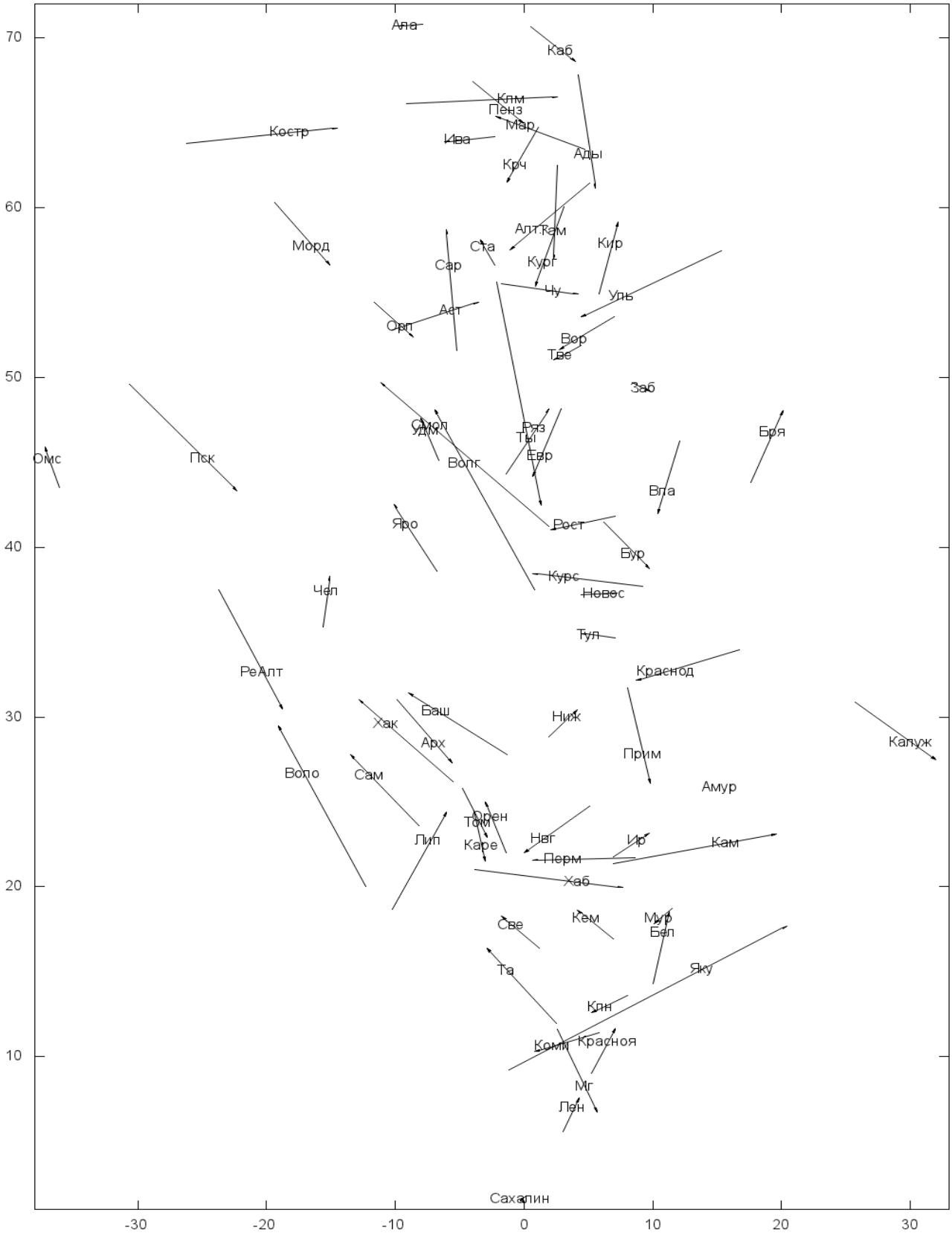

Рис. 2. **Близость классификаций регионов по 2005–2011 годам с экспертным и формализованным определением лидера и аутсайдера.**

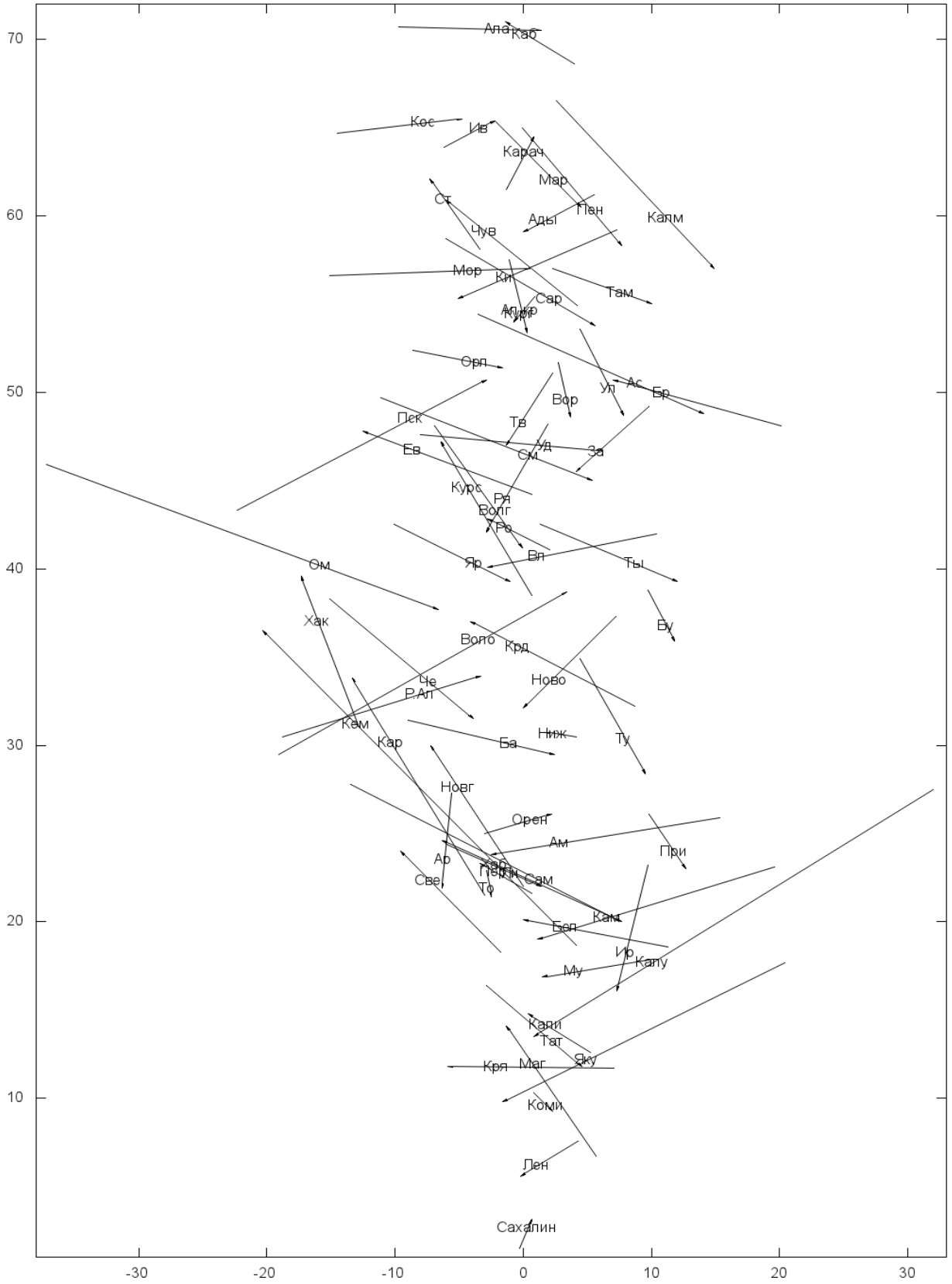

Рис. 3. **Изменение классификационной структуры регионов в период 2010–2014 годов по сравнению с периодом 2005–2011 годов**

которые в помещенной выше классификации (основанной на сравнении 2005 и 2011 гг.) были отнесены в иной класс, указано сокращенное название соответствующего класса.

1. *Сильные регионы* (С): Амурская область, Архангельская область, Белгородская область, Иркутская область, Калининградская область, Калужская область, Камчатский край, Красноярский край, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Мурманская область, Оренбургская область, Пермский край, Приморский край, Республика Башкортостан (ТС), Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Самарская область, Сахалинская область, Свердловская область, Томская область, Тульская область (СрС), Хабаровский край.

2. *Динамичная середина* (ДС): Астраханская область (СрС), Республика Бурятия, Республика Калмыкия (СпС), Республика Тыва (СрС), Тамбовская область (СрС).

3. *Тормозящая середина* (ТС): Еврейская автономная область (СрС), Кемеровская область (С), Республика Карелия (С), Республика Хакасия.

4. *Среднеслабые* (СрС): Алтайский край, Брянская область (ДС), Владимирская область (ДС), Волгоградская область, Вологодская область (С), Воронежская область, Забайкальский край (ДС), Кировская область, Краснодарский край (ДС), Курганская область, Курская область, Нижегородская область, Новгородская область (С), Новосибирская область, Омская область (ТС), Орловская область (ТС), Пензенская область (СпС), Псковская область (ТС), Республика Адыгея (СпС), Республика Алтай (ТС), Республика Мордовия (ТС), Ростовская область, Рязанская область, Саратовская область, Смоленская область (ТС), Тверская область, Удмуртская Республика (ТС), Ульяновская область, Челябинская область (ТС), Ярославская область (ТС).

5. *Слабые по существу* (СпС): Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Костромская область, Республика Марий Эл, Республика СевернаяОсетия — Алания, Ставропольский край (СрС), Чувашская Республика (СрС).

Больший интерес, чем просто переход какого-либо региона из класса в класс, представляют значительные перемещения точек регионов в сравнениях их классификации по 2005–2011 гг. в настоящей и первой работах, а также с их классификацией по 2010–2014 гг. по плоскости $(V_n;\Delta_n)$. На *рис. 2 и 3* — по оси абсцисс отложено V_n, по оси ординат — Δ_n.

Рисунок 2 показывает близость классификаций регионов по 2005–2011 гг. с экспертным и формализованным определением лидера и аутсайдера в виде векторов «переходов» регионов с их позиции в «экспертной» классификации на позицию в «формализованной».

На *рис. 3* аналогично сравнивается близость «формализованных» классификаций регионов России по их официальным статистическим данным за 2005–2011 и 2010–2014 гг. Векторы показывают изменение позиции региона в периоде 2010–2014 гг. по сравнению с периодом 2005–2011 гг.

Середины векторов совмещены с серединами начала или сокращения названия региона.

Векторами обозначены переходы регионов с их позиции в «экспертной» классификации на позицию в «формализованной».

Рисунок 2 наглядно демонстрирует принципиальную согласованность результатов классификаций по двум разным методам определения опорных регионов. Распределение по классам в основном осталось неизменным, и подавляющее большинство перемещений произошло внутри них или в их ближайших окрестностях.

Рисунок 3 показывает изменение классификационной структуры регионов, прошедшее в период 2010–2014 гг. по сравнению с периодом 2005–2011 гг., — уже не методическую близость разных классификаций на одних и тех же данных одного и того же периода, а временные отличия классификаций регионов, произошедшие при смене семилетнего периода 2005–2011 гг. на пятилетний — с 2010 по 2014 г. На нем, кроме уже отмеченных ранее отдельных конкретных различий двух классификаций, наглядно и совокупно видны вообще все произошедшие изменения.

Общая картина позволяет заметить гораздо большее сжатие всех данных по второй (горизонтальной) оси динамики за период. Интервал значений на ней сузился с (–0,37;0,32) до (–0,2; 0,12). Такое сжатие лишь отчасти можно объяснить меньшей длиной нового периода в 5 лет, по сравнению со старым — в 7 лет. Это означает общее снижение размаха динамики изменений рейтингов регионов по их финансовому состоянию.

Несмотря на некоторые персональные изменения в составе предложенных ранее шести классов можно констатировать сохранение их общей структуры. В указанных местах локализации классов обнаружено сохранение реально различающихся

сгустков-кластеров регионов с хорошим наполнением.

Поскольку оба рассматриваемых интервала содержали в себе все возможные (относительно кризисов) периоды времени, есть основания признать плодотворность предложенного метода классификационного анализа российских регионов и его пригодность для регулярного мониторинга их финансовой состоятельности по динамике развития на любых временных периодах.

Литература

1. Благовещенский Ю.Н., Винюков И.А. Финансовая состоятельность регионов в 2005–2011 годах: опыт классификационного анализа // Журнал новой экономической ассоциации. 2014. № 3 (23). С. 61–88.
2. Винюков И.А., Благовещенский Ю.Н., Коннова Л.П., Маевский Е.В., Ягодовский П.В. Классификация регионов России по динамике их развития в околокризисный период // Вестник Финансового университета. 2015. № 2. С. 45–605.
3. Винюков И.А., Коннова Л.П., Маевский Е.В., Ягодовский П.В., Благовещенский Ю.Н.. Многомерная классификация регионов России по динамике их развития в 2005–2011 гг. / под науч. ред. И.А. Винюкова. М.: Финансовый университет, 2014.
4. Айвазян С.А., Бухштабер В.М., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности. М.: Финансы и статистика, 1989.
5. Айвазян С.А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С. 33–53.
6. Сатаров Г.А., Краснов М.А., Смирнягин Л.В., Артоболевский С.С., Головщинский К.И. Региональная политика России: адаптация к разнообразию. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004.

References

1. Blagoveshhenskij Ju.N., Vinjukov I.A. Financial viability of the regions in 2005–2011: the experience of classification analysis [Finansovaja sostojatel'nost' regionov v 2005–2011 godah: opyt klassifikacionnogo analiza]. *Zhurnal novoj jekonomicheskoj associacii — Journal of the New Economic Association,* 2014, no. 3 (23), pp. 61–88.
2. Vinjukov I.A., Blagoveshhenskij Ju.N., Konnova L.P., Maevskij E.V., Jagodovskij P.V. Classification of the Russian regions according to the dynamics of their development in the near-crisis period [Klassifikacija regionov Rossii po dinamike ih razvitija v okolokrizisnyj period]. *Vestnik Finansovogo universiteta — Bulletin of the Financial University*, 2015, no. 2, pp. 45–605.
3. Vinjukov I.A., Konnova L.P., Maevskij E.V., Jagodovskij P.V., Blago-veshhenskij Ju.N. Multidimensional classification of Russian regions in terms of their development dynamics in 2005–2011 [Mnogomernaja klassifikacija regionov Rossii po dinamike ih razvitija v 2005–2011 gg] / ed. I.A. Vinjukov. Moscow, Finansovyj universitet, 2014.
4. Ajvazjan S.A., Buhshtaber V.M., Enjukov I.S., Meshalkin L.D. Applied Statistics: Classification and Dimension Reduction [Prikladnaja statistika: Klassifikacija i snizhenie razmernosti]. Moscow, Finansy i statistika, 1989.
5. Ajvazjan S.A. To the methodology of measuring synthetic categories of the quality of life of the population [K metodologii izmerenija sinteticheskih kategorij kachestva zhizni naselenija]. *Jekonomika i matematicheskie metody — Economics and mathematical methods*, 2003, vol. 39, no. 2, pp. 33–53.
6. Satarov G.A., Krasnov M.A., Smirnjagin L.V., Artobolevskij S.S., Golovshhinskij K.I. Regional policy of Russia: adaptation to diversity [Regional'naja politika Rossii: adaptacija k raznoobraziju]. Moscow, Fond INDEM, 2004.

УДК 004:336(045)

Перспективы развития финансовой социальной сети в России

ЗОЛОТАРЮК АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
канд. техн. наук, доцент Департамента анализа данных, принятия решений и финансовых технологий, Финансовый университет, Москва, Россия
AZolotaryuk@fa.ru

КАЧИБАЯ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ,
студент факультета Международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
mr.kachibaya@bk.ru

МИТЮШЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
студент факультета Международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
xela.metoo@gmail.com

Аннотация. В статье описывается проект по созданию в России финансовой социальной сети, ориентированной на решение финансовых проблем малого и среднего бизнеса. Обосновывается актуальность и уникальность данного проекта, обозначаются его цели. В тексте авторы анализируют текущие тенденции относительно Интернета в России и объясняют, почему финансовая социальная сеть — не только инновационный, но и полезный проект для РФ. Определяется общая концепция идеи и общая структура, раскрываются этапы реализации и основные аспекты функционирования. Обосновывается эффективность проекта — как для роста национальной экономики, так и для предпринимателей. Особое внимание уделяется теме практической пользы проекта в развитии в стране сфер малого и среднего бизнеса. На примере объясняются основные принципы устройства предполагаемой финансовой социальной сети. Описываются уникальные, нигде не реализовывавшиеся ранее особенности, присущие только данному проекту. Предлагается в рамках проекта создать собственную систему кодирования денежной информации, создав тем самым особую валюту, используемую только в рамках финансовой социальной сети. Раскрывается тема, основанная на коммерческой стороне проекта. Обосновывается, каким образом проект может быть коммерчески успешным как для его будущих инвесторов, так и для предполагаемых пользователей.
Ключевые слова: проект; малый и средний бизнес; инновационная экономическая информационная система; финансовая социальная сеть; эффективность функционирования финансовой социальной сети.

Development Prospects of Financial Social Network in Russia

ZOLOTARYUK A.V.,
candidate of technical Sciences, associate Professor, Department of data analysis, decision-making and financial technologies, Financial University, Moscow, Russia
AZolotaryuk@fa.ru

KACHIBAYA P.S.,
student, faculty of International economic relations, Financial University, Moscow, Russia
mr.kachibaya@bk.ru

MITYUSHENKOV A.N.,
student, faculty of International economic relations, Financial University, Moscow, Russia
xela.metoo@gmail.com

Annotation. The article describes the project for the establishment of financial social network in Russia, focused on the solution of small and medium-sized businesses' financial problems. In the text article determines the overall structure of the project, reveals the stages of implementation and the main aspects of functioning. The effectiveness of the project is getting grounded,— as for the growth of the national economy, and same for the entrepreneurs.
Keywords: project, small and medium-sized businesses; innovative economic information system; financial social network; the efficiency of the financial social network.

Российский бизнес, прежде всего малый и средний, испытывает острую необходимость в развитии инновационных информационных систем.

Предлагаются новые решения, по своей сути являющиеся интеграцией возможностей информационного портала и социальной сети и знаменующие, как представляется, очередной этап в развитии экономических информационных систем [1–2].

Как и в любой социальной сети, в предлагаемом проекте финансово-экономической информационной системы команда разработчиков будет играть активно-пассивную роль, стараясь предоставить пользователям максимальную свободу во взаимодействии друг с другом. Объектом управления в данном случае будет являться исключительно сама финансовая социальная сеть, дабы не создавать барьеров на путях взаимодействия пользователей и сохранять их конфиденциальность.

Под финансовой социальной сетью (ФСС) здесь подразумевается специализированный информационный интернет-портал для собственников и руководителей малого и среднего бизнеса. За основу такого портала предлагается взять принцип российской социальной сети «ВКонтакте», принадлежащей Mail.Ru Group. Именно данный ресурс послужит образцом, так как по данным SimilarWeb сеть «ВКонтакте» является первой по популярности в России и некоторых странах СНГ и четвертой в мире [3].

Как уже было сказано, данная ФСС призвана сыграть роль «моста» между предпринимателями, менеджерами и работниками в сфере малого и среднего бизнеса. Как представляется, предлагаемый проект имеет все шансы оказать положительное влияние на экономику государства путем:

- ускорения обработки все возрастающего потока информации;
- экономии людских ресурсов (снижение трудозатрат);
- обеспечения повышения производительности труда;
- улучшения качества, точности и количества обрабатываемой финансово-экономической информации;
- экономии материальных и финансовых ресурсов и т.п. [4].

Основная концепция идеи заключается в том, чтобы в данной ФСС зарегистрировалось как можно больше представителей бизнес-проектов различных отраслей с целью обмена информацией как публично, так и конфиденциально.

Авторы считают, что реализация предлагаемого проекта ФСС может быть осуществлена в несколько этапов с подробным описанием каждого:

- создание интернет-портала;
- организация клиринга;
- создание системы присвоения рейтингов;
- регистрация пользователей.

Конечно, портал ФСС должен быть публичным и открытым для всех пользователей, однако необходима регистрация юридического лица, для того чтобы избежать ненужных потоков информации от случайных посетителей. Более того, пользователи должны иметь возможность организации собственных корпоративных порталов внутри публичного, что позволит предоставлять необходимую информацию сотрудникам компании в рамках строго определенных прав доступа. Требуется

также обеспечение безопасности информации, циркулируемой через портал, часть которой может храниться в облаке, и защита ее от внешних и внутренних угроз [2, 5–7].

После регистрации на портале перед пользователем открывается множество способов получения и отправки финансово-экономической информации, которые до этого можно было использовать только по отдельности, в разных системах и на разных ресурсах. Поскольку главной задачей ФСС является помощь в развитии малого и среднего бизнеса, то пользователи будут прежде всего взаимодействовать с финансово-экономической информацией, связанной с производством, распределением и обменом материальных благ и услуг, а также — инвестированием в производственные проекты, тем самым отражая материальные, трудовые, денежные и иные отношения между пользователями в рамках единого информационного пространства.

Наиболее важным аспектом данного проекта является организация клиринга, товарного клиринга, расчетов и взаимного инвестирования между компаниями. Речь идет о том, что зарегистрированный пользователь может подать заявку, что ему, например, необходимо 500 тыс. рублей на срочное погашение кредита, и его друзья по социальной сети могут оказать ему помощь: к примеру, 500 пользователей перечислят по тысяче рублей. Это может быть произведено в рамках электронной торговой площадки B2B, с помощью векселя, чека или даже перевода на доверии. Также пользователи могут производить различные сделки друг с другом по купле-продаже товара или информации. Возможно, в будущем появится необходимость в использовании блокчейна и создании особой криптовалюты в рамках данной сети.

Кодирование денежной информации занимает важное место в проекте ФСС. В данном случае под кодированием подразумевается процесс присвоения условных обозначений объектам денежной информации. Это даст возможность пользователям взаимно обмениваться и предоставлять денежную информацию в более компактной и удобной форме, ускоряя заемные, кредитные и инвестиционные процессы в рамках данной платформы. Под кодом в проекте понимается особая валюта, предназначенная для использования только в рамках ФСС.

Присвоение рейтингов пользователям будет осуществляться посредством отзывов других пользователей. Например, если пользователь оказал кому-либо финансовую помощь, он может повысить свой рейтинг, и в будущем, когда ему понадобится финансирование, другие пользователи будут видеть, что он надежный партнер.

Помимо этого, говоря о продаже ценных бумаг и товаров, пользователи всегда смогут публично оценить полученный товар или поделиться мнением о проведенной сделке. То есть данный рейтинг является неким рейтингом доверия по отношению к конкретной организации.

Предлагаемый проект даст возможность бизнесменам из различных сфер деятельности оказывать взаимопомощь, что, естественно, очень положительно скажется на развитии предпринимательства в России. Предприятия не всегда могут добиться проектного финансирования и кредитования, а данная социальная сеть позволит не только создать финансовые потоки между компаниями, но и осуществлять консалтинг для начинающих бизнесменов. Следовательно, данный проект — это специализированная площадка для обмена товарами, ценными бумагами, финансированием и информацией.

Авторы считают, что предлагаемый проект ФСС может быть коммерческим и приносить прибыль. Во-первых, возможна плата за регистрацию, которая будет включать в себя:

- организацию внутреннего коммерческого портала для компании и ее сотрудников;
- подключение к внутренней системе взаимных расчетов;
- возможность обмениваться информацией со всеми подключенными пользователями;
- шифрование конфиденциальных переговоров и т.д.

В противном случае возможны взимание комиссии за транзакции и плата за конфиденциальное шифрование.

Таким образом, предлагаемый проект создания ФСС будет эффективным и полезным с экономической точки зрения как для роста национальной экономики, так и для предпринимателей.

Литература

1. Золотарюк А. В. Информационные технологии банковского бизнеса // Валютное регулирование и валютный контроль. 2014. № 8. С. 56–57.

2. Чистов Д.В., Мельников П.П., Золотарюк А.В., Ничепорук Н.Б. Проектирование информационных систем: учебник и практикум / под ред. проф. Д.В. Чистова. М.: Юрайт, 2015.
3. Забудьте про Биткойн. Блокчейн это главное [Электронный ресурс]. URL: https://bitcoinconf.com.ua/ru/article/zabudte-pro-bitkoyn-blokcheyn-eto-glavnoe (дата обращения: 07.11.2016).
4. Гобарева Я.Л. Автоматизация деятельности кредитной организации на платформе «1С: Предприятие 8» / под общ. ред. проф. Д.В. Чистова. М.: 1С- Паблишинг, 2012.
5. Аникеева К.А. Перспективы облачных технологий в банковском деле // Валютное регулирование и валютный контроль. 2014. № 9. С. 52–56.
6. Гайдар Е.В. BI-технологии предотвращают мошенничество в банковской сфере // Валютное регулирование и валютный контроль. 2015. № 5. С. 63–66.
7. Общие проблемы безопасности. Роль и место информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://all-ib.ru/content/node3/part_1.html (дата обращения: 07.11.2016).

References

1. Zolotarjuk A.V. Information technologies of banking business [Informacionnye tehnologii bankovskogo biznesa]. *Valjutnoe regulirovanie i valjutnyj kontrol' — Currency regulation and currency control*, 2014, no. 8, pp. 56–57 (in Russian).
2. Chistov D.V., Mel'nikov P.P., Zolotarjuk A.V., Nicheporuk N.B. The textbook and a practical work [Proektirovanie informacionnyh sistem: uchebnik i praktikum] / ed. prof. D.V. Chistov. Moscow, Jurajt, 2015 (in Russian).
3. Forget about Bitcoin. Blokcheyn is the main thing [Zabud'te pro Bitkojn. Blokchejn jeto glavnoe]. Available at: https://bitcoinconf.com.ua/ru/article/zabudte-pro-bitkoyn-blokcheyn-eto-glavnoe (Accessed 07 November 2016) (in Russian).
4. Gobareva Ja.L. Automation of activity of credit institution on a platform "1C: The enterprise 8" [Avtomatizacija dejatel'nosti kreditnoj organizacii na platforme «1S: Predprijatie 8»] / ed. prof. D.V. Chistov. Moscow, 1S- Pablishing, 2012 (in Russian).
5. Anikeeva K.A. Prospects of a cloud computing in banking [Perspektivy oblachnyh tehnologij v bankovskom dele]. *Valjutnoe regulirovanie i valjutnyj kontrol' — Currency regulation and currency control*, 2014, no. 9, pp. 52–56 (in Russian).
6. Gajdar E.V. BI technologies prevent fraud in the bank sphere [BI-tehnologii predotvrashhajut moshennichestvo v bankovskoj sfere]. *Valjutnoe regulirovanie i valjutnyj kontrol' — Currency regulation and currency control*, 2015, no. 5, pp. 63–66 (in Russian).
7. Common problems of safety. Role and place of information security [Obshhie problemy bezopasnosti. Rol' i mesto informacionnoj bezopasnosti]. Available at: http://all-ib.ru/content/node3/part_1.html (Accessed 07 November 2016) (in Russian).

УДК 339.137.2

Статистические показатели оценки уровня конкуренции банковской системы

САЛИН ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,
канд. экон. наук, профессор Департамента учета, анализа и аудита
Финансовый университет, Москва, Россия
salvini@rambler.ru

СЕВРУК ВЕЛИСАВА ТОДОРОВА,
канд. экон. наук, доцент кафедры «Статистика», Финансовый университет, Москва, Россия
VTSevruk@fa.ru

ТРЕТЬЯКОВА ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА,
канд. экон. наук, доцент кафедры «Статистика», Финансовый университет, Москва, Россия
OTretyakova@fa.ru

Аннотация. В статье рассмотрены показатели, характеризующие основные индикаторы оценки уровня конкуренции субъектов российской банковской системы в целом по стране и в региональном разрезе. На основе общепринятых статистических инструментов оценки значимости финансовых учреждений для экономики страны проведен анализ динамики концентрации и уровня конкуренции на рынке банковских услуг. Рассмотрена динамика основных показателей, характеризующих насыщенность регионов Российской Федерации финансовыми и банковскими услугами на фоне достаточно длительного понижательного тренда количества кредитных организаций. Для анализа обеспеченности регионов России банковскими услугами рассмотрены индексы совокупной обеспеченности и сравнительной привлекательности. Подробно рассмотрены количественные и качественные характеристики уровня и динамики концентрации банковских услуг с использованием индекса Херфиндаля–Хиршмана в территориальном разрезе и в целом по стране. Проведен анализ уровня концентрации активов банковской системы. Для этой цели рассмотрены кластеры распределения кредитных организаций в зависимости от величины их активов и их распределение по регионам.
Ключевые слова: банковская система; конкуренция; показатели концентрации банковских услуг; индекс Херфиндаля–Хиршмана; уровень насыщенности регионов банковскими инструментами; развитие банковской системы в регионах.

Statistical Measures of the Competition in the Banking System

SALIN V.N.,
PhD in Economics, professor, Department of accounting, analysis and audit, Financial University, Moscow, Russia
salvini@rambler.ru

SEVRUK V.T.,
PhD in Economics, associate professor, Department of accounting, analysis and audit, Financial University, Moscow, Russia
VTSevruk@fa.ru

TRETIAKOVA O.G.,
PhD in Economics, associate professor, Department of accounting, analysis and audit, Financial University, Moscow, Russia
OTretyakova@fa.ru

Abstract. The article describes the main statistical measures characterizing the key indicators of the competition level of the Russian banking system subjects countrywide and in the regional context. Utilizing common statistical tools of economic significance assessment of financial institutions, a dynamic analysis of banking competition level concentration was held. Dynamics of the main indicators, characterizing the saturation with financial and banking services of the Russian Federation regions, was assessed with regard to a long downward trend of the number of credit institutions. In order to analyze the availability of banking services in Russian regions, indices of total provision and relative attractiveness were evaluated. Quantitative and qualitative characteristics of level and dynamics of banking concentration were considered in depth, geographically and countrywide, with application of Herfindahl–Hirsehman index. Also, an analysis of concentration level of banking system assets was conducted. For this purpose, clusters of credit organizations distribution were considered depending on the value of their assets and their regional allocation.
Keywords: banking system; competition; banking services concentration ratio; Herfindahl–Hirsehman index; banking services saturation level of regions; development of regional banking system.

В 2015 г. глобальный финансовый рынок характеризовался достаточно высокой волатильностью сырьевых и финансовых сегментов. Этот процесс сопровождался снижением темпов прироста мирового ВВП до 3,1% против 3,4% в 2014 г. (по оценке МВФ). Естественно, эти процессы отразились и на стабильности российской финансовой системы. Одновременно ЦБ РФ продолжал принимать меры по укреплению банковской системы России и внедрил ряд мероприятий по ее оздоровлению и развитию. Одним из способов укрепления финансовой стабильности банковской системы является продолжающаяся тенденция выведения с рынка банковских услуг финансово уязвимых банков, не способных обеспечить сохранность средств акционеров, кредиторов и вкладчиков. Этот процесс связан со снижением количества действующих кредитных организаций, что может привести к снижению доступности финансовых услуг и инструментов. Более уязвимыми являются регионы России, в которых свою деятельность осуществляют преимущественно банки второго эшелона или филиалы экономически значимых кредитных организаций.

Таким образом, в настоящее время анализ состояния банковской системы, показывающий уровень конкуренции, становится достаточно актуальным. Конкуренция на рынке банковских услуг способствует повышению эффективности работы самих банков, эффективному размещению банковского капитала в реальный сектор экономики, рациональному перераспределению доходов в отрасли, обеспечению доступности кредитных ресурсов [1].

Уровень конкуренции банковской системы определяется такими показателями, как количество и размер действующих кредитных организаций, распределение активов и капитала между банками (*табл. 1*).

На начало 2016 г. сохранилась тенденция последних лет к снижению числа действующих на территории Российской Федерации кредитных организаций. По данным Банка России, на 01.01.2016 г. 1660 банков были лишены лицензий на ведение банковской деятельности.

Тенденция к сокращению количества кредитных организаций наблюдалась также и по регионам Российской Федерации. По данным Банка России, в 2015 г. количество региональных кредитных учреждений сократилось с 375 до 341. Одновременно наблюдалось увеличение объема активов региональных кредитных организаций — темп прироста составил 16,1% и демонстрировал более высокий уровень, чем по банковской системе в целом (6,9%). По итогам года, удельный вес региональных банков в совокупных активах вырос с 8,6 до 9,3%. Эта тенденция свидетельствует о сохранении достаточного уровня финансовой стабильности банков, оставшихся на российском финансовом рынке.

Однако темп прироста капитала региональных финансовых учреждений в 2015 г. уступал соответствующему показателю банковского сектора в целом и составил 0,2% против 13,6%.

Необходимо, на наш взгляд, отметить, что наблюдавшаяся в 2015 г. положительная динамика основ-

Таблица 1

Динамика количества кредитных организаций и их филиалов

Год	Количество действующих кредитных организаций	Количество филиалов действующих кредитных организаций
01.01.2011	1012	2916
01.01.2012	978	2807
01.01.2013	956	2349
01.01.2014	923	2005
01.01.2015	834	1708
01.01.2016	733	1398

Источник: Бюллетень банковской статистики.

Таблица 2

Отдельные показатели деятельности кредитных организаций (по группам кредитных организаций, ранжированных по величине активов по убыванию)

	Группы кредитных организаций, ранжированных по величине активов (по убыванию)						
	1–5	6–20	21–50	51–200	201–500	Св. 501	ИТОГО
Активы На 01.01.2014 г.	30235	10905	6384	6983	2377	539	57423
На 01.01.2015 г.	41594	16674	8259	8406	2309	410	77652
На 01.01.2016 г.	44884	17925	9391	8484	2060	254	82999
Кредиты нефинансовым организациям На 01.01.2014 г.	13530	4500	2044	2450	955	193	23672
На 01.01.2015 г.	17461	6145	2501	2430	847	151	29535
На 01.01.2016 г.	20426	6543	3219	2336	692	84	32342
Кредиты физическим лицам На 01.01.2014 г.	4982	1978	1228	1388	311	70	9957
На 01.01.2015 г.	5790	2105	1533	1541	309	51	11329
На 01.01.2016 г.	5851	1897	1201	1473	236	26	10684
Собственные средства (капитал) На 01.01.2014 г.	3510	1315	762	973	373	131	7064
На 01.01.2015 г.	3962	1649	758	1064	375	120	7928
На 01.01.2016 г.	4824	2067	641	1038	367	82	9019

Источник: Бюллетень банковской статистики.

ных индикаторов, характеризующих стабильность российской банковской системы и ее значимую роль в экономике страны, во многом связана с валютной переоценкой ряда финансовых активов и инструментов [2]. В *табл. 2* приведена кластеризация основных характеристик эффективности деятельности банковской системы в зависимости от величины активов кредитных организаций.

Таблица 3

Концентрация активов по банковскому сектору (действующие кредитные организации)

Распределение кредитных организаций ранжированных по величине активов (по убыванию)	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016
Первые 5	52,7	53,6	54,1
С 6 по 20	19,0	21,5	21,6
С 21 по 50	11,1	10,6	11,3
С 51 по 200	12,2	10,8	10,2
С 201 по 500	4,1	3,0	2,5
С 501	0,9	0,5	0,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: Обзор банковского сектора Российской Федерации.

Таблица 4

Концентрация активов действующих кредитных организаций по федеральным округам

Федеральный округ	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016
Центральный	58,8	58,2	59,0
в том числе г. Москва	59,2	58,6	59,6
Северо-Западный	67,3	74,1	71,7
Южный	68,6	69,4	68,8
Северо-Кавказский	46,9	64,4	68,5
Приволжский	46,9	52,4	53,6
Уральский	69,8	70,2	76,6
Сибирский	72,7	79,9	58,7
Дальневосточный	85,1	85,6	86,0
Российская Федерация	52,7	53,6	54,1

Источник: Обзор банковского сектора Российской Федерации.

В 2014–2015 гг. в банках первой группы было сосредоточено более половины активов и собственных средств (капитала) банковской системы. На эту же группу приходится более половины выданных банковским сектором кредитов. Такое положение свидетельствует о достаточно высокой степени монополизации рынка банковских услуг и низком уровне конкурентоспособности банковского сектора.

Для статистической оценки конкуренции широко используются показатели концентрации банковских услуг как в разрезе видов самих услуг и ряда финансовых инструментов, так и в территориальном разрезе [3, 4].

Показатели концентрации финансовых услуг основываются на определении доли наиболее крупных игроков на рынке. Доли участников чаще всего рассчитываются по банковским активам, кредиту, капиталу, прибыли. Для оценки рыночной концентрации широко применяются коэффициент концентрации (*IR*) и индекс Херфиндаля–Хиршмана.

Показатель рассчитывается путем суммирования долей наиболее крупных участников рынка:

$$IR = \sum_{i=1}^{k} d_i ,$$ где

d_i — доля i-го значения показателя;

k — число единиц совокупности с наибольшими значениями показателя.

Чем ближе коэффициент концентрации к 1,0 (100%), тем выше концентрация и ниже конкуренция.

Банк России проводит анализ степени концентрации банковской деятельности на основе расчета

доли 200 крупнейших банков в совокупных активах банковского сектора и доли пяти крупнейших кредитных организаций в совокупных активах банковского сектора (*табл. 3*).

За рассмотренный период коэффициент концентрации активов 5 крупнейших банков составил более 52%, коэффициент концентрации для 200 крупнейших банков — более 95%, при наличии тенденции роста. Высокие значения коэффициентов свидетельствуют о чрезмерной концентрации на рынке банковских услуг.

Коэффициент концентрации активов для пяти крупнейших банков рассчитывается также по регионам страны (*табл. 4*).

В большинстве регионов наблюдается высокий уровень концентрации. Доля активов 5 крупнейших банков по регионам превышает 50%. Коэффициент концентрации активов пяти крупнейших банков в Северо-Западном, Уральском, Дальневосточном округах превысил 70%. При этом для большинства регионов отмечается тенденция роста коэффициента концентрации.

При расчете Индекса Херфиндаля–Хиршмана (ІНН) суммируются квадраты рыночных долей всех участников рынка:

$$\text{ІНН} = \sum_{i=1}^{n} d_i^2 ,$$

где d_i^2 — доля *i*-го значения показателя;

n — число единиц совокупности.

Индекс принимает значение в диапазоне $[0,1]$. Чем меньшие значения принимает индекс, тем ниже концентрация и сильнее конкуренция на рынке банковских услуг. Значение ІНН от 0,10 до 0,18 интерпретируется Банком России как средний уровень концентрации на рынке банковских услуг, свыше 0,18 — высокий (*табл. 5*).

ІНН, рассчитанный по активам, кредитам и величине капитала показывает средний уровень концентрации на рынке банковских услуг. Значение индекса по вкладам физических лиц значительно превышает средний уровень концентрации. На начало 2016 г. 62,0% вкладов населения было сосредоточено в пяти банках, при этом почти половина всех вкладов приходились на ОАО «Сбербанк России».

Индексы концентрации активов кредитных организаций по регионам представлены в *табл. 6*.

Для большинства регионов ІНН не превышал среднего уровня (0,10–0,18). Для Центрального федерального округа значение ІНН менее 0,10, что характеризует низкий уровень концентрации в регионе и достаточно высокую обеспеченность банковскими услугами. Высокий уровень концентрации отмечается в Северо-Кавказском федеральном округе. Здесь ІНН превышает 0,18.

Наряду с показателями концентрации, для оценки обеспеченности населения банковскими услугами рассчитываются итоговые показатели, учитывающие влияние основных факторов, характеризующих состояние рынка банковских услуг.

Для анализа обеспеченности регионов банковскими услугами Банк России рассчитывает совокупный индекс обеспеченности (I_{CO}). Индекс состоит из трех частей: показателя институциональной насыщенности банковскими услугами, показателя финансовой насыщенности банковскими услугами и индекса развития сберегательного дела.

Показатель институциональной насыщенности ($I_{ИН}$) определяется как отношение количества кредитных организаций региона к численности населения региона, деленное на величину аналогичного показателя, рассчитанного для России в целом.

Показатель финансовой насыщенности банковскими услугами по региону ($I_{ФН}$) определяется как отношение объема кредитов по региону к валовому региональному продукту, деленное на величину аналогичного показателя по России в целом.

Индекс развития сберегательного дела ($I_{С}$) определяется как отношение объема вкладов на душу населения региона, деленное на величину аналогичного показателя по России в целом.

Совокупный индекс обеспеченности региона банковскими услугами рассчитывается как средняя геометрическая из $I_{ИН}$, $I_{ФН}$, $I_{С}$:

$$I_{CO} = \sqrt[3]{I_{ИН}} \times I_{ФН} \times I_{С} \qquad (\textit{табл. 7}).$$

Только два федеральных округа — Центральный и Северо-Западный имеют совокупный индекс обеспеченности банковскими услугами выше среднероссийского уровня. Самый низкий индекс обеспеченности наблюдается в Северо-Кавказском и Дальневосточном округах, при этом на начало 2016 г. наблюдалось снижение индекса по этим округам.

С целью анализа развития банковской системы и степени удовлетворения спроса на банковские услуги в территориальном разрезе, в дополнение к совокупному индексу обеспеченности региона банковскими услугами может также использоваться индекс срав-

Таблица 5

Показатели концентрации банковского сектора Российской Федерации

Показатели концентрации (значения IHH)	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016
Активы	0,101	0,107	0,108	0,107
Кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные нефинансовым организациям/нерезидентам	0,133	0,131	0,144	0,137
Вклады физических лиц	0,216	0,227	0,213	0,213
Величина капитала	0,092	0,098	0,103	0,114
Справочно				
Доля АОА «Сбербанк России» в общем объеме всех вкладов,%	45,7	46,7	45,0	48,0
Доля пяти банков, имеющих наибольшие объемы вкладов в общем объеме всех вкладов,%	58,3	60,5	45,0	62,0

Источник: Банк России. «Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора».

Таблица 6

Концентрация активов кредитных организаций в территориальном разрезе (значение индекса Херфиндаля–Хиршмана)

Федеральный округ	01.01.2013	01.01.2014
Центральный	0,086	0,091
Северо-Западный	0,114	0,121
Южный	0,139	0,146
Северо-Кавказский	0,260	0,302
Приволжский	0,147	0,158
Уральский	0,132	0,143
Сибирский	0,157	0,174
Дальневосточный	0,159	0,168

Источник: Банк России. «Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора».

нительной привлекательности условий банковской деятельности [5, 6].

Индекс сравнительной привлекательности ($I_{СП}$) рассчитывается как средняя величина из базовых индексов:

$$I_{СП} = \sqrt[5]{I_{ФР} \times I_{КФП} \times I \frac{1}{I_{ДК}} \times I_{ДА}},$$

где $I_{ФР}$ — индекс объема финансовых ресурсов; рассчитывается как отношение доходов населения региона к среднероссийскому уровню;

$I_{КФП}$ — индекс концентрации финансовых потоков; рассчитывается как отношение величины доходов населения на одно банковское учреждение по региону к аналогичному показателю в целом по России;

$I_{КФ}$ — индекс количества филиалов; рассчитывается как отношение количества филиалов банков в регионе к аналогичному показателю в целом по России;

*I*д — индекс доли кредитных операций в банковских активах; рассчитывается как отношение доли кредитных операций по региону к аналогичному показателю в целом по России;

$I_{ДА}$ — индекс динамики реальных активов; рассчитывается как отношение реальных активов отчетного периода к активам базисного периода по региону.

Базовые индексы и индекс сравнительной привлекательности рассчитаны за 2015 г. по данным Росстата и Банка России [7, 8] (*табл. 8*).

Самое высокое значение индекса объема финансовых ресурсов имеет Центральный федеральный округ, самое низкое — Сибирский федеральный округ. На

Таблица 7

Обеспеченность регионов России банковскими услугами

Федеральный округ	$I_{ИН}$		$I_{ФН}$		$I_{С}$		$I_{СО}$	
	На 01.01.2015	На 01.01.2016	На 01.01.2015	На 01.01.2016	На 01.01.2015	На 01.01.2016	На 01.01.2015	На 01.01.2016
Центральный	1,01	1,00	1,27	1,27	1,52	1,47	1,25	1,23
Северо-Западный	1,13	1,15	1,06	1,04	1,17	1,16	1,12	1,12
Южный	1,06	1,08	0,97	0,91	0,68	0,66	0,89	0,86
Северо-Кавказский	0,47	0,46	0,66	0,57	0,30	0,29	0,45	0,43
Приволжский	1,03	1,03	0,88	0,87	0,73	0,73	0,87	0,87
Уральский	1,11	1,10	0,64	0,74	0,77	0,77	0,82	0,86
Сибирский	0,95	0,95	1,24	0,90	0,40	0,68	0,78	0,84
Дальневосточный	1,17	1,19	0,73	0,67	0,77	0,70	0,87	0,83
Итого по Российской Федерации	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Источник: Банк России. «Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2015 году».

Таблица 8

Сравнительная привлекательность условий банковской деятельности по регионам

Федеральный округ	$I_{ФР}$		$I_{КФП}$		$I_{КФ}$		$I_{Д}$		$I_{ДА}$		$I_{СП}$	
	На 01.01. 2014	На 01.01. 2015	На 01.01. 2014	На 01.01. 2015	На 01.01. 2014	На 01.01. 2015	На 01.01. 2014	На 01.01. 2015	На 01.01. 2014	На 01.01. 2015	На 01.01. 2014	На 01.01. 2015
Центральный	1,26	1,29	0,57	0,58	0,20	0,20	0,49	1,01	1,03	1,11	0,79	0,69
Северо-Западный	1,03	1,02	1,30	1,27	0,14	0,15	4,!4	1,18	1,05	0,95	0,55	0,69
Южный	0,88	0,87	1,71	1,64	0,11	0,11	10,94	1,14	1,10	0,99	0,46	0,67
Северо-Кавказский	0,75	0,85	1,07	1,69	0,08	0,06	2,04	1,08	0,62	0,74	0,46	0,57
Приволжский	0,87	0,88	1,62	1,64	0,19	0,19	4,93	1,24	0,97	0,95	0,55	0,72
Уральский	1,10	1,07	2,06	2,!7	0,13	0,11	6,33	1,22	1,08	0,61	0,55	0,66
Сибирский	0,77	0,77	1,88	1,96	0,11	0,11	9,83	0,99	0,89	0,85	0,46	0,67
Дальневосточный	1,15	1,23	2,09	2,02	0,05	0,05	4,03	1,37	1,98	0,86	0,46	0,60

начало 2015 г. индекс объема финансовых ресурсов Центрального федерального округа превышал индекс Сибирского округа на 52%, Северо-Кавказского — на 44%, Южного — на 42%.

Центральный федеральный округ имеет самый низкий индекс концентрации финансовых потоков, что свидетельствует о высоком уровне конкуренции на рынке банковских услуг в этом округе. Низкая конкуренция отмечается в Уральском, Дальневосточном, Сибирском федеральных округах. Так, на начало 2015 г. индекс концентрации финансовых потоков по Уральскому федеральному округу в 3,7 раза превышал этот показатель по Центральному федеральному округу.

Самое высокое значение индекса количества филиалов отмечается в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах.

На начало 2014 г. индекс доли кредитных операций в банковских активах по всем федеральным округам в разы превышал аналогичный показатель для Центрального федерального округа. На начало 2015 г. эти значения сровнялись.

За рассматриваемый период рост реальных активов наблюдался только в Центральном федеральном округе. На начало 2015 г. реальные активы сократились в Уральском регионе на 39%, в Северо-Кавказском регионе — на 26%, в Сибирском регионе — на 15%.

Анализ базовых индексов показывает значительное отличие уровня развития банковской системы по регионам от среднероссийских показателей. Индекс сравнительной привлекательности имеет наибольшее значение в Центральном, Северо-Западном, Приволжском округах, т.е. эти регионы по факторам развития региональной банковской системы имеют наиболее благоприятные условия.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- в обеспечении банковскими услугами между регионами имеется значительный разрыв;
- как в масштабах государства, так и в территориальном разрезе отмечается низкий уровень конкурентоспособности банковской системы.

Литература

1. Центральный банк Российской Федерации. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/DKP/ondkp/on_2015%282016–2017%29.pdf.
2. Севрук В.Т. Статистические методы портфельных и инвестиционных рисков на финансовом рынке: учеб. пособие. М.: Финансовый университет, 2013.
3. Салин В.Н., Третьякова О.Г. Банковская статистика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М.: Издательство Юрайт, 2017.
4. Салин В.Н., Третьякова О.Г Методология исследования финансовой конъюнктуры: учеб. пособие. М.: КноРУС, 2016.
5. Статистика финансов: учебник / под ред. В.Н. Салина М.: Финансы и статистика, 2003.
6. Салин В.Н., Севрук В.Т. Третьякова О.Г Статистический анализ банковской системы России // Вестник Финансового университета. 2015. № 6 (90).
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/http://www.gks.ru/.
8. Официальный сайт Центрального Банка [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/http://www.cbr.ru/.

References

1. The Central Bank of the Russian Federation. The main directions of the unified state monetary policy for 2015 and the period 2016 and 2017 [Central'nyj bank Rossijskoj Federacii. Osnovnye napravlenija edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2015 god i period 2016 i 2017 godov]. Available at: http://www.cbr.ru/DKP/ondkp/on_2015%282016–2017%29.pdf (in Russian).
2. Sevruk V.T. Statistical methods of portfolio and investment risks in the financial market [Statisticheskie metody portfel'nyh i investicionnyh riskov na finansovom rynke: ucheb. posobie]. Moscow, Finansovyj universitet, 2013 (in Russian).
3. Salin V.N., Tret'jakova O.G. Banking statistics: a textbook and a workshop for balakariate and magistracy [Bankovskaja statistika: uchebnik i praktikum dlja balakvariata i magistratury]. Finansovyj universitet pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. Moscow, Izdatel'stvo Jurajt, 2017 (in Russian).
4. Salin V.N., Tret'jakova O.G. Methodology of research of financial conjuncture [Metodologija issledovanija finansovoj kon''junktury: ucheb. posobie]. Moscow, KnoRUS, 2016 (in Russian).
5. Finance statistics: textbook [Statistika finansov: uchebnik] / ed. V.N. Salin. Moscow, Finansy i statistika, 2003 (in Russian).
6. Salin V.N., Sevruk V.T. Tret'jakova O.G. Statistical analysis of the banking system of Russia [Statisticheskij analiz bankovskoj sistemy Rossii]. *Vestnik Finansovogo Universiteta — Bulletin of the Financial University*, 2015, no. 6 (90) (in Russian).
7. Official site of the Federal State Statistics Service [Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki]. Available at: http://www.gks.ru/ (in Russian).
8. Official site of the Central Bank [Oficial'nyj sajt Central'nogo Banka]. Available at: http://www.cbr.ru/ (in Russian).

УДК 378.4
JEL I21

Концентрическая модель российского рынка экономических исследований

БАЛАЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ,
д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
evbalatsky@inbox.ru

ЕКИМОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета, Москва, Россия
n.ekimova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются данные Рейтинга академической активности регионов (экономика) за 2013–2015 гг., построенные в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации. *Предмет исследования:* российский рынок научных исследований. *Цель работы:* исследование пространственной модели отечественного научного рынка. *Результаты исследования* позволили сделать вывод о том, что три составляющие этого рейтинга — рынок экономистов, экономических журналов и высших экономических школ — подвержены тотальной концентрации. Все большее число регионов исключается из конкурентных процессов на общероссийском рынке научных исследований. Практически все субъекты экономической науки группируются на ограниченном пространственном участке, тогда как остальные регионы остаются без перспектив дальнейшего развития. Обсуждаются возможные последствия наметившейся тенденции и пути преодоления обозначенных проблем.
Ключевые слова: рынок научных исследований; рейтинг; регионы России; экономисты; высшие экономические школы; научные журналы.

The Concentric Model of Russian Market for Economic Research

BALATSKY E.V.,
Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Macroeconomic Research of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
evbalatsky@inbox.ru

EKIMOVA N.A.,
PhD of Economics, Associate Professor, leading researcher of the Center for Macroeconomic Research of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
n.ekimova@bk.ru

Abstract. The article discusses the Rating of regional academic activity (Economics) for 2013–2015, which was built in the Financial University under the Government of the Russian Federation. *Subject of research*: Russian market of scientific research. *Purpose of work*: the study of spatial models of domestic scientific market. *The results of the study* allowed to conclude that the total concentration of the market scientific studies. An increasing number of regions excluded from the competitive process on the national market research. Almost all subjects of economic science are grouped in a limited spatial area, whereas other regions remain without

prospects for further development. It discusses the possible implications of emerging trends and ways to overcome the problems identified.
Keywords: market research, rating; the Russian regions; economists; higher schools of Economics; scientific journals.

1. Введение. Во всех экономически развитых странах имеется развитая экономическая наука. В свою очередь, развитая экономическая наука предполагает наличие достаточно эффективного рынка научных исследований, который включает в себя три группы участников — экономисты-исследователи (кто проводит исследования), вузы (где проводятся исследования) и экономические журналы (где презентуются результаты исследований). В общем случае, наряду с вузами, необходимо учитывать институты академической и ведомственной науки, однако в виду того, что Правительство РФ поставило акцент на усилении роли вузов и построении университетской модели науки, в данной статье учитывается только этот тип институтов; при необходимости возможно расширение проводимого анализа.

В 2015 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ был запущен проект по регулярному составлению академических рейтингов, включающий следующие рейтинговые продукты: Рейтинг академической активности и популярности экономистов России (РААПЭ) [1]; Рейтинг ведущих экономических журналов России (РВЭЖ) [2]; Академический рейтинг высших экономических школ России (АРВЭШ) [3]. В 2016 г. были запущены два дополнительных рейтинга — Золотой рейтинг академической активности и популярности экономистов России (ЗРААПЭ) [4] и Рейтинг академической активности регионов России (экономика) (РААР) [5]. При этом результаты рейтингования экономистов, вузов и журналов нашли свое отражение в академических публикациях [6–8], тогда как относительно региональных особенностей рынка экономических исследований подобный анализ проведен не был. В настоящее время уже имеется три волны рейтингования академической активности регионов — за 2013–2015 гг. Причем за первые два года использовалась усеченная процедура рейтингования, а в 2015 г. был реализован «полный» алгоритм оценки регионов.

Имеющиеся в настоящий момент рейтинговые оценки свидетельствуют о крайне неравномерной организации российского рынка экономических исследований. Данное обстоятельство обусловило необходимость более тщательного исследования складывающейся пространственной модели отечественного научного рынка, что и составляет содержание данной статьи.

2. Идеология и методика рейтинга академической активности регионов России. Идея данного рейтинга состоит в составлении проранжированного списка регионов России, в которых ведутся экономические исследования. При этом само ранжирование осуществляется в зависимости от числа ведущих экономистов, экономических журналов и высших экономических школ, находящихся на территории соответствующих регионов. Алгоритм рейтинга основан на определении концентрации ресурсов, обеспечивающих продвижение в области экономической науки. При этом учитывается три естественных обстоятельства — наличие тех, кто наиболее активен в проведении экономических исследований (персональные исследователи), наличие организаций, где проводятся передовые исследования (вузы), наличие ведущих информационных площадок, где представлены лучшие экономические исследования (журналы). Таким образом, регионы, в которых сосредоточены основные ресурсы по генерации нового экономического знания, и выступают в качестве авангарда российской экономической науки.

Для определения позиции региона в соответствии с описанным принципом отбираются лучшие экономические журналы России, лучшие высшие экономические школы (вузы) России и ведущие экономисты страны. Данные по журналам берутся из Рейтинга ведущих экономических журналов России (РВЭЖ), данные по вузам — из АРВЭШ, а данные по экономистам — из РААПЭ. В выборку попадают все регионы страны (85) независимо от своих рейтинговых значений. Это означает, что некоторые регионы могут иметь нулевой рейтинг, составляя группу нерейтингуемых субъектов Российской Федерации.

Несмотря на простоту и доступность всех исходных данных для рейтингования регионов, в готовом виде подобный продукт отсутствует.

В связи с этим разработчик данного рейтинга берет на себя функции по сбору, систематизации и обработке всей указанной информации. В 2013 и 2014 гг. Рейтинг академической активности регионов России (экономика) составлен в усеченном виде, т.е. при его составлении учитывались только журналы и вузы, а данные по экономистам игнорировались. Это связано с тем, что данные по экономистам собираются только с 2015 г., что приводит к хронологической нестыковке трех рейтингов — рейтинга журналов и вузов — с одной стороны и рейтинга экономистов — с другой. Начиная с 2015 г. РААР составляется по всем трем информационным базам, синхронизированным по времени. В связи с этим рассмотрим обобщенный алгоритм РААР для 2015 г.

Алгоритм РААР включает несколько шагов.

Шаг 1. На первом шаге формируется скоринговая величина n-го региона России в разрезе ведущих экономических журналов страны ($x_n^{Ж}$), которая представляет собой сумму баллов n-го региона за счет сложения всех рейтинговых баллов ведущих экономических журналов, издаваемых на его территории:

$$x_n^{Ж} = \sum_{i=1}^{I} z_{in}, \qquad (1)$$

где z_{in} — рейтинговый балл i-го журнала, издаваемого в n-м регионе; I — число журналов, попавших в выборку (I = 50). В дальнейшем полученный скоринг региона нормируется относительно общего числа участников рейтинга журналов с получением величины $z^{Ж}_{n} = x^{Ж}_{n}/I$.

Шаг 2. На втором шаге формируется скоринговая величина n-го региона России в разрезе ведущих высших экономических школ (вузов) страны ($x^{В}_{n}$), которая представляет собой сумму баллов n-го региона за счет сложения всех рейтинговых баллов ведущих экономических школ, расположенных на его территории:

$$x_n^{В} = \sum_{j=1}^{J} z_{jn}, \qquad (2)$$

где z_{jn} — рейтинговый балл публикационной активности j-го вуза, расположенного в n-м регионе; J — число вузов, попавших в выборку (J = 57). В дальнейшем полученный скоринг региона нормируется относительно общего числа участников рейтинга вузов с получением величины $z^{В}_{n} = x^{В}_{n}/J$.

Напомним, что для определения публикационной активности вузов использовалась методология подсчета его публикаций на страницах лучших экономических журналов страны. В 2015 г. использовалась выборка из 13 ведущих экономических журналов страны: «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономика и математические методы», «Экономический журнал ВШЭ», «Прикладная эконометрика», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Корпоративные финансы», «Форсайт», «Проблемы управления», “Terra Economicus”, «Экономическая политика», «Пространственная экономика», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент». Эти журналы занимают первые 13 мест РВЭЖ за 2015 г. из присутствующих в нем 50 изданий. При этом из РВЭШ заимствуется только показатель публикационной активности вузов; коэффициент стабильности и коэффициент кадрового потенциала не берутся во внимание.

Шаг 3. На третьем шаге формируется скоринговая величина n-го региона России в разрезе ведущих экономистов страны ($x^{Э}_{n}$), который представляет собой сумму баллов n-го региона за счет сложения всех рейтинговых баллов ведущих экономистов, работающих его территории:

$$x_n^{Э} = \sum_{l=1}^{L} z_{ln}, \qquad (3)$$

где z_{ln} — рейтинговый балл первого экономиста, расположенного в n-м регионе; L — число экономистов, попавших в выборку (L = 500). В дальнейшем полученный скоринг региона нормируется относительно общего числа участников рейтинга экономистов с получением величины $z^{Э}_{n} = x^{Э}_{n}/L$.

Шаг 4. Для построения итогового рейтинга регионов используется процедура равномерного взвешивания трех факторов:

$$x_n = (1/3)z_n^{Ж} + (1/3)z_n^{В} + (1/3)kz_n^{Э}, \qquad (4)$$

Полученная на основе формулы (4) величина x_n нормируется для получения окончательной оценки z_n.

$$z_n = x_n / \max_n\{x_n\}, \qquad (5)$$

Таблица 1

Рейтинг академической активности регионов России (экономика), 2015

Место	Регион	Скоринго-вый балл $z^{в}_{п}$, %	Скоринго-вый балл $z^{ж}_{п}$, %	Скоринго-вый балл $z^{э}_{п}$, %	Итоговый балл $z_{п}$, %
1	г. Москва	3,589	38,179	13,832	100,00
2	г. Санкт-Петербург	0,477	5,678	1,238	13,30
3	Новосибирская область	0,068	3,152	1,058	7,70
4	Ростовская область	0,138	3,341	0,132	6,50
5	Свердловская область	0,066	2,210	0,430	4,87
6	Воронежская область	0,037	0,000	1,826	3,35
7	Иркутская область	0,026	1,138	0,312	2,66
8	Хабаровский край	0,000	1,356	0,051	2,53
9	Краснодарский край	0,009	0,000	0,920	1,67
10	Белгородская область	0,000	0,000	0,884	1,59
11	Тюменская область	0,000	0,864	0,000	1,55
12	Волгоградская область	0,020	0,000	0,740	1,37
13	Ставропольский край	0,000	0,000	0,448	0,81
14	Удмуртская Республика	0,013	0,000	0,417	0,77
15	Самарская область	0,033	0,000	0,368	0,72
16	Алтайский край	0,000	0,000	0,371	0,67
17	Московская область	0,007	0,000	0,348	0,64
18	Республика Дагестан	0,000	0,000	0,313	0,56
19	Республика Башкортостан	0,026	0,000	0,275	0,54
20	Вологодская область	0,013	0,000	0,280	0,53
21	Орловская область	0,000	0,000	0,221	0,40
22	Приморский край	0,051	0,000	0,149	0,36
23	Тамбовская область	0,000	0,000	0,185	0,33
24	Ульяновская область	0,013	0,000	0,146	0,29
25	Нижегородская область	0,026	0,000	0,133	0,29
26	Мурманская область	0,000	0,000	0,152	0,27
27–28	Республика Татарстан	0,000	0,000	0,100	0,18
27–28	Пермский край	0,013	0,000	0,083	0,17
29–30	Оренбургская область	0,000	0,000	0,084	0,15
29–30	Республика Карелия	0,000	0,000	0,083	0,15
31–32	Челябинская область	0,026	0,000	0,056	0,15
31–32	Калужская область	0,000	0,000	0,076	0,14
33–35	Кемеровская область	0,026	0,000	0,050	0,14
33–35	Томская область	0,000	0,000	0,073	0,13
33–35	Липецкая область	0,000	0,000	0,072	0,13
36	Кабардино-Балкарская Республика	0,000	0,000	0,068	0,12
37	Забайкальский край	0,000	0,000	0,060	0,11
38–39	Курская область	0,000	0,000	0,051	0,09
38–39	Костромская область	0,000	0,000	0,050	0,09
40–41	Республика Мордовия	0,000	0,000	0,045	0,08
40–41	Омская область	0,000	0,000	0,042	0,08
42–45	Пензенская область	0,000	0,000	0,042	0,08

Окончание таблицы 1

Место	Регион	Скоринго-вый балл $z^{В}_{п}$, %	Скоринго-вый балл $z^{Ж}_{п}$, %	Скоринго-вый балл $z^{Э}_{п}$, %	Итоговый балл $z_{п}$, %
42–45	Саратовская область	0,000	0,000	0,038	0,07
42–45	Республика Саха (Якутия)	0,000	0,000	0,038	0,07
42–45	Тверская область	0,000	0,000	0,037	0,07
46–47	Тульская область	0,000	0,000	0,036	0,07
46–47	Чувашская Республика	0,000	0,000	0,028	0,05
48–49	Амурская область	0,026	0,000	0,000	0,05
48–49	Астраханская область	0,026	0,000	0,000	0,05
50–51	Красноярский край	0,013	0,000	0,000	0,02
50–51	Республика Северная Осетия — Алания	0,013	0,000	0,000	0,02
52–53	Рязанская область	0,007	0,000	0,000	0,01
52–53	г. Севастополь	0,003	0,000	0,000	0,01
54–85	Архангельская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Брянская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Владимирская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Еврейская автономная область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Ивановская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Калининградская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Камчатский край	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Карачаево-Черкесская Республика	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Кировская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Курганская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Ленинградская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Магаданская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Ненецкий АО	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Новгородская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Псковская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Адыгея	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Алтай	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Бурятия	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Ингушетия	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Калмыкия	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Коми	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Крым	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Марий Эл	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Тыва	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Республика Хакасия	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Сахалинская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Смоленская область	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Ханты-Мансийский АО	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Чеченская Республика	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Чукотский автономный округ	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Ямало-Ненецкий АО	0,000	0,000	0,000	0,00
54–85	Ярославская область	0,000	0,000	0,000	0,00

3. Эмпирические результаты рейтингования. Результаты расчетов по описанному алгоритму получены на данных за 2015 г. и приведены в *табл. 1*. Регионы, получившие одинаковый рейтинговый балл, образуют группу регионов с соответствующими интервальными номерами.

Приведенная *табл. 1* фиксирует своеобразный портрет научного пространства России в сфере экономической науки. При этом даже беглый взгляд на РААР позволяет увидеть крайнюю неравномерность в развитии регионов страны. Например, в 32 из 85 регионов вообще не зафиксировано никаких достижений в экономической науке. Напомним, что в РААР учитываются только лучшие экономические журналы, лучшие экономисты и лучшие вузы, осуществляющие экономические исследования. Тем самым нулевые данные в графах соответствующих регионов означают следующее: экономисты в регионе работали и экономические исследования в данный год, безусловно, проводились, однако таковые носили «рутинный» характер и не смогли выйти на передовые позиции, которые стали бы заметны в масштабе всей страны. Таким образом, исследования многих регионов носили фоновый характер, но не предопределяли новые направления современной российской экономической науки. Ощутимый вклад в копилку наиболее значимых научных результатов, т.е. с $z_n > 1\%$, внесли лишь 12 субъектов федерации. Именно эта дюжина регионов и формировала в 2015 г. лицо отечественной экономики.

Полученный вывод о высокой концентрации интеллектуального потенциала страны в области экономической науки сам по себе уже является настораживающим. Однако наличие трех волн рейтинговых исследований за 2013–2015 гг. позволяет провести еще более содержательный анализ относительно складывающихся тенденций общероссийского рынка экономических исследований.

4. Региональная олигополия на российском рынке экономических исследований. В настоящее время имеются данные о динамике региональной концентрации ведущих вузов и журналов страны (*табл. 2*). Для максимально полного получения представления о характере региональной локализации субъектов рынка рассмотрим показатель групповой доли регионов и традиционный индекс Херфиндаля–Хиршмана (HHI). Полученные данные позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, все три рынка — экономистов, вузов и журналов — являются, по сути, монополистическими или, точнее, олигополистическими. Так, коэффициенты HHI для всех трех показателей больше 1800%, т.е. все рынки подпадают под категорию высококонцентрированных. Если же учесть, что даже для рынка экономистов 2015 г. HHI был выше своей критической отметки в 1,6 раза, а для рынка журналов и вузов — соответственно в 2,7 и 3,2 раза, то можно говорить, что мы имеем дело с ярко выраженной олигополией научного пространства страны в части экономической науки. Ни о какой нормальной конкуренции регионов на российском рынке экономических исследований говорить не приходится. Фактически мы имеем дело с *концентрической моделью* организации отечественной науки, когда все ресурсы и результаты в рамках указанного научного направления сосредоточены на строго ограниченном участке территории; остальное пространство страны оголено и не может принять участия в борьбе за право быть полноценным участником данного рынка. Иными словами, в России реализована модель с узким передовым научным ядром и обширной научной периферией.

Во-вторых, феномен олигополии был устойчивым и имел тенденцию к усилению. Например, на временном интервале 2013–2015 гг. HHI для рынка журналов увеличился на 13%, а для рынка вузов — на 26%. Это означает, что научное ядро регионов продолжает сжиматься, а пространство научной периферии — расширяться. Данный процесс эквивалентен постепенной *маргинализации российских регионов*, когда все большее число региональных участников рынка оказываются за бортом развернувшейся конкуренции. Все большее число регионов «выдавливается» с рынка передовых исследований, а сами регионы все в меньшей степени способны соответствовать современным общероссийским научным нормам.

Зададимся вполне резонным вопросом о том, как следует воспринимать обнаруженный факт олигополизации российского рынка экономических исследований. Дело в том, что данное явление недвусмысленно свидетельствует об *эрозии научного пространства* страны, когда региональные научные школы теряют конкурентоспособность и фактически безвозвратно исчезают. Это означает, что научная провинция перестает соответствовать общероссийским научным стандартам и замыкается на узких и малоперспективных проблемах. Прямым следствием такого положения дел станет обеднение интеллектуальной жизни российской

Таблица 2

Региональная концентрация субъектов экономических исследований в России, %

Показатель	Рынок		
	журналов	вузов	экономистов
2013			
Доля 1 региона	63,3	66,4	–
Доля 3 регионов	83,9	82,1	–
Доля 5 регионов	91,1	85,3	–
Доля 10 регионов	100,0	90,3	–
HHI	4304,9	4601,8	–
2014			
Доля 1 региона	71,0	74,8	–
Доля 3 регионов	85,7	85,4	–
Доля 5 регионов	92,8	88,1	–
Доля 10 регионов	100,0	92,6	–
HHI	5209,2	5669,1	–
2015			
Доля 1 региона	68,3	75,3	52,3
Доля 3 регионов	84,4	88,2	63,9
Доля 5 регионов	94,0	91,0	71,4
Доля 10 регионов	100,0	94,6	82,4
HHI	4860,1	5786,1	2875,9

провинции и ее превращение в хронического научного аутсайдера. В связи с этим продолжение установившейся тенденции в перспективе грозит разрушением единства общенационального научного пространства и деградацией рынка экономических исследований. Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что подобное усиление позиций регионов-лидеров является естественным следствием ранних этапов развития конкурентных процессов, когда происходит жесткое размежевание передовых участников рынка и аутсайдеров. Окончательный ответ на вопрос о степени опасности наметившейся тенденции может быть дан через 3–4 года. Не исключено, что по мере стабилизации научного ядра и научных стандартов начнется формирование новых «центров силы» в регионах, в которых сейчас только создается научный потенциал.

Надо сказать, что сейчас уже намечается некоторая контртенденция олигополизации рынка. Так, если ввести в рассмотрение *коэффициент вовлеченности* федеральных округов (ФО) страны в борьбу за передовые позиции на рынке экономических исследований в виде отношения регионов, получивших ненулевой балл в РААР хотя бы по одному показателю, к числу всех регионов округа, то можно видеть определенное улучшение ситуации за 3 года (*табл. 3*). Например, из 8 федеральных округов только в Южном ФО ситуация незначительно ухудшилась; в остальных округах диверсификация успехов возрастала.

Подчеркнем, что проведенные расчеты вскрывают довольно неоднозначные процессы. С одной стороны, все ресурсы рынка экономических исследований все явственнее группируются в небольшом числе регионов-лидеров, с другой — все больше регионов-аутсайдеров «выстреливают» одиночными достижениями. Последнее обстоятельство позволяет надеяться, что со временем

Таблица 3

Коэффициент вовлеченности федеральных округов*

Федеральный округ	2013	2014	2015
Центральный ФО	38,9 (7/18)	44,4 (8/18)	72,2 (13/18)
Северо-Западный ФО	18,2 (2/11)	27,3 (3/11)	36,4 (4/11)
Южный ФО**	66,7 (4/6)	37,5 (3/8)	62,5 (5/8)
Северо-Кавказский ФО	28,6 (2/7)	28,6 (2/7)	57,1 (4/7)
Поволжский ФО	71,4 (10/14)	71,4 (10/14)	85,7 (12/14)
Уральский ФО	50,0 (3/6)	50,0 (3/6)	50,0 (3/6)
Северный ФО	50,0 (6/12)	66,7 (8/12)	66,7 (8/12)
Дальневосточный ФО	33,3 (3/9)	11,1 (1/9)	44,4 (4/9)

* — в скобках приведено отношение «активных» регионов к их общему числу в округе.

** — включая г. Севастополь и Республику Крым.

локальные достижения провинции станут более масштабными и превратятся в устойчивую деятельность полноценных научных школ соответствующих регионов.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что пока процесс концентрации научных сил явно преобладает над отдельными попытками регионов войти в передовое научное пространство.

5. Региональные рынки журналов и вузов: продолжение коллапса. Для уяснения происходящих процессов рассмотрим более подробно рынки журналов и вузов, на которых происходили заметные олигопольные сдвиги.

В частности, обращает на себя внимание тот факт, что в 2013 и 2014 гг. все передовые экономические журналы были сосредоточены в 9 регионах, а в 2015 г. — в 8. Следовательно, концентрация рынка увеличилась, хотя HHI в 2015 г. немного уменьшился по сравнению с 2014 г. (см. *табл. 2*). Данное противоречие означает следующее: емкость рынка «активных» регионов, в которых выпускались ведущие журналы по экономике, сократилась с 9 до 8, но при этом среди оставшихся 8 регионов распределение потенциала журналов стало более равномерным и конкуренция между ними возросла. Иными словами, ослабление конкуренции за ведущие научные журналы в масштабе всего российского пространства шло параллельно с ростом конкуренции среди ядра «активных» регионов.

Рассмотрение состава «активных» регионов в динамике позволяет увидеть, что он был не слишком стабильным (*табл. 4*). Только 5 регионов постоянно входили в число «активных», тогда как остальные выпадали из списка лидеров. Таким образом, из 8–9 «активных» регионов только 5 демонстрировали по-настоящему стабильный успех (в *табл. 4* они помечены более темным цветом). Именно эти 5 регионов и образуют передовое региональное ядро научного пространства России; именно в этих субъектах федерации сосредоточены лучшие экономические журналы страны и, следовательно, именно в эти регионы стекается вся самая ценная информация в области экономической науки. Если же учесть, что идентифицированное региональное ядро составляет всего лишь 5,9% от общего числа регионов России, то можно утверждать следующее: региональный рынок журналов страны постепенно деградирует, а подавляющее большинство регионов не в состоянии даже включиться в борьбу за право считаться передовой научной площадкой.

Таблица 4

Состав «активных» регионов России, в которых издаются передовые экономические журналы

2013	2014	2015
г. Москва	г. Москва	г. Москва
г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург
Новосибирская область	Новосибирская область	Новосибирская область
Ростовская область	Ростовская область	Ростовская область
Свердловская область	Свердловская область	Свердловская область
Волгоградская область	Иркутская область	Иркутская область
Московская область	Тюменская область	Тюменская область
Брянская область	Орловская область	Хабаровский край
Кемеровская область	Республика Удмуртия	–

Таблица 5

Динамика рынка высших экономических школ

Показатель	2013	2014	2015
Число «активных» регионов	36	35	25
Число вузов в РВЭШ	127	76	57

Похожую тенденцию к концентрации демонстрировали и высшие экономические школы (вузы), которые за рассматриваемые три года группировались во все меньшем количестве регионов (*табл. 5*). Так, если в 2013 г. ядро «активных» регионов, в которых присутствовали передовые вузы, вошедшие в РВЭШ, составляло 42,3% от числа всех регионов, то в 2015 г. оно сократилось до 29,4%. Таким образом, больше 2/3 всех регионов страны оказалось «выключено» из конкуренции за наличие передовых вузов, проводящих экономические исследования.

Столь драматичные сдвиги на региональном рынке вузов произошли в основном из-за сокращения общего числа вузов, способных конкурировать на страницах передовых экономических журналов страны. Так, за два года — с 2013 по 2015 г.— число вузов, фигурировавших в ведущих российских журналах по экономике, сократилось в 2,2 раза. Это означает, что сотрудники провинциальных университетов все активнее вытесняются со страниц самых престижных изданий России экономистами из наиболее известных и престижных вузов страны преимущественно столичного происхождения. Данный процесс несущественно ослабляется, если учесть тот факт, что некоторые столичные вузы имеют филиалы во многих регионах страны и тем самым их успехи отчасти принадлежат регионам. Однако учет этого обстоятельства не меняет общего положения дел. Таким образом, рынок ведущих высших экономических школ России также активно сжимается, а конкуренция между ними становится уделом немногих наиболее преуспевающих вузов. В данном случае особо следует отметить масштаб и скорость происходящих процессов — всего за два года ядро «активных» регионов сжалось на треть. Это не может ни настораживать.

Подобное положение дел отчасти явилось прямым следствием проводимой в последние годы Правительством РФ научно-технической политики. Наделение вузов особыми статусами (ведущий классический, федеральный, национальный исследовательский университет и т.п.) и включение их в специальные государственные программы (например, «5–100») спровоцировало

дифференциацию в их научной результативности. Рядовые провинциальные вузы уже практически не в состоянии конкурировать со столичными грандами, которые зачастую еще обладают и соответствующей специализацией. Параллельно процессы концентрации передовых журналов и вузов в ограниченном числе регионов оказались сопряженными и взаимоподдерживающими. Например, крупные столичные вузы экономического профиля выпускают общероссийские экономические журналы, на страницах которых естественным образом доминируют сотрудники материнского вуза.

Чуть лучше обстоит ситуация с региональным рынком наиболее активных экономистов страны — в 2015 г. он охватывал 46 регионов. Это почти в 2 раза лучше ситуации с вузами и почти в 6 раз — с журналами. Однако и в этом случае почти половина российского пространства устранена из процесса конкуренции за передовые кадры. Среди наиболее успешных регионов фигурируют Москва, Воронежская область, Санкт-Петербург, Новосибирская область, Краснодарский край и др.

Более высокая активность рынка экономистов объясняется простым фактом: активные ученые даже в провинции могут проводить интересные исследования и посылать свои статьи в престижные столичные журналы; этот процесс зависит целиком и полностью от самих исследователей и не требует дополнительных ресурсов. В этом смысле рынок экономистов является самым демократичным и конкурентным, хотя и его характеристики в целом являются неудовлетворительными.

6. Заключение. Проведенный анализ данных РААР за 2013–2015 гг. со всей очевидностью показал катастрофичное «схлопывание» рынка экономических исследований. Идентифицированный коллапс проявляется в том, что все большее число регионов страны исключается из конкуренции на всех трех рассмотренных рынках — экономистов, журналов и вузов. Этот процесс равносилен постепенному разрушению научных школ в провинции и ресурсному оголению большинства регионов страны, что делает невозможным дальнейшее наращивание их научного потенциала. Учитывая, что экономическая наука идет в авангарде социального знания, коллапс регионального рынка экономических исследований может отрицательно сказаться на понимании возникающих в регионах проблем, качестве региональных стратегий и программ развития, а также на разработке адекватных ответов на социально-политические вызовы.

Несмотря на угрожающий характер рассмотренных тенденций, некоторые регионы до сих пор обладают определенным потенциалом для развития на своей территории современного экономического знания. Для этого необходимы современные подходы к управлению научным потенциалом вузов и научных организаций, отрицающие распыление кадровых и финансовых ресурсов. Однако правильное использование этих подходов — прерогатива местных руководителей научных коллективов.

Литература

1. Рейтинг академической активности и популярности экономистов России / Неэргодическая экономика, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://nonerg-econ.ru/cat/18/7/.
2. Рейтинг ведущих экономических журналов России / Неэргодическая экономика, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://nonerg-econ.ru/cat/18/8/.
3. Академический рейтинг высших экономических школ России / Неэргодическая экономика, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://nonerg-econ.ru/cat/18/9/.
4. Золотой рейтинг академической активности и популярности экономистов России/ Неэргодическая экономика, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://nonerg-econ.ru/cat/18/57/.
5. Рейтинг академической активности регионов России (экономика) / Неэргодическая экономика, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://nonerg-econ.ru/cat/17/70/.
6. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Опыт составления рейтинга российских экономических журналов // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 99–115.
7. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Рейтингование участников российского рынка экономических исследований // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 3, С. 102–121.
8. Балацкий Е. В., Юревич М. А. Несбалансированность наукометрических РИНЦ-показателей российских экономистов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2 (30). С. 176–180.

References

1. Rating of academic activity and the popularity of Russian economists [Reyting akademicheskoy aktivnosti i populyarnosti ekonomistov Rossii / Nejergodicheskaja jekonomika], 2015. Available at: http://nonerg-econ.ru/cat/18/7/ (in Russian).
2. Rating of leading economic magazines in Russia [Reyting vedushchikh ekonomicheskikh zhurnalov Rossii / Nejergodicheskaja jekonomika], 2015. Available at: http://nonerg-econ.ru/cat/18/8/ (in Russian).
3. Academic rating higher schools of Economics in Russia [Akademicheskiy reyting vysshikh ekonomicheskikh shkol Rossii/ Nejergodicheskaja jekonomika]. Available at: http://nonerg-econ.ru/cat/18/9/.
4. Gold rating of academic activity and the popularity of Russian economists / Nonergodic economy, 2015 [Zolotoy reyting akademicheskoy aktivnosti i populyarnosti ekonomistov Rossii]. Available at: http://nonerg-econ.ru/cat/18/57/ (in Russian).
5. Rating of academic activity of Russian regions (Economics)/ Nonergodic economy [Reyting akademicheskoy aktivnosti regionov Rossii (ekonomika) / Nejergodicheskaja jekonomika], 2015. Available at: http://nonerg-econ.ru/cat/17/70/ (in Russian).
6. Balatsky E.V., Ekimova N.A. The experience of ranking Russian economic journals [Opyt sostavleniya reytinga rossiyskikh ekonomicheskikh zhurnalov]. *Voprosy Ekonomiki — Economic Issues*, 2015, no. 8, pp. 99–115 (in Russian).
7. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Ranking participants of the Russian market of economic research [Reytingovanie uchastnikov rossiyskogo rynka ekonomicheskikh issledovaniy]. *Journal of Institutional Studies — Journal of Institutional Studies*, 2015, vol. 7, no. 3, pp. 102–121 (in Russian).
8. Balatsky E.V., Urevich M.A. Imbalance scientometric RISC-indicators, Russian economists [Nesbalansirovannost' naukometricheskikh RINTs-pokazateley rossiyskikh ekonomistov]. *Journal of New Economic Association — Journal of the New Economic Association*, 2016, no. 2 (30), pp. 176–180 (in Russian).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 21 апреля 2015 г.) / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. 256 с.

ISBN 978-5-7942-1370-6

Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции включает тезисы докладов ведущих ученых России и представителей других стран, которые разрабатывают темы, имеющие непосредственное отношение к исследованию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как нового интеграционного объединения, они излагают свою точку зрения на тенденции и перспективы его развития в контексте имеющегося опыта европейской интеграции.

Рекомендуется для преподавателей и специалистов, занимающихся интеграционными проблемами современной экономики, особенно стран ЕАЭС, различными аспектами евразийской и европейской экономической интеграции, а также для аспирантов и докторантов, представителей государственной власти стран — участниц ЕАЭС и общественных организаций.

Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений и соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы.

Сборник подготовлен по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финуниверситета 2015 года.

УДК 338.242.4.025.87
JEL N14; N44; H13

Истоки огосударствления экономики и его последствия

НУРЕЕВ РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ,
д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Департамента экономической теории, Финансовый университет, ординарный профессор НИУ ВШЭ, Москва, Россия
nureev50@gmail.com

Аннотация. В ходе Первой мировой войны происходит огосударствление экономики воюющих стран. Война оказалась чрезвычайно долгой и разрушительной, что явилось неожиданностью для всех стран, участвующих в войне. Опыт прошлых войн (франко-прусской, балканских) заставлял ожидать обратного. Однако достигнутый высокий уровень военной техники не позволял получать быстрых военных успехов на фронтах Первой мировой войны. Правительствам воюющих стран для мобилизации ресурсов пришлось использовать командные методы регулирования экономики вместо рыночных. В Германии и Великобритании этот процесс охватил не только промышленность, но и сельское хозяйство. Этот опыт означал начало перехода от чисто рыночной экономики к смешанной и оказался чрезвычайно заманчивым для большевиков при строительстве новой экономики в советской России. Практика военного коммунизма показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит формирование административно-командной системы.
Ключевые слова: капиталистическая мир-система; Первая мировая война; огосударствление экономики; милитаризация труда; смешанная экономика; командная экономика; военный коммунизм; продразверстка.

The Origins of Economic Environment and its Consequences

NUREEV R. M.,
Doctor of Economics, Professor, Scientific director of the Department of Economics, Financial University, Moscow, Tenured Professor of HSE
nureev50@gmail.com

Abstract. During the First World War, nationalization of the economy of the belligerent countries takes place. The war was extremely long and devastating. This was a surprise for all belligerent countries. The fact is that the experience of past wars (Franco-Prussian, Balkan) made me expect the opposite. However, the high level of military equipment achieved did not allow us to receive rapid military successes on the fronts of the First World War. To mobilize resources, the governments of the belligerent countries were forced to abandon the market methods of regulating the economy in favor of the command. In Germany and Great Britain, this process covered both industries and agriculture. This experience meant the beginning of the transition from a purely market economy to a mixed one and proved extremely tempting for the Bolsheviks in the construction of a new economy in Soviet Russia. The practice of "military communism" showed the extraordinary possibilities of administrative-command methods of government. During the period of forced industrialization and complete collectivization, an administrative-command system is being formed.
Keywords: capitalist world-system; World War I; nationalization of the economy; militarization of labor; mixed economy; command economy; military communism; surplus-appropriation.

Соперничество в капиталистической мир-экономике

В соответствии с концепцией Иммануила Валлерстайна, капитализм развивается не как совокупность национальных экономик, а как мировая система [1].

Капиталистическая мир-система (КМС) делится на три зоны: ядро, периферию и субпериферию. Отношения между зонами неравноправны — страны ядра угнетают и эксплуатируют периферию. КМС развивается в едином ритме циклов Н.Д. Кондратьева. Между странами ядра идет борьба за лидерство. Голландия доминировала в XVII в., Великобритания захватила лидерство в XIX в., а после Первой и Второй мировых войн лидерство в XX в. перешло США (*рис. 1*).

В ходе развития мировой капиталистической системы действует закон неравномерности экономического и политического развития. Его действие особенно ярко проявилось в конце XIX — начале XX в., когда молодые капиталистические страны Германия и США стали развиваться более быстрыми темпами. Темпы роста промышленного производства в Германии в 1880–1900 гг. опережали темпы развития Франции более чем в 2 раза и темпы развития Великобритании — более чем в 3 раза (*табл. 1*). И хотя в начале XX в. они несколько снизились, но по-прежнему были заметно выше, чем в старых центрах капитализма.

В результате по добыче угля Германия догнала Великобританию уже перед Первой мировой войной, а по выплавке стали — превосходила ее более чем в 2 раза (*табл. 2*). Поскольку молодые капиталистические страны опоздали к разделу мира, стремление осуществить его передел стало одной из главных причин Первой мировой войны.

Первая мировая война и ее экономические последствия

В ходе Первой мировой войны происходит стремительное огосударствление экономики воюющих стран. Война оказалась чрезвычайно долгой и разрушительной. Это стало неожиданностью для всех воюющих стран. Дело в том, что опыт прошлых войн (франко-прусской, балканских) заставлял ожидать обратного. Однако достигнутый высокий уровень военной техники не позволял получать быстрых военных успехов на фронтах Первой мировой войны.

Для мобилизации ресурсов правительства воюющих стран вынуждены были отказаться от рыночных методов регулирования экономики в пользу командных. В Германии и Великобритании этот процесс охватил как отрасли промышленности, так и сельского хозяйства.

В Германии уже в августе 1914 г. был создан военно-сырьевой отдел при военном министерстве, а в 1915 г. началось принудительное индицирование отраслей (угольной, обувной, табачной и др.). С 1916 г. стал реализовываться «план Гинденбурга». В Великобритании с 1914–1915 гг. начинается введение госконтроля на транспорте и военных заводах, в 1915 г. создается министерство вооружений, а в 1917 г. вводится госконтроль над угольной промышленностью (*табл. 3*).

Огосударствление коснулось и сельского хозяйства. В Германии в феврале 1915 г. была введена хлебная норма, а в 1916 г.— карточки на продукты и одежду, началась «продразверстка». В Великобритании с 1916 г. началось нормирование продуктов, а в 1917 г. была введена государственная закупка сельскохозяйственной продукции. В 1917 г. паек солдата был рассчитан:

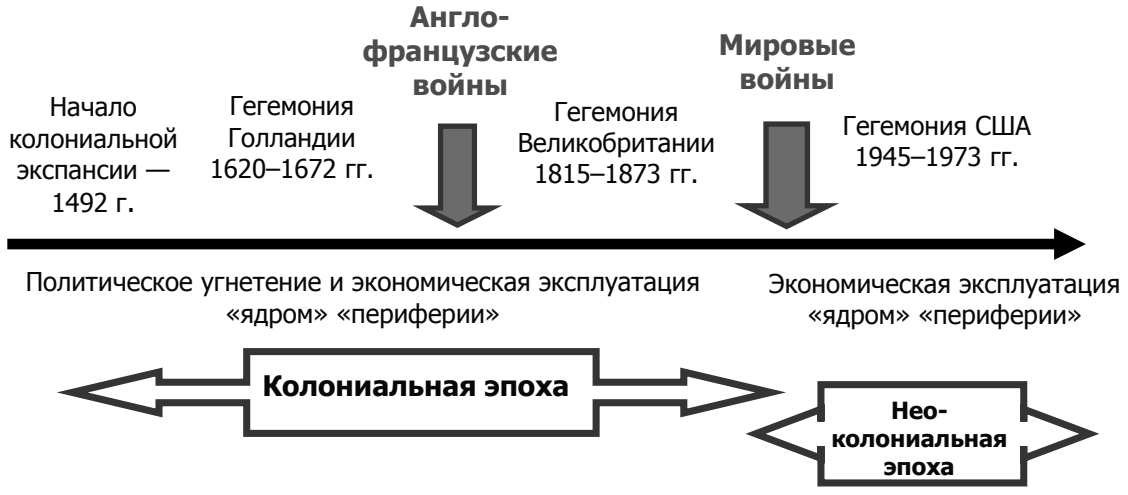

Рис. 1. **Эволюция капиталистической мир-экономики в XV–XX вв.**

Таблица 1

Темпы роста промышленного производства, %

СТРАНА	1860–1880 гг.	1880–1900 гг.	1900–1913 гг.
Великобритания	2,4	1,7	2,2
Франция	2,4	2,4	3,7
Германия	2,7	5,3	4,4

Источник: [2].

Таблица 2

Доля стран в мировом производстве и торговле, %

СТРАНА	Добыча угля		Выплавка стали		Мировая торговля	
	1881–1890	1911–1913	1881–1890	1911–1913	1886–1890	1909–1913
Великобритания	39	22	32	10	20	16
Франция	5	3	7	6	11	9
США	26	38	31	42	11	12
Германия	18	20	18	23	12	14

Источник: [3].

германского на 2500 калорий в день, британского — на 3800, а американского — на 4200.

Важной чертой огосударствления экономики стала милитаризация труда. В июне 1915 г. в Великобритании был издан закон «О военном снабжении» (запрет стачек и др.). Еще дальше пошла Германия, где в декабре 1916 г. была введена трудовая повинность для мужчин 17–60 лет [4].

Перед войной (в 1914 г.) США имели чистый долг перед странами Западной Европы в 3 млрд долл. США: 5,5 млрд — инвестиции европейцев в американские ценные бумаги, 2,5 млрд — капиталы США в других странах).

К 1919 г. США впервые стали чистым кредитором. Великобритания была чистым кредитором до войны, но отказ России платить долги превратил ее в должника. Германия и другие проигравшие страны не имели долгов, так как не имели доступа к основному рынку капитала (США), но должны были заплатить огромные репарации [5].

После войны союзники должны были США 10,4 млрд долл. США. К 1921 г. европейская задолженность США достигла 15 млрд долл. США.

По абсолютным величинам и, прежде всего, по количеству погибших Россия занимает 1-е место (*табл. 4*). Однако Россия обладала огромными людскими ресурсами, поэтому ***относительные потери России*** по сравнению с другими странами выглядят более скромными. Доля мобилизованных мужчин в возрасте 15–49 лет в России была наименьшей. Она составляла всего 39% от мужчин данной возрастной группы, тогда как в Англии эта доля была 50%, в Италии — 72%, в Австро-Венгрии — 74%, во Франции — 79%, а в Германии — 81%. Поэтому на каждую тысячу мобилизованных в России приходилось лишь 115 убитых и умерших, тогда как в Австрии — 122, в Англии — 125, в Германии — 154, а во Франции — 168 человек. На каждую 1000 мужчин в возрасте 15–49 лет Россия потеряла 45 человек, в то время как Англия — 62, Австрия — 90, Германия — 125, а Франция — 133 [6].

В результате Первой мировой войны происходят качественные изменения в капиталистической мир-системе. Они выразились:

- ***в начале смены лидерства в ядре:*** ослаблении Великобритании, возвышении США;
- ***в вызове странам ядра со стороны периферии:*** образовании советской России, усилении Японии, подъеме национально-освободительных движений (Турция, Мексика, Индия);
- ***в переходе к смешанной экономике:*** росте государственной собственности, усилении государственного регулирования экономики.

Остановимся на последнем вопросе немножко подробнее.

Таблица 3

Командные экономики военного времени (1914–1918)

Направления огосударствления экономики	В Германии	В Великобритании
Огосударствление промышленности	Август 1914 г. — создан военно-сырьевой отдел при военном министерстве. 1915 г. — принудительное синдицирование (угольная, обувная, табачная промышленность и др. отрасли) 1916 г. — «план Гинденбурга»	1914–1915 гг. — введение госконтроля на транспорте и военных заводах. 1915 г. — создание министерства вооружений. 1917 г. — введение госконтроля над угольной промышленностью
Огосударствление сельского хозяйства	Февраль 1915 г. — введена хлебная норма. 1916 г. — введены карточки на продукты и одежду; началась «продразверстка»	1916 г. — нормирование продуктов. 1917 г. — введена государственная закупка сельскохозяйственной продукции
Милитаризация труда	Декабрь 1916 г. — введена трудовая повинность для мужчин 17–60 лет	Июнь 1915 г. — закон «О военном снабжении» (запрет стачек и др.)

Таблица 4

Сальдо долгов и количество погибших

СТРАНА	Внешний долг, млрд ф. ст.			Количество погибших, млн чел
	Актив	Пассив	Баланс	
США	1,9	0	1,9	0,04
Великобритания	1,7	0,8	0,9	0,49
Франция	0,4	1,1	–0,7	0,98
Россия	0	0,8	–0,8	1,7

Источник: [5].

Переход к смешанной экономике

Переход к смешанной экономике привел к тому, что во всех странах мира и, прежде всего, в США и Великобритании усилилось вмешательство государства в экономику. На *рис. 2* показана динамика расходов правительства США с 1791 по 2011 г. Каждая крупная война (гражданская, Первая и Вторая мировые войны) способствовали заметному росту государственных расходов. Они поднимаются как бы на новый уровень и вернуть их к прежнему, несмотря на многочисленные попытки, оказывается фактически невозможно. Если до гражданской войны расходы правительства (за исключением англо-американской войны 1812–1815 гг.) не превышали 2%, то после гражданской войны (во время которой в 1865 г. они составили 14,46%) расходы поднялись почти до 4%. После Первой мировой войны (к концу которой в 1919 г. расходы составили 23,44%) они опять поднялись на новый уровень, который подстегнула Великая депрессия.

Еще большее влияние оказали Первая и Вторая мировые войны на динамику расходов правительства Великобритании (*рис. 3*). Если до Первой мировой войны они, как правило, не превышали 18–19%, то после войны были уже на уровне 27–28%. Следующим существенным подъемом стала Вторая мировая война, после которой расходы уже колебались вокруг 40%-ной отметки.

Уинстон Черчиль назвал период с 1914 по 1944 г. «второй тридцатилетней войной», подчеркивая тем самым зависимость между изменениями, произошедшими в годы Первой мировой войны, годами Великой депрессии и Второй мировой войны. Следствием неравномерности экономического развития в начавшемся процессе глобализации и либерализации стала Первая мировая война. Попытка восстановить монетарную систему, разрушенную в годы Первой мировой войны, привела к Великой депрессии, а она, в свою очередь, к развитию нацизма и Второй мировой войне. Основными чертами

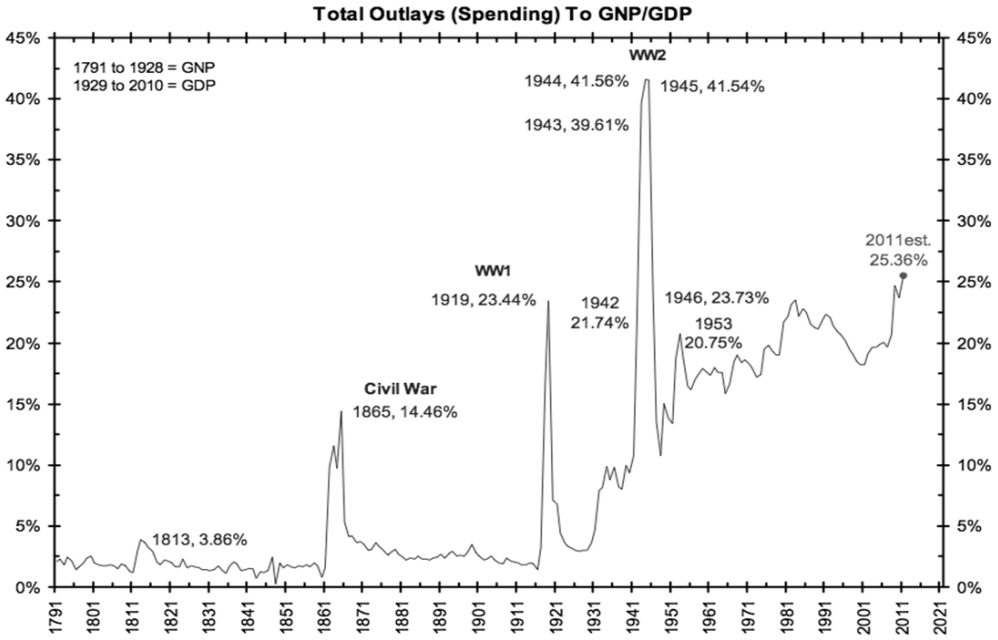

Рис. 2. **Расходы правительства США с 1791 по 2011 г., в % к ВНП/ВВП**

Источник: [7].

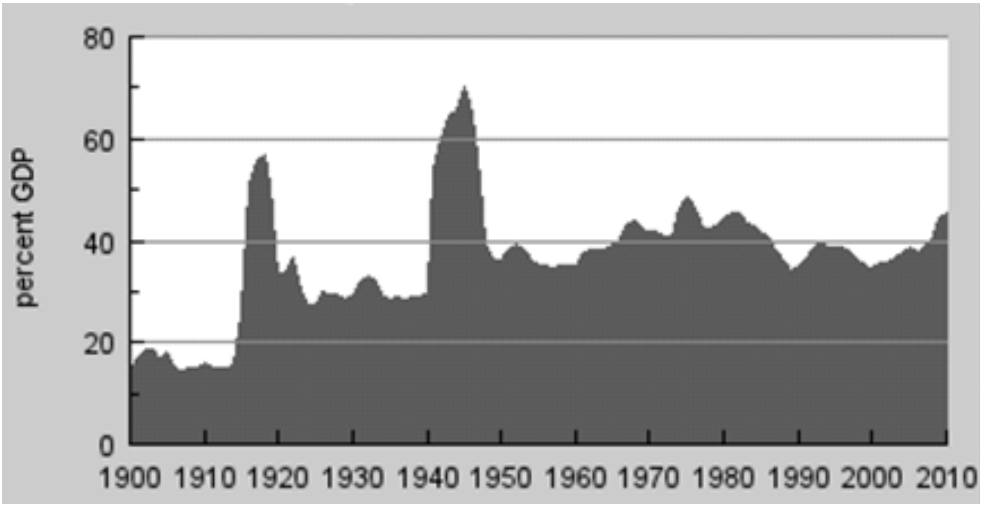

Рис. 3. **Расходы правительства Великобритании с 1900 по 2010 г., в % к ВВП**

Источник: [8].

существовавших до Первой мировой войны финансовых систем было:

- множество частных коммерческих банков;
- финансируемая в основном экспортом открытая экономика;
- приверженность золотовалютному стандарту;
- ограниченное влияние государства;
- отсутствие глобальных финансовых институтов.

Результатом желания государства защитить банки от различных рисков стало создание неустойчивой банковской системы и, как следствие, рост бедности и экономическая нестабильность, ярким проявлением которой стала высокая инфляция. Все это способствовало разрушению той институциональной базы, на которой основывалась прежняя мировая экономика.

Появление трех центральных банков (Федеральной резервной системы, Европейского центрального банка и Банка Японии) способствовало существенному уменьшению уровня инфляции. Изменение в регулировании банковской системы, национализация цен-

тральных банков и ограничение их функций, а также защита банков от риска (как обязанность государства), введенная в США в 1934 г., постепенно распространились по всему миру. Монетарная политика как в США, так и во всем мире потеряла свою ориентированность на долгосрочный период. Попытка реализовать Бреттон-Вудское соглашение привела к рождению Международного валютного фонда и Всемирного банка, которые стали активными участниками формулировки решения макро- и микроэкономических проблем как в развитых, так и в развивающихся странах. Тем не менее нестабильность банковского сектора привела к замедлению развития. Поддержка МВФ способствует тому, что неплатежеспособные и рисковые банки заимствуют средства, что приводит к кризисам в Мексике, ряде азиатских стран и России.

Были ли возможны такие институциональные изменения в 1914–1944 гг.? Предложение золота настолько ограничено, что даже без влияния этих шоков от политики золотомонетного стандарта пришлось бы отказаться. Сторонники политического детерминизма полагают, что нарушение обязательств долгосрочной монетарной политики является неминуемым результатом распространения демократии и ее давления на политическую жизнь общества.

Страхование вкладов, изменение роли банковской системы по всему миру, создание МВФ и Всемирного банка были институциональными изменениями, причинами которых являлись шоки. Несомненно, что финансовые институты, существующие в современном мире, во многом были определены особой историей так называемой Второй тридцатилетней войны.

Следует подчеркнуть, что финансовая система, сложившаяся после 1914–1944 гг., не статична. Все меняется в современном мире в условиях обостряющихся процессов глобализации. Некоторые реформы в современной экономике сложно не только предсказать, что и определить. Но, возможно, именно они станут теми шоками, которые повлияют на экономическую историю в будущем.

Опыт Первой мировой войны и попыток выйти из Великой депрессии означал начало перехода от чисто рыночной экономики к смешанной и оказался чрезвычайно заманчивым для большевиков при строительстве новой экономики в советской России.

Военный коммунизм

Еще до революции, в сентябре 1917 г., В.И. Ленин формулирует основные принципы, ведущие к огосударствлению экономики. В условиях надвигающегося голода и полной бездеятельности правительства он выдвигает идею национализации банков, синдикатов, отмены коммерческой тайны, принудительного объединения в союзы, государственного регулирования потребления. Тем самым создаются предпосылки для будущего социалистического огосударствления экономики под предлогом борьбы с финансовым крахом.

Неслучайно после Октябрьской революции 1917 г. была предпринята прямая попытка перехода к военному коммунизму. Военный коммунизм представлял собой попытку применения в интересах победившего пролетариата отдельных форм государственно-монополистического регулирования в стране «средне-слабого» капитализма. Октябрьская революция создала условия для формального обобществления производства: замены частной собственности на средства производства государственной и ведения производства по общему плану в интересах всего общества. В экстремальных условиях, созданных Первой мировой и гражданской войнами, стала необходима централизованная продовольственная диктатура. Военный коммунизм покоился на двух китах: централизованной продовольственной диктатуре и милитаризации труда.

Централизованная продовольственная диктатура выразилась в Декрете о продразверстке, согласно которому крестьян обязали сдавать государству «излишки», т.е. все, что превышало 12 пудов зерна на едока, необходимых ему для посева и еды. Наркомпрод распределял собранное продовольствие и сельскохозяйственное сырье по губерниям.

Милитаризация труда выражалась в том, что мобилизованным оказалось все взрослое население страны. Призыву подлежали мужчины и женщины в возрасте от 18 до 40 лет; детский труд (с 14 лет) использовался как исключение; женщины с четырьмя и более детьми освобождались от всеобщей трудовой повинности. Мобилизация осуществлялась по годам рождения, через биржи труда и специальные агентства Главкомтруда [9]. Однако с самого начала возникло дезертирство. На IX съезде РКПб Л.Д. Троцкий говорил о том, что из 1150 тысяч рабочих 300 тысяч уже дезертировали. Главной причиной дезертирства была низкая оплата труда. Лишь в Москве, по данным Госкомтруда, она составляла 50% физиологического минимума, тогда как в других городах — лишь 23%. Она предопределила рост нелегального рыночного сектора. Поэтому уже в условиях военного коммунизма возникает дихотомия натурального государственного централизованного сектора и партикулярного рассеянного рынка, которая стала типичной чертой социализма, а также

Таблица 5

Двойной дуализм советской экономики

	Командная экономика (редистрибутивный продуктообмен)	Рыночная экономика (рыночный товарообмен)
Легальная экономика	Плановое хозяйство	Колхозные рынки и др.
Нелегальная экономика	«Клановый социализм»	Неформальный сектор

Источник: [10].

дуализм легальной и нелегальной экономики (*табл. 5*).

Политика НЭПа способствовала возрождению рыночных отношений, однако попытка перехода к военному коммунизму не прошла бесследно. Ведь именно в этот период рабочий контроль и учет впервые перерос в систему государственного регулирования производства, произошло создание основ будущей иерархической системы управления. Практика военного коммунизма показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. Их первоначально пропагандировал Л.Д. Троцкий и фактически взял на вооружение И.В. Сталин. В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит формирование административно-командной системы.

Становление административно-плановой системы

В конце 20-х гг. началось чрезмерное (не основанное на реальном уровне обобществления производства) огосударствление экономики. Вытеснение частного сектора осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами. Чрезвычайные меры становились не исключением, а правилом, способствуя формированию административно-командной системы. Стихийные рыночные механизмы, казалось, слишком медленно создают условия для нового общества. Революционное нетерпение молодого рабочего класса было умело использовано И.В. Сталиным и его ближайшим окружением. Псевдореволюционные призывы, авантюристические обещания построить светлое социалистическое общество всего за несколько лет упорного труда сделали свое дело [11].

В действительности же попытки повысить темпы роста усилили диспропорции в экономике и способствовали падению темпов роста развития и началу омертвления огромных средств в незавершенном производстве.

Насилие по отношению к сельскому хозяйству вело к падению валовых сборов и урожайности зерновых и технических культур, к резкому сокращению производства продукции животноводства и поголовья скота.

В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации осуществляется второе (после военного коммунизма) насильственное свертывание товарно-денежных отношений. Планомерная форма ведения хозяйства отрицает товарную. Однако такое отрицание предполагает, что товарная уже полностью исчерпала свои возможности и заложенные в ней потенции. К сожалению, в конце 20-х гг. это было далеко не так. Фактически свертывание товарно-денежных отношений сопровождалось не только развитием планомерной формы, но и частичной натурализацией экономики. Возникла такая своеобразная система, которую А.А. Богданов удачно назвал «объединенным натуральным хозяйством». Функции экономического координатора в этой системе объективно должен взять на себя государственный аппарат. Роль его по отношению к обществу неизмеримо возрастала, что объективно дает повод для аналогии с азиатским способом производства. Проведение сплошной коллективизации привело к резкому снижению сельскохозяйственного производства (*табл. 6*). Фактически первая пятилетка была более или менее выполнена лишь по одному показателю — размеру посевных площадей зерновых. Все качественные показатели выполнены не были. Особенно большой урон был нанесен животноводству. Поголовье крупного рогатого скота сократилось на треть, а мелкого — в 2 раза. В результате резко сократилось производство мяса, молока и яиц.

Директивное планирование фактически оказалось возрождением (на государственном уровне!) натуральных форм ведения хозяйства при значительном ограничении и существенной деформации рыночных отношений. Естественно, что возникший симбиоз не был простым воспроизведением ни натуральных форм регулирования экономики, типичных для азиатского способа производства, ни рыночных отношений, характерных для простого товарного хозяйства. Иным был уровень экономического развития. Тем не

Таблица 6

Сельскохозяйственное производство в первой пятилетке

	1928	1932/1933 (по 5-летнему плану)	1932
Все посевные площади, млн га	113	141,3	134,4
в том числе посевные площади зерновых, млн га	92,2	111,4	99,7
Валовый сбор, млн т			
зерновых	73,3	105,8	69,9
хлопка-сырца	0,79	1,91	1,27
сахарной свеклы	10,1		6,6
Урожайность, ц/га			
зерновых	7,9	Повысить на 35%	7
сахарной свеклы	132		43
хлопчатника	8,1		5,9
льноволокна	2,4		2
картофеля	82		71
овощей	132		79
Поголовье скота, млн голов			
лошади	32,1	около 38	21,7
крупный рогатый скот	60,1	80,9	38,3
в том числе коровы	29,3	35,5	22,3
свиньи	22	34,8	10,9
овцы	97,3		43,8
Производство			
мясо, млн т	4,9		2,8
молоко, млн т	31		20,6
шерсть, тыс. т	182		69
яйца, млрд шт.	10,8		4,4

менее не следует забывать, что в переходный период политика приобретает известную самостоятельность, роль субъективного фактора возрастает. До известных пределов она может «абстрагироваться» от экономических закономерностей, диктуемых производственным базисом. Она в определенной мере сама оказывается творцом условий своего существования и воспроизводства. Неудивительно поэтому, что политические авантюристы, игнорирующие существующую в стране материально-техническую базу, могут принимать отнюдь не оптимальные решения и приводить в жизнь далеко не самую эффективную, с экономической точки зрения, политику. Ошибочность принятых программ обнаруживается при этом далеко не сразу.

Новоявленная авторитарная власть находит опору в жестком централизме и мелочном администрировании. Разрушению товарных связей способствовала как внешняя обстановка (капиталистическое окружение), так и внутренняя (необходимость создания собственной тяжелой индустрии как базы оборонной промышленности). Функция контроля и учета за общественным производством трансформируется в функцию организации и планирования развития системы в целом. Государственный аппарат регулирует связи между отдельными ячейками производства, определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени необходимо затратить на удовлетворение той или иной общественной потребности. Не закон стоимости, а планирующие органы государства решают, что, каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять. С ростом народнохозяйственного организма, однако, эта задача все более и более усложняется, происходит снижение качества составляемых балансов, падение темпов роста.

Для командно-административной системы характерна крайняя негибкость в принятии и исполнении решений. Механизм адаптации к новым условиям крайне несовершенен, быстрая реакция возможна только в условиях крайней опасности. По существу, управление происходит по принципу, описанному еще в 20-е гг. Л.Н. Крицманом и названному им «Ударный нос и неударный хвост». «К чему сводится наше „ударное" хозяйничанье? — писал Л.Н. Крицман. — Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной. „Все на имярек". Дело идет на лад. Но тут же, как только или еще до того, как с большими усилиями удается вытащить „ударный" нос, обнаруживается, что увяз „неударный" хвост. Хвост немедленно объявляется ударным, и история начинается сначала» [12].

Действительно, первоначально планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок. Определялись задания по важнейшим отраслям тяжелой промышленности (производству чугуна, стали, проката, электроэнергии и т.д.) и для их развития выделялись основные имеющиеся ресурсы. На удовлетворение нужд других отраслей шло то, что оставалось после решения первоочередных задач. По существу, довоенные и первые послевоенные пятилетки не были полностью сбалансированы и всегда содержали частичные диспропорции. Лишь в 1960–970-е гг. происходит переход к комплексному многовариантному планированию. Однако теперь на передний план выходят новые проблемы, возникшие с ростом масштабов народного хозяйства. В начале 1980-х гг. Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось более 12 млн наименований продуктов труда. В этих условиях балансы приобретают все более обобщенный характер, происходит понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавляется противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решает и межотраслевой баланс. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составляемый Госпланом, оказывается хронически консервативным.

Плановое хозяйство становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым. В начале 80-х гг. число ежегодно составляемых плановых показателей оценивалось в огромную величину — 2,7–3,6 млрд в том числе в центре утверждалось порядка 2,7–3,5 млн [13]. Большая часть этих показателей (до 70%) приходилась на распределение материалов и планирование поставок.

Любые технические нововведения, естественно, предполагают изменение ресурсного обеспечения, направления движения новой продукции, установления новых хозяйственных связей. Чем кардинальнее изобретение, тем сильнее логика сложившейся структуры. Административно-плановая система воспринимает их с большим опозданием и достаточно болезненно, будучи ориентированной фактически на простое воспроизводство. Потому что растет срок службы оборудования, постоянно снижается фондоотдача. Средний срок службы оборудования составлял в отечественной промышленности в 1989 г. 26 лет, превышая более чем в 2 раза существовавший официальный норматив. Фондоотдача снизилась с 1,29 в 1980 г. до 1,03 в 1989 г. [14]. Неудивительно, что происходило постоянное снижение темпов среднегодового прироста произведенного национального дохода. Если в 1976–1980 гг. они составляли 4,3%, то в 1981–1985 гг. — 3,2%, а в 1986–1989 гг. — всего лишь 2,7% [14]. Однако если элиминировать ценовой фактор и обратиться к натуральным показателям, то станет ясно, что действительные темпы роста были еще более скромными.

Это наглядно видно, если проанализировать не стоимостные, а натуральные показатели. Даже официальная статистика не в состоянии была скрыть застой, который царил в основных отраслях промышленности (*табл. 7*). Еще в большей степени это было характерно для сельского хозяйства, где среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур колебался в 1970-е — 1980-е гг. вокруг одного и того же уровня (*табл. 8*).

Торможению экономического развития способствовала и монополизация производств.

Процесс монополизации экономики начался уже в ходе форсированной индустриализации. Ее характерными чертами были широкое использование ручного труда, универсальной техники, опора на новое строительство.

Основным ресурсом был малоквалифицированный ручной труд, возникший в результате перехода трудовых ресурсов из деревни в город. Бывшие крестьяне и ремесленники быстро пополняли ряды рабочего класса. Этот фактор восполнял недостаток других ресурсов и определил особенности их использования. В частности, его приходилось учитывать при внедрении новой техники. Первичная индустриализация должна была широко использовать прежде всего такую технику, на которой могли работать привыкшие к простому физическому труду бывшие крестьяне. Этим условиям удовлетворяло универсальное оборудование. Оно предъявляло сравнительно невысокие требования к качеству рабочей силы и используемого сырья. Универсальное оборудование создавало пред-

Таблица 7

Производство некоторых видов промышленной продукции в натуральном выражении 1975–1989 гг., млн т

	1975	1980	1985	1989
Нефть, включая газовый конденсат	491	603	595	607
Уголь	701	716	726	740
Сталь	141	148	155	160
Прокат черных металлов	115	118	128	136
Железная руда	235	245	248	241
Цемент	122	125	131	140

Составлено по: [14, 15].

посылки для массового производства ограниченного числа стандартных изделий.

Индустриализация в СССР, как и во многих отставших странах, была направлена на преимущественное развитие первого подразделения. Было стремление создать прежде всего группу отраслей тяжелой индустрии как основу собственного машиностроения, собственной оборонной промышленности. В этих условиях наибольшее развитие получила не реконструкция существующих мощностей, а новое строительство. Оно было тем более необходимо, так как многие из создаваемых отраслей практически отсутствовали в царской России.

Широкий внутренний рынок и отсутствие конкуренции со стороны развитых капиталистических стран способствовали ориентации промышленности на внедрение универсальных технологий. Акцент делался на количестве, а не на качестве выпускаемых изделий. В самих технологиях не были заложены предпосылки для постоянного обновления выпускаемой продукции. Новые заводы и фабрики создавались как крупные предприятия-гиганты, монополисты в соответствующих отраслях и подотраслях.

Гигантомания имела свои причины. Она была продиктована не только общей ориентацией на будущее коммунистическое общество. В этом сказывалось и стремление реализовать экономические преимущества крупного производства над мелким. Учесть потребности крупного производства было легче и в народнохозяйственном планировании. Наконец, немаловажным обстоятельством являлось и то, что крупномасштабное строительство всегда заметно «сверху», оно могло быть по достоинству оценено вышестоящим начальством.

Отрицательные последствия гигантомании не заставили себя долго ждать. Ориентация на крупное производство не учитывала местные и региональные потребности, которые могли быть более эффективно удовлетворены мелкими и средними предприятиями. Недооценка мелкой механизации препятствовала повышению эффективности общественного труда. Создание предприятий-гигантов, не считающихся с интересами районов, областей и целых республик, обостряло проблему сочетания территориального и отраслевого развития. Игнорирование местных и национальных потребностей способствовало углублению дефицита товаров. Длительный период строительства заводов-гигантов, медленные сроки их окупаемости стали одной из важных причин инфляции. Ее углублению способствовала также ориентация на строительство предприятий первого подразделения. Неудивительно, что высокая монополизация производства затормозила в дальнейшем технический прогресс. Монопольные условия производства заводов-гигантов не ставили их перед необходимостью быстрого обновления выпускаемой продукции. Трудности, с которыми столкнулись предприятия, были иного рода — они были связаны не с проблемой реализации вышеуказанной продукции, а с проблемой обеспечения этого выпуска необходимыми ресурсами: сырьем и комплектующими изделиями.

Трудности материально-технического снабжения отражаются на функционировании государственных предприятий, возникает такое парадоксальное явление, когда в условиях углубляющегося разделения труда внутри каждого из предприятий нарастают натурально-хозяйственные тенденции. Это выражается в том, что основное производство обрастает комплексом дополнительных и вспомогательных производств, помогающих ему преодолеть (до известных пределов) проблемы материально-техниче-

Таблица 8

Среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур (во всех категориях хозяйства) в 1976–1989 гг., млн т

	1976–1980	1981–1985	1986–1989
Зерно	205	180,3	206,9
Хлопок-сырец	8,55	8,31	8,39
Сахарная свекла (фабричная)	88,7	76,4	88,9
Льноволокно, тыс. т	393	377	367
Картофель	82,6	78,4	74,4
Овощи	**26,3**	**29,2**	**29,2**

Составлено по: [14].

ского снабжения, снять остроту обеспечения рабочих продуктами питания. В результате многие предприятия предпочитают универсальное оборудование специализированному, что приводит к росту затрат при более низком качестве продукции. Происходит как бы «вторичная» универсализация производства. Увеличение вспомогательных служб и производств способствует разбуханию ремонтной базы, росту ручного и изменению характера инженерного труда. Главной функцией последнего становится обеспечение производства сырьем и материалами, а не разработка и внедрение новой техники. Текущие задачи по снабжению и оперативному управлению вытесняют перспективные, связанные с научно-техническим прогрессом. Неритмичность поставок ведет к возрастанию сверхнормативных запасов, достигших к концу 1980-х гг. 500 млрд руб. Сверхнормативные запасы являются не только фактором, обеспечивающим ритмичность производства в условиях несбалансированной экономики, но и ресурсом, который можно обменять на дефицитные средства производства. Развивается бартер.

Высокая монополизация была характерна для целых отраслей, что не могло не отразиться и на интересах управляющих ими министерств и ведомств. По мере укрепления их положения они приобретают свои интересы, нередко значительно отличающиеся от интересов как производителей, так и потребителей, общества в целом. Особенно наглядно это проявляется в торможении научно-технического прогресса.

Главными причинами торможения НТП были:

1) монопольный характер отраслевого производства;

2) слабая связь госбюджетного финансирования с конечными результатами деятельности научно-исследовательских и проектных организаций;

3) отсутствие экономической ответственности со стороны министерств и ведомств за деятельность подчиненных им отраслевых НИИ и т.д.

В обществе не сложился экономический механизм воспроизводства, основанный на оперативном внедрении достижений научно-технического прогресса. Инициатива идет, как правило, не «снизу», а «сверху». Это приводит к тому, что нередко внедряются далеко не оптимальные варианты.

При чрезмерном огосударствлении экономики отсутствует реальный потребитель, экономически заинтересованный и материально ответственный за внедрение достижений научно-технического прогресса в производстве. В условиях административной системы управления сферой НИОКР растет число работ, удовлетворяющих текущие интересы вышестоящих организаций в ущерб разработке приоритетных направлений в развитии науки и техники. Ускорению НТП препятствует сохраняющаяся многоступенчатость и сложность принятия ответственных управленческих решений, чрезмерная длительность согласования с другими министерствами и ведомствами межотраслевых проблем, возникающих в ходе изготовления новой техники. В результате 85% внедренных изобретений существуют лишь в рамках одного предприятия, 14,5% — на двух и только 0,5% изобретений внедрены на 3–5 предприятиях [16].

Многие предприятия и не заинтересованы в распространении тех достижений, которые позволяют им получать монопольные сверхприбыли. Торможение технического прогресса и сознательное ограничение производства (с тем, чтобы получить напряженный план) закономерно рождает экономику дефицита, которая наглядно демонстрирует ограниченность чрезмерного огосударствления советской экономики.

Литература

1. Wallerstein I. The Modern World-System. 1974, T. I; 1988, T. II; 989, T. III 1.
2. Дидерикс Г.А., Линдблад И.Т. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х годов. М.: РОССПЭН, 1998.
3. Новые материалы к работе В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». М., 1935.
4. Harrison M., Broadberry S. The Economics of World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
5. Keynes J.M. The Economic consequences of the peace. Edinburg, 1919.
6. Сайт историка С.В. Волкова. Забытая война [Электронный ресурс]. URL: http://www.swolkov.org/publ/27.htm (2004).
7. The big picture. Available at: www.ritholtz.com/blog/2011/07.
8. UK Public Spending. Available at: www.ukpublicspending.co.uk.
9. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС, 2016.
10. Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.
11. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. М.: Норма; Инфра-М 2017.
12. Крицман Л. О едином хозяйственном плане. М.: Госиздат, 1921.
13. Ноув А. Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов // ЭКО. 1990. № 4.
14. СССР в цифрах в 1989 году. М., 1990.
15. Народное хозяйство в СССР в 1980 г. М.: Финансы и статистика, 1981.
16. Соловьев А. Экономические и организационные условия внедрения новой техники в производство // Плановое хозяйство. 1987. № 12.

References

1. Wallerstein I. The Modern World-System. 1974, vol. I; 1988, vol. II; 1989, vol. III.
2. Dideriks G.A., Lindblad I.T. From agrarian society to the state of general welfare. Modernization of Western Europe from the 15th century to the 1980th years [Ot agrarnogo obshhestva k gosudarstvu vseobshhego blagososotojanija. Modernizacija Zapadnoj Evropy s XV v. do 1980-h godov]. Moscow, ROSSPJeN, 1998 (in Russian).
3. New materials for V.I. Lenin's work "Imperialism as the highest stage of capitalism" [Novye materialy k rabote V.I. Lenina «Imperializm, kak vysshaja stadija kapitalizma»]. Moscow, 1935 (in Russian).
4. Harrison M., Broadberry S. The Economics of World War I. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.
5. Keynes J.M. The Economic consequences of the peace. Edinburg, 1919.
6. Website of the historian S.V. Volkov [Sajt istorika S.V. Volkova]. The forgotten war [Zabytaja vojna]. Available at: http://www.swolkov.org/publ/27.htm (2004) (in Russian).
7. The big picture. Available at: www.ritholtz.com/blog/2011/07.
8. UK Public Spending. Available at: www.ukpublicspending.co.uk.
9. Nureev R.M., Latov Ju.V. Economic history of Russia (experience of the institutional analysis) [Jekonomicheskaja istorija Rossii (opyt institucional'nogo analiza)]. Moscow, KNORUS, 2016 (in Russian).
10. Economic subjects in Post-Soviet Russia (the institutional analysis) [Jekonomicheskie sub#ekty v postsovetskoj Rossii (institucional'nyj analiz)] / ed. R.M. Nureev. Moscow, MONF, 2001 (in Russian).
11. Nureev R.M. Russia: features of institutional development [Rossija: osobennosti institucional'nogo razvitija]. Moscow, Norma, Infra-M 2017 (in Russian).
12. Kricman L. About the unified economic plan [O edinom hozjajstvennom plane]. Moscow, Gosizdat, 1921 (in Russian).
13. Nouv A. What the Soviet experience teaches, or unanswered questions [Chemu uchit sovetskij opyt, ili voprosy bez otvetov]. *JeKO — ECO,* 1990, no. 4 (in Russian).
14. The USSR in figures in 1989 [SSSR v cifrah v 1989 godu]. Moscow, 1990 (in Russian).
15. The national economy in the USSR in 1980 [Narodnoe hozjajstvo v SSSR v 1980 g.] Moscow, Finansy i statistika, 1981 (in Russian).
16. Solov'ev A. Economic and organizational conditions of introduction of the new equipment in production [Jekonomicheskie i organizacionnye uslovija vnedrenija novoj tehniki v proizvodstvo]. *Planovoe hozjajstvo — economy*, 1987, no. 12 (in Russian).